

Мария
Сакрытина

НИКАКИХ ПРИНЦЕВ!

Annotation

Поцелуй принца снимет заклятие с заколдованной девы? Прекрасно, когда ты красавица днем, а чудовище ночью. Но если наоборот? И где тогда найти принца, который полюбит тебя даже чудовищем? Виола и не ищет — в благородных принцев она давно не верит. И так бы и жила себе тихо-спокойно, если бы не сестра-принцесса из другого мира, которой ну очень не хочется замуж. И почему бы не совместить приятное с полезным: если подсунуть жениху Виолу-чудовище, он сам от свадьбы откажется, правильно? Виола тоже так думала, но принц попался настырный.

- [Мария Сакрытина](#)

- [Глава 1,](#)
- [Глава 2,](#)
- [Глава 3,](#)
- [Глава 4,](#)
- [Глава 5,](#)
- [Глава 6,](#)
- [Глава 7,](#)
- [Глава 8,](#)
- [Глава 9,](#)
- [Глава 10,](#)
- [Глава 11,](#)
- [Глава 12,](#)
- [Глава 13,](#)
- [Глава 14,](#)
- [Глава 15,](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Мария Сакрытина
НИКАКИХ ПРИНЦЕВ!

Глава 1,

где мне делают предложение, от которого я могу, но не хочу отказываться

Наверняка все знают историю про заколдованную девушку, которая двенадцать часов в сутки похожа на тролля. Да, там в конце принц целует бедняжку — вуаля, проклятье снято, и «жили они долго и счастливо»... Да нет же, вы не поняли — бедняга не принц, а девушка! Она же страдала от заклятия каждый день, а принц — только те пару секунд, пока ее целовал. Ну ладно, берем по максимуму: пять минут страдал, хорошо? Сколько времени нужно, чтобы влюбиться? Что, пяти минут мало? Ха! А если полкоролевства в придачу?

Значит, история знакома. Постойте, какой огр? А, вы про Шрека. Да, наше современное общество ведь против стереотипов, и принц у нас превращается в огра. Прекрасно — то, о чем мечтает каждая принцесса. Ага, конечно, — всю жизнь быть... э-э-э... огрихой? Огром? Огроледи?

В любом случае есть разница между «красавица — днем, чудовище — ночью» и... Ну, наоборот. Днем — чудовище, ночью — красавица. Уж поверьте мне, разница огромная. Хотите знать какая? Днем другие люди (не заколдованные неудачники вроде меня) бодрствуют, и от них не спрячешься. А еще — встаешь утром, плетешься к умывальнику, смотришь в зеркало... А у тебя рожа зеленая. Да-да, в прямом смысле. Нет, не полностью. Частично. Местами... пятнами.

Бородавки это великолепия только органично дополняют. И если бы только на лице... Зато глаза яркие, красные.^[1] Нет, не как у вампира. У вампира, если вы внимательно смотрели «Сумерки», они бордовые (когда не желтые, да?). А тут — алые. Ярко-алые. Не заметить невозможно. Пройти мимо — нереально.

Что еще? Губы. Ну, не совсем они у меня прозрачные. И не то чтобы как ниточки... Но почти. Ой, да ладно, кого я обманываю — на лицо самая настоящая квакша. Читали «Царевну-лягушку»? Так вот, лично я понимаю, почему царевич лягушачью шкуру сжег. Если его суженая в такую же страхолюдину превращалась, какую я каждое утро в зеркале вижу... То да, любой наказ забудешь. Не для слабонервных зрелище. А мужчины такие впечатлительные, когда дело доходит до женской внешности!

Ну что еще? Хм, пожалуй, вот, в дополнение: я... м-м-м... пухленькая. Не толстушка, но мой силуэт напоминает... шар. Да. Определенно шар. И ноги у меня короткие. И волосы тоже. Короткие, черные и жесткие. И ногти зеленые — всегда, и вовсе не от лака. А между пальцами перепонки. Думаете, это удобно? Плаваю хорошо? Да, плаваю я хорошо. Зато знаете, как я в начальной школе с прописью сражалась? Представляете, каково это — держать ручку перепончатыми пальцами? Ну вот.

Это днем. Каждым днем. А ночью, стоит солнцу сесть... Увы, не там, где я живу, а в другом мире, откуда родом моя мать, так вот, стоит там солнцу сесть, как я — красавица. Писаная красавица, не на что жаловаться: девяносто — шестьдесят — девяносто, длинные волосы натуральной блондинки, синие глаза, пухлые губы. Барби.

Все это не особенно мне помогает, ибо солнце в том мире заходит всегда в одно и то же время — когда в Москве полночь. Согласитесь, если ты лягушка в дневное время, найти принца, который соблазнится твоей благородной душой и золотым сердцем, мягко говоря, сложно. А да, плюс твой отец не король.

Нет, у моего папы частный бизнес, преуспевающая фирма, но современные «принцы» хотят что-то еще, кроме контрольного пакета акций, чтобы без памяти влюбиться в заколдованную «принцессу». А без поцелуя любви мое проклятие не снять.

Все началось еще до моего рождения: папа был толкинистом и на очередной ролевке замутил с ведьмой. Он же не знал, что она окажется настоящей черной колдуньей из другого мира! Я это к тому, что толкинисты хоть в плане параллельных миров и продвинутые ребята, но как-то не догадываются, что в их тусовку могут влиться настоящие маги.

Так что, когда месяц спустя на следующей ролевке папу закадрила на этот раз фея (да, папа у меня видный даже сейчас, а уж в молодости и подавно), он легко попал в розовые сети любви, последствия которой оказались неожиданными для всех. Папа испытал магию на собственной шкуре: отвергнутая колдунья превратила его в осла. А фея неожиданно для себя влюбилась (нет, не в осла, а в папу-человека). Сильно, аж на год (а это серьезный срок для феи). За это время она нашла папу, расколдовала, вышла за него замуж и родила меня. Увы, они забыли пригласить на свадьбу ту самую колдунью, и она обиделась. Колдуньи вообще близко к сердцу принимают каждый раз, когда их забывают куда-то пригласить. Отсюда правило: никогда не забываете про колдуний, а то они о себе напомнят. Папина колдунья напомнила проклятьем дочери, то есть меня. Мама уверена, что это было проклятье лягушки. То есть я должна была

полностью стать лягушкой. Но что-то пошло не так, и я стала... Вот тем, что вижу в зеркале каждое утро.

Самое забавное: когда мама с той колдуньей разобрались (читай, поцарапали друг-другу лица и повырывали волосы), то обе пришли к выводу, что все мужики — козлы. Мама ушла от папы, оставила ему меня, а сама вышла замуж за какого-то принца у себя там... Ну, там, в другом мире. Принц потом стал королем, ветренная фея — его королевой... На три месяца. Ну, знаете этих фей, у них в голове одни цветы. А колдунья вроде бы живет у себя в башне старой девой и уже завела сотню кошек. Или превращает кого-то в кошек, не знаю. Меня она расколдовать не может, как, впрочем, и мама: только поцелуй настоящей любви справится с проклятьем (и если вы подумали про Эльзу с сестрой или Малефисенту, то нет, со мной не прокатит — это должен быть именно влюбленный в меня юноша). С тех пор я полулягушка. Днем. Комаров ем, когда папа не видит. Квакую перед дождем, когда никто не слышит. В общем, ничего так, живу себе потихоньку. И если бы не папа, все было бы просто замечательно.

С ролевками он после феи с колдуньей, конечно, завязал. Ударился в работу. Не женился. Вкусил жизнь отца-одиночки. Говорит, интересный опыт. У нас прекрасная семья, мне не на что жаловаться — папа у меня замечательный. Но почему-то считает, что за шестнадцать лет я еще не привыкла к «лягушка — днем, принцесса — ночью», оттого страдаю, и меня нужно кровь из носу расколдовать. «Жабенок мой, ты столько теряешь!» М-да... Иные мамы так над своими дочерьми не трясутся, пытаюсь устроить их личную жизнь! Папе совершенно невдомек: за шестнадцать лет я привыкла к тому, что люди воротят от меня нос, и даже в метро в час пик вокруг меня пусто. Он еще не понимает, что меня это совершенно не волнует: странно завидовать одноклассникам-красоткам, когда ты краше их в сотню раз. Правда, только ночью. Но все же. И они бегают на свидание с парнями, которые на такую, как я днем, смотрят, точно я... ну, лягушка, а ночью (реши я показаться им на глаза) уложатся к моим ногам штабелями. Это же очевидно: их не волнует, что у меня доброе сердце или золотая душа. Или на литературе я круче всех. Главное, что у меня с лицом. Да сдались мне такие! Пустышки.

А других нет — папа это никак не поймет.

Поэтому практически каждую пятницу я оказываюсь в каком-нибудь крутом ресторане, где, если явишься в джинсах, даже официанты начнут странно коситься и где меню листаешь, как учебник по иностранному языку. Там я, говоря словами папы, социализируюсь. Процесс социализации проходит так: папа вместе с кем-то из партнеров или друзей

(что часто одно и то же) обсуждает какую-нибудь политическую занудность или экономику, а я с моей, хм, социализацией сидим рядышком и пытаемся смотреть куда угодно, но только не друг на друга. Как-то так получается, что у партнеров-друзей папы полно сыновей примерно моего возраста. И большинство из них хоть сейчас на обложку журнала.

— Ну улыбнись же, жабенок! — тихо бросает мне на ухо папа спустя полчаса.

Я поднимаю голову от тарелки, ловлю взгляд моего визави и растягиваю губы в исключительно дружелюбной улыбке.

Визави отшатывается вместе с креслом.

Спустя десять минут отец бедняги тоже что-то шепчет ему на ухо, после чего следует приглашение на танец, сказанное так напряженно и отстраненно, будто нас уже повенчали, близится первая брачная ночь и несчастный жених пытается объяснить, почему он не хочет со мной спать.

С новой, не менее дружелюбной улыбкой я принимаю приглашение, и меня выводят (аккуратно, стараясь не касаться перепончатых пальцев) на паркет.

Танец это напоминает только при взгляде со стороны. А так — попытка меня не трогать, не смотреть и при этом вести под музыку.

— Не бойся, это не заразно, — снова улыбаюсь я.

— Это?

Киваю.

— Зеленым ты станешь потом, когда напьешься, — подмигиваю. — Да, и вот еще: не удивляйся, в конце этой... пытки тебя попросят меня поцеловать. В губы. У моего отца на поцелуях пунтик. Так вот, если не хочешь меня еще раз увидеть... Не делай вид, что тебе о-о-очень неприятно, ладно?

Тяжелый вздох. И неразборчивое:

— А я так хорошо мог провести этот вечер!

— Да, я тоже.

Эта реплика зарабатывает еще один вздох. И неожиданное:

— А ты неплохо танцуешь.

— Спасибо, — для разнообразия не улыбаюсь. Все-таки мне сделали комплимент, незачем пугать лишний раз. — У меня большая практика.

— Практика?

— Парень до тебя, когда пригласил, повис на мне как будто без сознания, и я тащила его весь танец, как мешок с картошкой, — я подмигиваю. — Так что да, практика.

Это заявление вызывает смешок, впрочем, сдержанный. Не пойму

только, нервный или человеку действительно весело?

В конце — после танца и поцелуя — мы оставляем «предков» за их акциями, парламентскими выборами вместе с курсом доллара и расходимся каждый в своем направлении.

— Тебя подвезти?

Да, так тоже иногда бывает. Папины акции или мое обаяние?

Широко улыбаюсь — обычно это действительно производит неизгладимый эффект — и в упор интересуюсь:

— Тебе мало было моего общества? — На этом месте главное, круто разворачиваясь на каблуках, не свалиться.

— Вика, послушай. Мы можем, по крайней мере, сделать вид, что встречаемся... — да, и это иногда предлагают.

Разворот обратно.

— Я Виола, а не Вика. Можем. Зачем это тебе?

— Ну... — чаще всего не отвечают. Хотя, бывает, признаются: новая машина, месяц отдыха без контроля родителей и неограниченный кредит карманных денег. Один раз была даже лошадь.

Круто, когда с тобой встречаются из-за лошади.

— Давай поставим вопрос иначе, — улыбаясь безотказной лягушачьей улыбкой, говорю я. — Зачем это мне?

На этом месте следует удивление. Как? Такая уродина — и не хочет похвастаться парнем с внешностью голливудского актера?

Порой мне описывают прелести «свиданий». Кино или «я отведу тебя туда, где ты никогда не была», танцы... Редко, но бывает клинический случай: «Ты хорошо целуешься». Тогда я отвечаю, не переставая улыбаться:

— Аккуратнее, а то я явлюсь к тебе во сне, — или что-нибудь в этом роде. Практика.

А если, как сегодня, в ответ тишина, то я вежливо желаю:

— Спокойной ночи.

Если повезет, мы больше никогда не увидимся.

Не понимаю, почему девчонки в моем классе в школе — да всюду! — так озабочены этими свиданиями? Скука смертная, парни — такие же озабоченные идиоты. Действительно, стоит быть лягушкой днем, чтобы открылась эта простая истина.

Домой я приезжаю в одиннадцать: папа вернется еще позже — пока все акции обсудит... А то и в офис заедет — это вообще надолго. Магия вроде Кольца Всевласти в этих офисах, не иначе.

Первое, что мечтаешь сделать дома: выкинуть к чертовой матери

туфли на каблуках, можно вообще все — отомстить той паре, что натерла тебе ноги. Конечно, по закону подлости туфли не согласны — они желают остаться на мне навечно. Язычок застёжки цепляется за ноготь на руке, пока я, сидя на корточках, на последнем издыхании пытаюсь ее расстегнуть. Потом наконец поддается — и я с чувством отпинываю туфли, они летят через холл, ударяются о дверь гардеробной, заглушая на мгновение рыдание откуда-то из моей комнаты.

Что делает человек, если слышит, как в его предполагаемо пустой квартире рыдают?

Я наведываюсь на кухню — о, это блаженство босых ног по паркету! — заглядываю поочередно в холодильник и в буфет. Щедро насыпаю в вазочку конфеты и ставлю чайник. Чайник уютно пыхтит, тикают часы, что-то шепчет забытое папой с утра включенное радио. Я забираю вазочку и иду, ориентируясь на рыдания.

Красивая, как картинка, как видение романтического поэта, как муза, скрещенная с моделью, — блондинка в розовом полупрозрачном платье лежит на моей кровати и, уткнувшись в подушку, тянет на одной ноте: «И-и-и-и!»

— Привет, Роз, — вставляю я, когда она затихает на мгновение, чтобы перевести дыхание. — Шоколад?

Блондинка немедленно переворачивается — поверьте мне, даже зареванная она безумно красива — и смотрит на меня полными слез, большими синими глазами (от которых мужчины в прямом смысле теряют голову). Всхлипывает, умоляюще протягивает руку.

— Ви-и-и-и!

«Ви» — это сокращенно мое имя. От Виолы.

Я сую ей в руку вазочку и минуту наблюдаю, как Роз набивает рот шоколадом. Ненадолго, но это помогает.

Роз — моя сестра. Розалинда. Помните короля, за которого моя мама вышла замуж после папы? Вот, ему она тоже умудрилась родить дочку. На этот раз никакая колдунья не протестовала, так что Роз выглядит так, как и должна выглядеть помесь цветочной феи с человеком. То есть как очень, очень, очень красивый человек.

В отличие от меня, проклятой и дурнушки, Роз умеет колдовать. Не сильно, ну... Горы не двигает, день с ночью местами не меняет, зато вполне может щелчком пальцев вытащить из воздуха алмазную тиару («Ой, Ви, да какая разница, откуда я ее взяла?»), или заставить цветы разговаривать (никогда не общайтесь с розами. Серьезно — никогда!), или открыть портал к родной сестрѐнке — правда, ненадолго и, как показали

эксперименты, сама Роз дальше квартиры не пойдет. Говорит, она не принадлежит этому миру (согласна, это эфемерное создание совершенно не принадлежит нашему миру). Еще она в состоянии забрать в свой мир меня — и я-то их миру как раз очень даже принадлежу, а значит, в свободе передвижений не ограничена. И, так как по ночам я практически копия Роз, мы частенько разыгрываем там надоевших принцессе придворных. Обычно эти приключения начинаются именно со слез в подушку.

— Ви, моя жизнь кончена-а-а-а!

— Чайку?

— Нет, ты не понимаешь, она совсем, вообще кончена-а-а-а!

— Тогда чайку с ликером.

Чай я приношу в комнату. И не дай бог предложить Роз кофе. Последний раз ее тошнило всю ночь, и она уверяла, что это я ее отравила. Так что кофе — ни-ни. Зато ликер Роз может хлебать бутылками, и ей хоть бы хны. Иномиряне.

Когда вазочка пустеет — параллельно с ликером, — Роз наконец со всхлипом вздыхает и выразительно смотрит на меня. Это значит, пора выпытывать, что же случилось.

— Ну?

Согласна, у меня никогда не получалось делать это как следует, со страстью в глазах, словами утешения и чистым платком наготове.

Роз опять всхлипывает — прекрасные глаза снова наполняются слезами.

— Меня з-з-замуж в-в-выдают!

Да, это, конечно, большая трагедия. Особенно для прекрасной принцессы, в которую все обязательно влюбляются с первого взгляда. Ну, максимум со второго.

Не найдя в моем лице сочувствия, Роз надувает губки и снова тянется за конфетами. Я подливаю ей в чашку ликер.

— За кого?

— Я не зна-а-аю!

— А в чем тогда проблема?

— Ви, ну ты как всегда! — всхлипывает Роз. — Как ты не понимаешь: моя жизнь кончена!

— Не понимаю.

Роз вздыхает. И раздражается объяснениями. Оказывается, ее отец организовал дочери брак по расчету с иностранным принцем. Нет, не прямо сейчас, а через три года, когда Роз закончит учебу — к слову сказать, в самой крутой школе их мира. Принц учится там же — венценосные

родители с обеих сторон решили, что молодые как раз успеют познакомиться и, по возможности, влюбиться. В общем, узнают друг друга поближе.

— Так в чем проблема?

— Ви! — патетично восклицает сестра и допивает остатки ликера прямо из бутылки. Никогда не видели красавицу блондинку в розовых рюшках, хлещущую малиновый ликер из горла? И хорошо — не для слабонервных зрелище. Начинаешь думать: что-то в мире идет не так. — Ну представь: я — и школа? Меня — в школу?!

Я действительно представляю Роз за учебниками. И да, мне становится смешно. Честно говоря, не совсем уверена, что моя сестрица умеет читать... Хотя рецепты по зельям для красоты она же как-то разбирает... Впрочем, там полно картинок. Я еще раньше думала: зачем?

— Но тебе же не нужно становиться ученым, Роз. Отец у тебя дневник проверять не станет, верно? Тебя же отправляют, просто чтобы ты с женихом познакомилась, приятно время провела. Может, он тебе понравится? Представь, он же принц и...

— Ви, ты рассуждаешь, как начитавшаяся романтических книжек крестьянка, — обрывает сестра. — Хочешь, я открою тебе большой секрет: что делает принцесса после замужества?

— Не хочу.

— Так вот, — не обращая на меня внимания, продолжает сестра, — принцы, Ви, делятся на две категории: те, что будут править, и те, что будут бить драконов, троллей и прочих несчастных ранимых личностей. Следовательно, первые сажают принцессу в башню, чтобы не мешалась, пока они зарываются в пыльные свитки законов. А вторые уезжают на подвиги. И как ты думаешь, что делает в их отсутствие жена?

— Развлекается на полную катушку, пока мужа невесть где носит?

— Сидит в башне и машет вслед платочком!

Пауза. Роз с грустным лицом шарит рукой по дну пустой вазы. Шоколад закончился. И в вазе, и в холодильнике, и вообще дома.

— Ну ладно, я поняла масштаб трагедии, — прерываю тишину я. — И что теперь делать мне?

— Конечно, жалеть меня!.. Ви, будь другом, сходи за шоколадом.

Я ставлю пустую вазочку на стол.

— Роз. Мне тебя. Очень. Жалко.

Снова пауза. Мы сверлим друг друга взглядами. Забавная, наверное, картина: человеколягушка и сказочная блондинка на кровати, усеянной фантиками, наклонив головы, исподлобья таращатся друг на друга.

Снова я не выдерживаю первая:

— Рассказывай. Теперь правду, Роз. Если бы ты хотела, чтобы тебя пожалели, ты бы выбрала в утешители не меня. Вместе с тобой сейчас рыдала бы вся ваша столица, если не вся страна, а принцу бы уже слали вызовы на дуэль. Так в чем дело?

Роз вздыхает. Опускает голову. Опять смотрит на меня — умоляюще. Если бы Роз жила в нашем мире и этот взгляд сфотографировали, кот из «Шрека» никогда бы не получил столько лайков — не выдержал бы сравнения.

— Я хочу... — дальше неразборчиво. И Роз мгновенно отчего-то краснеет.

Удивленная — впервые вижу, чтобы она смущалась, — я наклоняюсь ближе.

— Еще раз.

— Я хочу... стать... акс... й! — и смотрит на меня своими громадными синими глазами.

Гляжу в ответ. Мимо пролетает комар. Очень хочется его съесть.

— Кем-кем ты хочешь стать?

— Актрисой! — тоненько выкрикивает Роз, красная как рак. — Я хочу стать актрисой!

— Зачем?

Сестрица взмахивает длинными ресницами.

— Мм, Ви... Я думала, ты будешь смеяться.

— погоди, я просто еще не осознала. Так зачем тебе быть актрисой? Ты же, черт возьми, принцесса!

Роз отводит взгляд и рассказывает, постепенно увлекаясь, как ей хочется повидать мир, стать свободной и «вообще, Ви, это же так приятно — перевоплощаться в других людей». Она распаляется, а меня и впрямь тянет смеяться... Но знаете, она ведь моя сестра. И если хочет стать, хм, актрисой — ну пусть станет. Что я ей и говорю.

— Понимаешь, Ви, — отвечает Роз, — папа как раз рассмеялся.

Киваю. Вытаскиваю заначку шоколадки из прикроватной тумбочки — черный день для Роз все-таки наступил. Съедаем вместе.

— В общем, — сообщает после паузы Роз, — я решила сбежать. — И снова предвкушающе смотрит на меня.

Я опять не оправдываю ее ожиданий.

— Сбегай.

— Сбегу, — кивает Роз. — Только, Ви, знаешь, папу подводить тоже не хочется. У него на этот брак какой-то договор завязан. Я не поняла какой,

хотя папа весь день мне объяснял. Но вроде как отказываться нельзя, иначе мы этот договор не получим...

— Не сбегай.

— Но я же хочу стать актрисой!

— Выйди замуж и стань актрисой. В чем проблема-то?

— Хочу сейчас! — капризно хмурится Роз.

— Ну тогда сбегай, и к черту папу.

— Да-а-а, к черту! Я его тоже люблю. У меня папа хороший, — Роз надувается, как блондинка над шоколадной фольгой. — Нет, Ви, у меня к тебе предложение. Понимаешь, мне от свадьбы отказываться нельзя. Но я тут подумала... А что, если жених откажется?

— От тебя? Только если он слепой. Да и то вряд ли, — усмехаюсь я.

Роз в ответ несмело улыбается.

— Ну так вот, я тут и подумала... Давай вместо меня ты с ним познакомишься, а?

Не могу сказать, что предложение получилось уж совсем неожиданное. На самом деле несколько раз мы такое уже проворачивали: я являлась вместо Роз на свидания к ее ухажерам, которые сестре не нравились, но встречаться было надо, ибо «папенька очень просил». После общения со мной ухажеры немедленно делали то, чего от них хотел папенька Роз, — только бы больше меня не видеть. Впрочем, пару заезжих принцев я все-таки отправила искать спасения от проклятья, которое якобы наслали на Роз с их прошлой встречи. Сестра всегда говорила потом отцу, что эти принцы «даже целоваться не умеют». Наверное.

— Хм. А школа, Роз? Я вообще-то колдовать не могу.

— Вот, я тут еще подумала... Ви, а может, ты заодно и из школы за меня вылетишь? Папе будет все равно, если помолвку расторгнут, а мне там три года не мучиться...

Я отворачиваюсь. На самом деле сейчас лето, скучно, и если остаться торчать в Москве, то придется по папиной просьбе ходить на эти идиотские встречи в ресторанах или готовиться к выпускным экзаменам, что, конечно, чуть-чуть веселее, но не сильно. А вот посмеяться над незнакомым принцем... И безнаказанно устроить Роз красивое исключение из школы? И мне за это ничего не будет... Что я теряю?

Остался один момент.

— Желание, Роз. Без ограничений. Я помогаю, а ты потом исполняешь любое мое желание. Согласна?

Сестра усмехается. Так мы с ней тоже уже играли. Последний раз с ее помощью я отомстила однокласснику, который решил, что цель его жизни

— сообщить всему свету, какая я уродина. Умник даже в гости ко мне, хм, пробрался... Ничего, он на фотографиях в Интернете тоже забавно смотрелся. Особенно когда Роз его поцеловала... Да, здесь нужно сделать маленькое отступление: Роз — дочь цветочной феи, и после поцелуя она натурально может делать с мужчиной что угодно. Тот будет только улыбаться и исполнять все, лишь бы она целовала его еще. Поэтому умные люди с цветочными феями никогда не целуются.

— Хорошо. Желание. Только завтра будь готова, Ви.

Я киваю, и довольная сестра растворяется в воздухе, оставляя после себя стойкий цветочный запах.

Проветриваю комнату. Убираю с кровати фантики. Долго рассматриваю «шоколадные пальчики» на белом покрывале — аккуратно на морде снежного тигра. Тигра очень жаль. Иду в ванную, отправляю покрывало в стиральную машинку. Слышу, как поворачивается ключ в замке входной двери, выпрямляюсь — и тут меня застигает превращение.

— Виола, ты еще не спишь? — заглядывает в ванную папа, и я вижу, как расплывается на его лице улыбка...

— Па-а-ап! — Из зеркала на меня в ответ глядит, пожалуй, даже улучшенная копия Роз. Впрочем, мне каждый раз так кажется — на контрасте с «лягушкой».

— И почему ты никогда не ходишь на свидания после полуночи? — качает головой папа, выгоняя меня из ванной.

— Даже не знаю, пап. Может, я просто хочу, чтобы они полюбили меня, а не куклу Барби? Между прочим, ты в курсе, что то, что ты сейчас спросил, не скажет ни один вменяемый отец шестнадцатилетней дочери?

— Жабенок мой, ты же копия своей мамы, — смеется мне вслед папа. — А уж я знаю, на что способны феи. Между прочим, если еще не легла, подожди меня. У меня к тебе серьезный разговор, — и хлопает дверью.

— Да-а-а, пап, у меня тоже...

— Виола, пойми меня правильно, — теперь уже папа сидит на моей кровати, застеленной пледом с кошками. Идиотским пледом со смешными кошками. У той, что смотрит сейчас на меня, явственно косит левый глаз. — Пожалуйста. Я не хочу на тебя давить, или настаивать, или, не дай бог, заставлять... Но тебе шестнадцать лет, и уже пора подумать о будущем.

В двенадцать ночи самое время думать о будущем.

— Папа, я уже все решила. — Теперь надо выдержать театральную паузу... — Я хочу стать моделью!

— Ви, я не уверен, что ты найдешь модельное агентство, которое будет работать только по ночам... А, понял. Ты так смеешься.

Я и правда смеюсь.

— Да, пап. Прости, но я сейчас не хочу думать о будущем. Давай как-нибудь потом? В будущем.

Папа вздыхает. Внимательно смотрит на меня. Снова вздыхает.

— Ладно. Но я напоминаю: тебе шестнадцать, и если ты в ближайшее время не определишься с университетом, я отправлю тебя в Бауманку.

— Почему в Бауманну? — изумляюсь я. — Пап, у меня трояк по математике! Какая Бауманка?

— Потому что там на девяносто процентов мальчиков по статистике десять девчат, — отзывается папа. — И эти десять в лучшем случае выглядят как...^[2] В общем, неважно.

— Ничего, по сравнению со мной, дневной, они будут королевами, — усмехаюсь я. — Пап, я не хочу замуж.

Папа снова вздыхает.

— Виола, скажи мне честно... тебе нравятся девушки?

Пару мгновений до меня доходит смысл вопроса. Точнее... э-э-э... все... смыслы.

— Что?! Па-а-ап! — Он невинно глядит на меня. — А, понятно. Ты так шутишь. Не смешно!

— Тогда в чем проблема с парнями вокруг?

— Проблема? Может, то, что они все озабоченные ничтожества со стереотипами в голове вместо мозгов?

— Виола, ты понимаешь, что ты сейчас говоришь с одним из таких же озабоченных, только слегка повзрослевшим?

Слегка.

— Пап, мне не нужны отношения. Правда. Мне хорошо одной, серьезно! Посмотри на меня — кто мне еще нужен?

Папа смотрит.

— Да уж. Ладно, жабенок, я узнаю, есть ли в Москве ночные агентства, которые не снимают моделей в стиле «ню». Но насчет Бауманки я не шутил!.. Так о чем ты хотела поговорить?

— Пап, Роз заглядывала...

— Нет.

— Что «нет»? Я ведь еще ничего не сказала!

— Я знаю твою сестру, Ви, — улыбается папа. — Хочешь угадаю? Она предложила тебе навестить ее в мире твоей матери, а попутно разыграть какого-нибудь уродца, или недотепу, или неуклюжего толстосума,

посватавшегося к юной прекрасной принцессе. Ну как? Я угадал?

— Э-э-э... Да.

— Отлично. Нет. Ты остаешься дома и думаешь о будущем.

— Но, па-а-ап!

— Виола. Пора. Хватит, ты достаточно развлекалась. У тебя трояк по математике! И ты еще ни разу ни с кем не встречалась! В шестнадцать-то лет.

— Пап, Роз хочет стать актрисой...

— Порно?

— Па-а-ап! Но серьезно, вот посмотри, она уже подумала и решила...

— Виола, последний раз, когда твоя сестра подумала и решила, ты явилась домой под какой-то дурью...

— Это была розовая пыльца!^[3]

— От которой потом весело хихикало все отделение наркологии...

— Куда ты зачем-то меня потащил! Пап, кто старое помянет...

— Виола, нет.

Вздыхаю. Ладно, и впрямь последний раз... Потерплю.

— Пап, а давай, когда я вернусь, поеду с тобой на охоту? На дачу к этому... как его... Ну, ты понял. У которого сын рыжий такой идиот с... Постой, он же в Бауманке учится?

Папа задумчиво смотрит на меня и медленно качает головой.

— Обещаешь? И? Как долго займет эта ваша с сестрой... шалость?

— Два месяца.

— То есть все твои каникулы, которые ты могла бы потратить с пользой на исправление трояка по математике.

— Пап, да исправлю я этот несчастный трояк! Дай мне нормально отдохнуть хоть это лето, а?

Пауза. Довольно долгая, задумчивая тишина...

— Хорошо. Но никакой пыльцы, никаких танцев на столе в стиле «а мне не слабо» и никаких вин, коньяка, ликера и вообще спиртного. Ясно?

— Ясно...

Папа кивает. Тянется ко мне — я подставляю щеку.

— Спокойной ночи, моя фея.

— Спокойной ночи, пап...

Моя очередь закрываться в ванной. Под шум прохладной воды думается всегда хорошо — и я думаю. Представляю, какой должна быть лучшая школа сказочного мира. И как там воспримут лягушку... Конечно же, как везде.

Куда веселее представлять физиономию принца, когда вместо феи он

увидит заколдованную меня...

Я выхожу из душевой кабинки, вытираюсь и замираю перед зеркалом. Золотоволосая красавица смотрит на меня в ответ — само отражение словно шепчет: «Ты прекрасна».

Красавица ночью, чудовище днем... Я куда сильнее привыкла к «лягушке», но эта... Эта фея — она ведь тоже я.

А еще если долго смотреть в зеркало и представлять рядом такого же прекрасного принца... Он обнимает красавицу, целует и нежно шепчет ей на ушко: «Люблю», а глаза его говорят: «Брошу мир к твоим ногам», — в такие моменты сердце сжимается, и мне становится очень грустно. Это же сказка, такие мечты. Только даже в сказочном мире ее не найти, я знаю. Когда-то я искала.

Красавица в зеркале грустно улыбается одновременно со мной.

Ну что ж. Я же говорила, что люблю одиночество. Это правда. Да.

Просто в такие моменты, после полуночи, глядя в зеркало, понимая, как легко я могла бы не быть одна, как легко получала бы восхищенные взгляды и признания, как легко мне бы говорили комплименты и предлагали сорвать звезду с неба... В такие моменты мне хочется...

А, глупости все это!

Глава 2, в которой я знакомлюсь с принцем и глокая куздра... курдячит бокренка

Ваше высочество, вам пора вставать. — Занавески балдахина с тихим шелестом отодвигаются, а мне кажется, что это по стеклу чем-то противно скрипят. Да уж, проводила вчера сестру на актерское поприще...

Обнимаю подушку и со стоном прижимаю ее к лицу. Не помогает. Подушку отнимают через пару секунд, когда я успеваю снова заснуть.

— Вам пора вставать, принцесса, — повторяет тот же бесстрастный голос. — Вы в школу опоздаете.

— Да и... эту школу! — бормочу я, переворачиваясь на живот и отчаянно зевая.

— Принцесса, — невозмутимо отвечают мне, — ваш отец расстроится, если вы опоздаете в первый же день.

— Папа привык, — бурчу я. — Отвали. — Потом на всякий случай вежливо добавляю: — Пожалуйста.

В ответ слышится тяжелый вздох.

— Принцесса, вас жених ждет.

— Где?! — вскидываюсь я и тут же утыкаюсь взглядом в светлогожего брюнета с глазами, про которые принято петь баллады. Ну, знаете, «и утонула я в них с концами...» Или как-то так. — Ты кто?

А в голове молнией проносится: «Жених!» Я рывком прижимаю к груди одеяло и в панике пытаюсь придумать приветственную речь. После вчерашнего получается плохо.

Брюнет позволяет себе еще один вздох. Выпрямляется. Серьезно смотрит на меня, и по глазам непонятно: то ли всего лишь осуждает, то ли желает, чтобы я и впрямь, хм, утонула, в смысле утопилась в его глазах. С концами.

— Габриэль, принцесса. Я ваш рыцарь.

— А-а-а, Га-а-а-би, — я зеваю и падаю обратно на подушки. — Ты как-то... м-м-м... изменился.

Рыцарь — впрочем, без доспехов и даже без забрала, что для сказочного мира непорядок, — изящно поднимает левую бровь.

— Если мне память не изменяет, — продолжаю я, — у тебя было, по крайней мере, четыре лапы и очень пушистый хвост. И... вообще, вчера ты

был котом. Рыжим. В белую полосочку. С кисточками на ушах. Нет?

— Я был мадрулкотом, — не моргнув глазом, откликается рыцарь. — Я дух, ваше высочество. Если вы забыли. Я могу принимать какое угодно живое обличье. Но в столице Сиерны запрещено появляться духам в любом облике, кроме человеческого, — он встречается со мной взглядом. Я пытаюсь вспомнить: точно, мы в столице этой самой Сиерны, королевства принца — жениха Роз... — А сейчас, ваше высочество, если вы закончили с обсуждением моей внешности, может быть, вы вспомните, что вам пора в школу, а вы до сих пор не встали?

— Я принцесса и могу валяться в кровати хоть до полудня! — восклицаю я в ответ, элегантным движением ноги отшвыривая одеяло.

Габи ловит его и вздыхает еще тяжелее.

— Ваше высочество...

— Слушай, я же не Роз, почему ты так меня называешь?

Он складывает одеяло, очень аккуратно, как-то механически даже, и отвечает:

— Меня призвали служить принцессе Кремании. Вы сейчас занимаете ее место.

— И тебе абсолютно все равно, что я не Роз? — догадываюсь я.

— Да, госпожа. А теперь соблаговолите, пожалуйста, встать, вы уже на десять минут опоздали.

Ха! Я раскидываюсь на кровати в позе звезды.

— Всего на де-е-е-еять?

Невозмутимый Габриэль откладывает одеяло и колокольчиком вызывает камеристку. Та, словно ждала под дверью, тут же влетает в спальню, точно балерина из «Лебединого озера» на сцену. Видит на кровати меня, уже усевшуюся на подушках... Резко тормозит и изящным движением закрывает рот ладошкой.

— Ваше высочество!.. Что с вами?!

Падаю обратно на подушки.

— Ой, плохо мне!

— П-принцесса! — лепечет бедная красавица камеристка, не забывая стрелять в Габриэля глазками.

— Ваше высочество, пятнадцать минут, — напоминает тот и разворачивается к двери.

— Скажи, когда будет полчаса! — кричу я ему вслед.

Габриэль оборачивается, невозмутимо кивает и уходит.

Насколько я помню, он и вчера таким был. Даже котом. Погладить не дался — Роз при мне не пробовала, а я только один раз попыталась.

Пришлось бегать за ним по комнате кругами, пока веселящаяся сестрица хохотала, наблюдая за нами. К слову, Габриэль и правда дух, а значит, по сути, бесплотен. Это основание, а еще то, что духи никогда и ни при каких обстоятельствах не способны влюбиться, убедило отца Роз (который вообще-то «самых честных правил») пригласить любимой дочери из Астрала «надсмотрщика». Основным занятием Габриэля (имя придумала, естественно, сестра) является охрана, а на деле — вытаскивание Роз из разных неприятностей вроде, хм, танцев на столе и злоупотребления розовой пылью в злых местах сказочного мира. Злых мест тут, кстати, много — одни эльфийские рощи чего стоят! — но о них как-нибудь в другой раз, а то я правда в школу опаздываю.

Камеристка тем временем отмирает и начинает суетливо помогать мне с утренним королевским ритуалом. В него входят ванна, маникюр с педикюром, маска и скраб, выбор платья, выбор обуви, выбор сумочки, выбор прически, выбор заколочек-тиары-диадемы, выбор духов... и-и-и... легкий завтрак. Очень легкий.

Ванну я принимаю с удовольствием: моей постоянно сохнущей «дневной» коже нужна вода, и часто. К тому же кто в здравом уме откажется поплавать в бассейне среди лепестков роз и айсбергов пены?

— В следующий раз пусть будут фиалки! — капризничаю я, подражая Роз. Камеристка не в курсе нашей с сестрицей подмены, и кто ее знает, может, она тайная шпионка короля? — Хочу фиалки! Видишь, от роз у меня зеленеет кожа.

Камеристка удивленно хлопает ресницами.

— Конечно, ваше высочество. Все непременно будет, как вы хотите, ваше высочество!

Не понимаю, зачем Роз решила сбежать от этого и стать актрисой?

С маникюром и педикюром случается конфуз, потому что камеристка пытается подпилить мои перепонки между пальцами, я визжу, и в спальню вбегает Габриэль. Он смотрит на белую как простыня служанку, на зеленую сердитую меня, вздыхает и уходит. Кажется, я ему не очень нравлюсь. Может, даже совсем не нравлюсь.

Да какое мне дело?

Завтрак я решаю передвинуть в сестрином расписании и поставить сразу после маникюра. Все-таки мне нанесли травму, пусть и только душевную (потому как перепонки в порядке), и мне надо как-то ее пережить.

Так что я уплетаю рыбу за обе щеки, а шоколад скармливаю камеристке. Та не против. Прекратив извиняться, она восторженно

рассказывает мне, какая я счастливица: выйду замуж за самого принца. Такая мечта, такая удача! Уточняю, что там за принц. То есть какой он, мой жених? «Он та-а-а-акой!» — восклицает камеристка и закатывает глаза. Ясно. Такой...

Немного обсуждаем и школу. Болтливая служанка щебечет, что и она, ах, и она тоже ходит в школу (правда, в другую, но, по словам камеристки, ее школа — лучшая). И ей там очень нравится! Там столько всего интересного! Столько полезных вещей рассказывают!

Прерываю поток восхищения вопросом, что за школа? Камеристка называет: оказывается, там готовят — внимание! — золушек. Как я понимаю, красивых и миленьких девочек из бедных семей учат ткать-прясть-убирать-прислуживать, а потом за хорошее поведение и отличные оценки отпускают раз в сезон на бал. Есть ма-а-аленькая вероятность, что, когда такая принцесса-на-ночь будет убегать после двенадцати, принц (или граф, ну, или барон на худой конец) соблазнится ею, поднимет со ступенек ее туфельку и пойдет искать в школу золушек свою «любовь», чтобы жить потом с ней долго и счастливо. «Но большинство почему-то туфельку не поднимает, — грустно вздыхает эта горе-золушка. Потом, подумав, добавляет: — Или вот, в прошлом сезоне заграничный принц за Кайлой погнался, она уже обрадовалась, туфельку скинула, к карете бежит... А принц наклонился, туфельку взял, да как грохнет об пол! Кайла говорит, ее сердце тогда на тысячу осколков вместе с туфелькой и разбилось...»

Мораль: не влюбляйтесь в принца. Особенно с первого взгляда. Особенно за одну ночь. Я так моей камеристке и посоветовала, но она не вняла — глянула на меня с таким убеждением («будет и на нашей улице праздник!»), что я сразу замолчала. Не надо разрушать людям мечты. Что я, принц какой, чтобы хрустальные туфельки об пол грохать? Фигурально выражаясь.

С нарядом совсем нехорошо получается, потому как выбирать оказывается равным счетом не из чего. Нет, у Роз громадный гардероб, он занимает не просто отдельную комнату, а целую галерею. Беда только в том, что я не вижу разницы во всех этих вычурных платьях, туфлях на высоких каблуках и драгоценных побрякушках... Поэтому в ответ на вопрос: «Ваше высочество, что вы хотите сегодня надеть?» — тыкаю пальцем в первое попавшееся платье. Розовое, воздушное, с кружевами. Выгляжу я в нем... ну, как лягушка в пышном розовом платье. В довершение образа камеристка, фальшиво улыбаясь, убирает мои волосы в конский хвост и скрепляет их кружевным бантом, украшенным жемчугом. Мои черные, непослушные, короткие волосы — в хвост. И громадный бант

венчает это уродство. Честное слово, когда я смотрюсь в зеркало и вижу в нем это... В общем, бедный принц. Даже Габриэль, когда заходит за мной, на мгновение теряет всю свою невозмутимость. А уж когда я надеваю туфли на таком каблуке, что впору обзывать их ходулями... Представьте лягушку в розовом платье, с розовым бантом да на розовых каблуках, на которых эта лягушка ковыляет, как будто ноги ей в гипс закатали... Без сомнения, титул «Невеста года» достанется мне, потому что все судьи просто умрут от смеха, когда меня увидят.

Господи, что я несу? Какой титул? Это все каблуки. Точно вам говорю, их высота как-то влияет на мозговую деятельность. Причем обратно пропорционально.

— Габи, скажи, что мне недолго на них ковылять!

Габриэль, презрев этикет, поддерживает меня под руку — иначе я просто не в состоянии идти.

— У крыльца нас ждет карета, ваше высочество.

Я облегченно выдыхаю. Но потом меня посещает страшная мысль, и я уточняю: а эта самая крутая школа для золотой молодежи — она большая?

Габриэль невозмутимо перечисляет все, что он видел на плане школы: все корпуса, общежития (зачем принцам общежития?!), сады, пруды и бассейны... По его описанию, там не школа, а целый город размером с Москву. Так что идти от подъездной аллеи до учебного корпуса мне придется долго...

Всю дорогу в карете я строю планы, как оторвать каблуки и не остаться без туфель.

А вот всю дорогу от кареты до главного учебного корпуса я уже никакие планы не строю — потому что очень сложно строить планы на ходулях, с гипсом на ногах, да еще и, как оказывается, этот гипс натирает везде, где только может!

Возле какой-то рожицы, кажется, даже с фонтаном и павлинами, я не выдерживаю, хватаюсь рукой за березу, представляю вместо нее сестру и начинаю высказывать ей все, что я думаю про эту идиотскую выходку со школой. Нет, я согласна поиздеваться над принцем... Но пока что издеваются только надо мной! Причем издевается Роз. Заочно. Чем я ей так насолила?!

Габриэля хватает минут на пять. Потом он довольно робко (кажется, я произвела на него нужное впечатление) интересуется, чем он может мне помочь.

Я пинаю со злости ствол (чуть не сломав попутно ногу) и на выдохе восклицаю:

— Или ты меня сейчас понесешь, или я разуваюсь, раздеваюсь и иду знакомиться с новым коллективом в одной лягушачьей коже!

Габриэль, вернув всю свою невозмутимость, спокойно подхватывает меня на руки — как раз в тот момент, когда я тянусь к застёжке левой туфли.

— Принцесса не может выглядеть неподобающе.

Мне есть что сказать в ответ — и о принцессе, и о «подобающе», и о том, что меня бесцеремонно хватают и куда-то несут (ну и что, что я сама предложила — это же еще не значит, что можно сразу хватать!)

Но говорю только:

— Господи, за что?! — А потом какая-то деталь шлейфа порывом ветра затыкает мне рот, да так эффективно, что всю оставшуюся дорогу я занята только тем, что пытаюсь ее выплюнуть и попутно не свалиться с рук рыцаря.

Оглядываться по сторонам, я конечно, не успеваю. И очень удивляюсь, когда вместо классной комнаты (как бы она ни выглядела в сказочном мире — я уже ко всему готова) меня сгружают в кресло перед громадным дубовым столом, очень напоминающим тот, что стоит у папы в кабинете.

— Принцесса... Розалинда? — с сомнением интересуется требовательный женский голос, мгновенно навевший неприятные воспоминания о моей школьной директрисе.

— Зовите меня просто: Виола, — машинально откликаюсь я и поднимаю взгляд.

С учетом сказочности... А впрочем, директрисы, наверное, во всех мирах одинаковые. Эта отличается только тем, что очки у нее не круглые, а вытянутые и вместо блузки ярко-алое платье в золотистую блестку. Но декольте такое же. И взгляд. Впрочем, нет, во взгляде сейчас изрядная доля удивления. Мадам смотрит на меня, на лист с портретом Роз на столе. Снова на меня. На портрет. Опять на меня. Плененная в лифе платья грудь при этом так колыхается — ну прямо как у порноактрисы в фильмах «18+», которые папа у себя на диске С в папке «Совершенно секретно» прячет и думает, что простенький пароль кого-то остановит. А вообще-то я считала, что у тех актрис это монтаж да спецэффекты, и грудь должна подчиняться законам физики. А вот ведь...

— Виола? — наконец поднимает бровь директриса. И смотрит на меня с таким омерзением, как будто перед ней сидит не лягушка, а по меньшей мере тутовый шелкопряд в розовых кружавчиках.

— Да-да, — киваю я. — Жабенком меня папа зовет, а друзья — Виолой. Ну а так я, конечно, Розалинда.

Вообще-то друзей у меня нет, если не считать Роз. Она зовет меня Ви, но что-то мне говорит, если я предложу это мадам директрисе, она грохнется в обморок от изумления.

— Итак, Розалинда, — выдыхает директриса. И тут же, совсем не в образе тоненько вскрикивает: — Но когда вас успели проклясть?!

Я ловлю взгляд Габриэля, стоящего у книжного шкафа с таким невозмутимым видом «я — мебель», что настоящему шкафу должно быть стыдно. И понимаю, что если что-нибудь не придумаю, а скажу правду или заставлю директрису (она же маг, да?) залезть мне в голову, то, хм в, шкаф закатают меня.

— Понимаете, папа, в смысле, мой отец-король, — начинаю я, — меня очень любит. И так как проверку драконом или турниром мой суженый уже не пройдет, папа... в смысле, его величество... Но он же боится отдавать меня абы кому...

— Абы кому?! — еще тоньше восклицает директриса.

Я бросаю взгляд на Габриэля и сглатываю.

— Ну... в смысле, мой отец хочет убедиться, что принц в меня влюбится... Чистосердечно. В смысле искренно. А вы же знаете, такие проклятия снимет только поцелуй настоящей любви!

В наступившей после этого тишине кот мадам директрисы, здоровенный черный манул, тяжело приземляется на стол с полки шкафа, ложится в позу сфинкса и, глядя на меня, высовывает язык. Розовый, яркий, очень выразительной на черной бархатной морде.

Я моргаю, но кот так и лежит с высунутым языком — и чтобы не засмеяться, я перевожу взгляд на директрису. Та вздыхает:

— На что только не пойдут современные девушки, чтобы заполучить любовь принца!

— Да! — вставляю я, и кот на столе начинает тарыхтеть. То ли мурлычет, то ли смеется.

Директриса не обращает на него внимания.

— Хорошо, Розалинда, — тяжело вздыхает она, снова просматривая лист с моим «делом». — Как я понимаю, раньше вы никогда учебные заведения не посещали?

— Только в качестве наглядного пособия, — киваю я и снова ловлю недоуменный взгляд мадам. Даже кот затыкается. — Мм, простите. Нет. Не посещала. Никогда. Вообще.

Ну, есть такая хохма у нашей учительницы биологии. лягушек в школу нынче не поставляют, резать некого, а она скучает по славному советскому прошлому. Так и не нашла ничего лучше, как вызвать к доске меня, когда

мы раздел с земноводными проходили. Сказала, никто не заметит разницы. Хорошо хоть не резала.

Я ей потом комаров в кофе накидала. И крышкой стакан закрыла. Думала, она тоже не заметит разницы — а она почему-то заметила. Кричала громко, жаловалась. А комары ведь хорошие были, аппетитные — для родной учительницы мне ничего не жалко.

— То есть не посещали? — с нажимом повторяет директриса.

Я киваю. Кот убирает язык и принимается гипнотизировать меня большими, как блюдца, желтыми глазами.

Директриса тоже кивает. И протягивает мне стопку листов.

— Поэтому, чтобы убедиться, что учебная программа вам по силам, вы сейчас при мне решите этот легонький тест, и после этого я отведу вас в класс, — она ставит передо мной песочные часы. — Прошу.

С легким недоумением я гляжу на перо, которым полагается писать. Потом с легким недоумением за мной наблюдает уже мадам — как я пытаюсь это перо взять. Кот, то ли помогая, то ли играя, включается в забаву и мягко трогает перо лапкой.

Потом я обращаю внимание на то, что написано на первом листе, и мне становится нехорошо.

— Вы умеете читать? — напряженно интересуется директриса.

— Иероглифы? — уточняю я, глядя на лист. — Не-а.

«Господи, с какими идиотами приходится иметь дело!» — написано в глазах директрисы, когда она ловит мой взгляд.

— А теперь?

Я смотрю на лист, моргаю и быстро киваю. Иероглифы волшебным образом превратились в кириллицу. А песок тем временем пересыпался уже наполовину. И Габриэль смотрит на меня теперь с намеком. М-да... Роз, конечно, просила вылететь из школы, но после встречи с женихом, а не до — так что надо поторопиться... Что там у нас?

Первый вопрос. Продолжите высказывание, выбрав из трех возможных ответов один (1).

Глокая куздра штеко будланула бокра и курдючит... ^[4]

А) бокренка.

Б) вороненка.

В) котенка.

Я решаю, что так издеваться над бедным вороненком, а тем более над котенком просто жестоко, поэтому выбираю ответ «А». Бокренка я хотя бы

никогда не видела.

Как после оказывается, правильно. Там весь тест такой, и когда директриса его проверяет, то смотрит на меня уже с куда большим уважением. И с удивлением тоже.

— Отлично, — с сомнением говорит она. И добавляет, после третьей по счету проверки: — Сто баллов... У вас были прекрасные учителя.

Я на всякий случай киваю. Учителя у меня и впрямь прекрасные, одна биологичка чего стоит. Я тогда хорошо усвоила внутреннее строение лягушки. Со всеми подробностями.

— Ну что ж, ты принята, — с достоинством изрекает директриса, откладывая мой тест (и резко переходя на ты).

— А что, раньше я была не?.. — я натываюсь на ее взгляд и пристыженно замолкаю. Да ну к черту, а то вдруг у нее еще один тест завалялся. Такой же... на сообразительность.

— И раз ты принята, — с нажимом повторяет директриса, — тебе необходимо ознакомиться с правилами нашей школы. Основные и главные озвучу я, остальные посмотришь в библиотеке...

— А это у вас столько правил придумано, или просто вы не все помните? — да, когда я волнуюсь, то начинаю хамить. Ну и что?

— Правило первое, — опуская меня взглядом ниже плинтуса, озвучивает директриса. — Молчать, когда с тобой разговаривают!

— Но это же очень скучно...

— Молчать! — взвизгивает директриса, и кот на столе подпрыгивает. А потом укоризненно смотрит на меня. Мне становится стыдно, и я молчу. — Правило второе: никакой магии вне учебного процесса. Никакой. Магии. Это понятно?

Я киваю. Мне хочется сказать, что колдовать даже во время учебного процесса мне будет очень затруднительно, но кот так смотрит, что я продолжаю молчать.

— Далее: никаких прогулок на территории школы после полуночи.

Да пожалуйста! После полуночи я слишком красива, чтобы позволять их школе меня лицезреть.

— Никаких опозданий.

— А...

— Никаких. Опозданий.

Киваю. Кот меня гипнотизирует. Никаких опозданий, никаких опозданий, никаких опозданий...

— И никакого флирта.

Я снова кидаю взгляд на ее декольте. Интересно, она сама это

требование выполняет?

— Твоя мать — фея, — продолжает директриса, — и я не хочу здесь никаких...

— А что вы против моей мамы имеете?! — выпаливаю я. — Вы что, фей не любите? Тут что, расизм?!

Директриса холодно ждет, когда я успокоюсь, потом заводит речь про какой-то карцер, где я буду проводить много времени и где мне точно не понравится.

— Тогда я не буду проводить там много времени, — категорично заявляю я, и директриса улыбается:

— Придется, милочка. Придется. Ты провела бы там сегодня час за одно только опоздание, но в честь того, что это твой первый учебный день, я закрою глаза. Но только сегодня. А теперь идем, тебе пора на урок.

Кажется, я начинаю понимать Роз. Я тоже не хочу тут учиться, даже месяц или, не дай бог, полтора. А уж три года!

В класс мы идем быстро, и все мои силы уходят только на то, чтобы собственно идти. По сторонам удастся посмотреть лишь изредка, и то я замечаю лишь удивленные взгляды горничных и лакеев. Стражников или нет, или они успешно притворяются мебелью. Странно, во дворце Роз стражи много, все напоказ...

Габриэль идет за нами с самым невозмутимым видом и пару раз успевает меня подхватить, когда я спотыкаюсь.

А потом мы все-таки приходим, и я даже не успеваю спросить директрису, куда мне рыцаря девать или это совсем даже не моя проблема?

Класс оказывается вполне себе обычным классом, с партами-одиночками, разве что они даже на вид удобнее тех, что у меня в школе, и кресла к ним прилагаются мягкие. Впрочем, все это я отмечаю чисто машинально, потому что когда на тебя смотрят около двадцати пар глаз, включая учительницу, становится очень неловко. Настолько, что я чувствую, что сейчас буду страстно хамить и вылечу сразу, а не через месяц, как мы с Роз договорились. В итоге все силы уходят на то, чтобы выглядеть невозмутимо и не краснеть. Я копирую выражение лица Габриэля, а краснеть — ну, я уже зеленая.

Меня тем временем представляют: директриса что-то говорит, параллельно изумление во взглядах класса и учительницы растет. Я делаю шаг назад, к двери, но натыкаюсь спиной на Габриэля. Даже если решу сейчас все бросить (и пусть Роз сама отдувается — вот же удружила сестренка!), понимаю: ее рыцарь меня в момент догонит. А значит, выхода нет, и... Ну где, где там мой жених?

Принца я нахожу взглядом сразу. Это несложно, особенно если принц предназначен Роз. Он ведь просто обязан быть статным, красивым и всем из себя совершенным. В классе такой один, и от него этим совершенством прямо-таки веет. Он буквально светится, и одним из его лучей пронзает меня в самое сердце, как купидоновой стрелой. Я злюсь: такой красивый парень — и его придется отшить! Даже нет, не из-за красоты его злюсь, просто он... Я бы в такого влюбилась. Вот вижу его сейчас и понимаю: влюбилась бы. И если бы он меня жабенком назвал, я бы растаяла. Все-таки несправедливо — ну зачем он такой... А? Такой... И смотрит без обычного: «А это твое зеленое точно не заразно?» Нормально смотрит, удивленно, и я ну вот чувствую в нем родственную душу! Чего, конечно, не может быть, потому что он красавец и принц.

Потом я замечаю странную вещь: принц сидит на «галерке», в последнем ряду. И вокруг него — пустое пространство. Или все здесь не выдерживают его совершенства... Или он отверженный. Что, согласитесь, странно, если он принц.

Мои мысли тем временем прерывает голос директрисы, которая царственным жестом указывает на класс и объявляет, что я могу сесть поближе к жениху, чтобы мы поскорее познакомились. «Но не болтать!» Как будто мы дети малые...

Я совершенно искренне улыбаюсь. И, забыв про чертовы каблуки, спешу к жениху, благо вокруг него пустых мест много. Прости, Роз, я потом его отошью. Сначала познакомлюсь.

По классу проносится слаженный изумленный вздох. А потом смех. Я останавливаюсь, мой принц краснеет, утыкается взглядом в пол и сжимает кулаки (намекая, что совершенство совершенством, но ничто человеческое ему не чуждо). М-м-м, он даже злится мило!

— Принцесса Розалинда, — окликает меня тем временем директриса. — Принц Ромион...

«Ромчик», — тут же переделываю я. Имя победителя. Нет, Роз, ты уж извини, но я за него, может, даже замуж выйду. Все равно я иномирянка, и это не считается.

— Принц Ромион, — повторяет директриса.

Отодвигается кресло — в противоположной части класса.

Я оборачиваюсь — и меня начинает разбирать совершенно идиотский смех. Причем смеюсь я куда громче, чем весь класс, — но да, они-то рты ладонями закрывают. А я смотрю на *настоящего* Розалиндиного суженого... И, в общем, когда дар речи ко мне возвращается, я говорю только:

— Тебя что, тоже прокляли?

В классе наступает тишина. Абсолютная. Даже директриса не шевелится. Только тот, кого я до этого приняла за принца, осторожно поднимает голову от книги, смотрит на настоящего принца в первом ряду и странно улыбается. Кажется, эти двое друг друга не любят. Мягко говоря.

А настоящий принц... Да нет, не прокляли его, конечно. Просто по сравнению с совершенством в конце класса он смотрится бледно. Но теперь я замечаю, как глядят на него и учительница, и директриса. И мест рядом с ним пустых нет, все заняты девицами вроде Роз, разве что побледнее — крови феи им не досталось, но они заменили ее косметикой. М-да, что я в самом деле, нормальный же парень. Просто... Но не видела я раньше худеньких низкорослых принцев! Интересно, он на скрипке не играет? Так и вижу его во фраке на сцене. А вот в битве с драконом не вижу. Или на троне. Да он на троне в подушках утонет! Его же не заметят!

Зато взгляд, каким он смотрит на меня, — тот самый. «Зелень уродливая». И я по привычке широко улыбаюсь в ответ, одариваю его таким же взглядом и подмигиваю:

— Ничего, говорят, поцелуем любви это лечится.

Принц не удостаивает меня и словом. Он обращается к директрисе — голос у него приятный. Может, плюс к скрипке еще и поет?

— Я могу сесть?

— Конечно, Ромион, — улыбается директриса. Потом поворачивается ко мне, и выражение вселенской боли появляется у нее на лице. — Ты тоже... сядь. Куда-нибудь. Розалинда.

Я оглядываюсь на Габриэля — тот снова занял пост рядом со шкафом. Ну что ж...

Девицы вокруг принца Ромиона дружно смотрят на меня так, что ясно — они костями лягут, но место ни одна из них не уступит. Да больно надо!

Иду к последнему ряду, к парте у окна. Да, солнце будет печь, и к концу дня я стану жареной лягушкой. Но в тени сидит господин Совершенство, которого я сдуру перепутала с женихом, и он теперь точно ничего хорошего обо мне не думает. Вон, даже и не смотрит.

Зато все остальные смотрят. Да ну их к черту! Я знала, что меня тут хорошо не встретят. Все как везде. Пусть — я им еще устрою.

В довершение, уже в полной тишине — директриса успевает выйти и закрыть за собой дверь, а учительница тоже смотрит — у меня подламывается один каблук, и я падаю у самой парты.

Класс взрывается смехом, уже не сдерживаемым. И учительница, естественно, не делает ничего, чтобы это безобразие прекратить.

Стискивая зубы, я поднимаюсь. И языком (в такие моменты (а еще когда комары) он у меня волшебным образом удлиняется) вытаскиваю из рук одного из смеющихся перо. Тоже улыбаюсь.

— Спасибо. А то я свое дома забыла.

И сажусь. Хочется сломать несчастное перо на маленькие-маленькие кусочки. Хочется сесть перед этим Ромионом и улыбаться ему до посинения. Хочется сказать какую-нибудь гадость учительнице, которая как ни в чем не бывало поворачивается к доске-зеркалу.

Но я просто достаю из сумки, которую ставит передо мной Габриэль, книги и письменные принадлежности.

Ничего. Я вам всем еще устрою глокую куздру!

Глава 3, в которой я узнаю о сестре много нового

Припекает.

В который раз пытаюсь отсесть подальше от окна — вместе с креслом и столом, но дальше просто некуда — проход закончился, сбоку свободная парта. А дальше, через узкий проход (уже того, по которому я вот уже полчаса перемещаюсь), сидит то самое Совершенство, на которого я стараюсь не смотреть. Всеми силами я очень-очень стараюсь. Не. Смотреть!

Собрав волю в кулак, отворачиваюсь и пробую слушать учительницу. Она что-то рассказывает, шагая туда-сюда, а за ней мигает, меняя отражения-картинки, громадное, на всю стену зеркало в золоченой раме. Парты здесь довольно далеко друг от друга, а я сижу в самом конце класса, так что изображение в зеркале мне видно еле-еле. Да и учительницу через все эти спины никак не рассмотреть — впрочем, я не слишком и стараюсь. Мне скучно, жарко и плохо. Я даже не могу сказать, какой предмет тут изучается. Вроде бы что-то про политику. Какие-то внешние и внутренние факторы. Причины. Следствия. Бред какой-то, я хочу отсюда уйти!

Поворачиваюсь к Габриэлю. Он замер, скрестив руки, у книжного шкафа — конечно же. Отворачиваюсь — бесполезно, этот мне не поможет. И снова взглядом задеваю Совершенство, который через парту и проход. Виола, у тебя совесть есть? А достоинство? Отвернись сейчас же!

И ведь ничего такого безумно необычного в нем нет: просто очень красивый мальчик. Юноша. Парень. Если верить Роз, в этом классе должны быть только мои сверстники. Ну, может, на год старше. Значит, ему или шестнадцать, как мне, или семнадцать. Хм. Когда налево голову повернет и на него солнечный луч падает, выглядит на шестнадцать. А когда, прищурившись, на учительницу с ее зеркалом смотрит, то на семнадцать. Может, даже восемнадцать. Ну очень серьезный парень... Я его внешность за эти полчаса уже до последней веснушки изучила. Они у него светлые такие, на скулах, очень милые. Маленькие — вот что значит «солнечные поцелуи». А еще у него нос очень правильный. Прямо благородный профиль получается... Он точно не принц? Наверное, какой-нибудь герцог или граф? Ну конечно, кто еще будет учиться в этой школе... Ой, он перо кусает!.. Боже, я даже не знала, что так бывает: замираешь, и взгляда не

отвести, и дрожь в коленках какая-то... странная... Папа всегда говорил: встретишь того, кто тебе до бабочек в животе понравится, тогда пожалеешь, что никогда нормально не целовалась. Я... я уже целую... в смысле жалею. Можно, я поцелую его прямо сейчас? Я согласна жить с ним долго и счастливо!

Господи, он оборачивается... Он смотрит на меня? Он в ответ на меня смотрит?

А я — жаба...

Утыкаюсь взглядом в какой-то из учебников на столе, а перед глазами все плывет. Может, у меня тепловой удар?

Ха, удар? Поцелуй? Я же зелень уродливая, на меня такой, как он, в жизни без отворачивания не посмотрит. Что, Виола, не веришь? Брось-ка на него еще один взгляд. Ну? Убедилась? Да его тошнит от тебя — как и всех вокруг. Вот, даже кресло подвинул — подальше от тебя. А ведь между вами и так целая парта и проход. А ты размечталась — поцелуй, при-и-инц. Губу раскатала. Такие красавцы встречаются с девушками вроде Роз, такими же совершенными и... настоящими принцессами. А потом живут с ними долго и счастливо. А в заколдованных непринцесс они не влюбляются. Ты все это уже проходила. Хочешь на нем лишний раз обжечься? Все ведь уже было — с таким же милым с виду и совершенным. Ну, почти с таким — тот все-таки был не так совершенен... Но все равно. Красота равна тщеславию, а тщеславные люди легко делают больно маленьким бедным лягушечкам вроде тебя, Виола. Так что не будь дурой, отвлекись уже окончательно и сосредоточься...

Очередным волевым усилием я все-таки отворачиваюсь — и встречаюсь глазами, кажется, со всем классом сказочной золотой молодежи. Включая учительницу. И все они очень выжидательно на меня смотрят.

— Что? — квакаю я, от волнения зеленея, наверное, сильнее обычного.

Кто-то немедленно начинает хихикать. Учительница изящно взмахивает рукой с чем-то вроде волшебной палочки — набалдашник в виде звезды мерцает синим.

— Розалинда, может быть, вы все-таки почтите нас своим рассказом о Сиерно-Креманском конфликте?

О чем, о чем?

Я ерзаю в кресле, потому что весь класс с прямо-таки садистским удовольствием меня рассматривает. Надо же было им меня подловить в минуту душевных метаний! Какой там конфликт? Вот у меня в душе — это конфликт! Но я о нем никому не расскажу.

— Нет. Не почту.

— Простите?

— Не. Почту! — повышаю голос я и стискиваю зубы.

В классе наступает мрачная тишина. Улыбка учительницы гаснет, но потом загорается снова, только уже насквозь фальшивая. И с издевательской ноткой.

— Жаль. Что ж, Розалинда, принимая во внимание, что вы еще не до конца освоились и не знаете, что на заданный вам на уроке вопрос полагается отвечать...

— Слушайте, отстаньте от меня, а?! Ставьте двойку, если вам так хочется. Не буду я ничего рассказывать, — совершенно невежливо перебиваю я. Больше всего мне не нравится, что весь класс с удовольствием наблюдает это бесплатное представление. Уже чувствую себя препарированной лягушкой.

— Что, простите, ставить? — в полной тишине спокойно интересуется учительница.

Кажется, я уже знаю, в чей кофе подброшу комаров в этой школе...

— Двойку. Кол. Что у вас тут ставят, когда урок не выучил? — из последних сил сохраняя самообладание, отзываюсь я. Сколько у них тут урок длится? Когда звонок?!

— Урок я вам, Розалинда, еще не задавала, — холодно замечает учительница. — Идите к зеркалу.

Я недоуменно хмурюсь, но потом понимаю, что она имеет в виду то громадное зеркало, на котором, как на экране, сейчас показывается карта. Ясно. «Идите к доске».

— Мадам Мелинда, она же не дойдет, — раздается голос кого-то из девочек в первых рядах.

— Если только допрыгает!

— Или скажите ее духу, пусть понесет. Она же так сюда прибыла.

— Или...

— Тишина! — прерывает учительница. И смотрит на меня. — Розалинда, прошу вас.

Да идите вы все... к чертовой бабушке!

Я улыбаюсь. Напоказ. Эффектно, полагаю, потому что ближайшие ко мне парни тут же морщатся — все как один. Что ж, отлично. Этап первый пройден. Этап второй — я выбрасываю ноги в проход, нагибаюсь, не заботясь о том, что платье скособоилось и подол неприлично задрался. В полной тишине треск сломанного каблука слышится, как звонок с урока, которого все нет и нет. Причем каблук до конца не отрывается — я минуту

дергаю его туда-сюда, но он держится, гад! Вспомнив, наверное, все нецензурные выражения (а половину из них прошептав), срываю туфли к чертовой матери и с удовольствием швыряю их в окно. Тихий плеск — внизу, наверное, фонтан или пруд. И снова тишина.

Все, я готова. Не переставая улыбаться, иду к зеркалу, стараясь не обращать внимания на устремленные на меня любопытные, издевательские взгляды.

Мадам Мелинда — высокая красивая женщина неопределенного возраста (папа про таких говорит, что после тридцати у них возраст заканчивается) — цепко на меня смотрит и холодно улыбается. У нее высокие скулы и тонкие алые губы, поэтому улыбка получается хищной. И зеленые глаза при этом так сверкают, что мне становится совсем не по себе. По-моему, эта мадам куда сильнее напоминает злую ведьму, чем даже та настоящая ведьма, которая меня прокляла.

— Отлично, Розалинда, — мадам кивает на карту в зеркале и передает мне «волшебную палочку». — Покажите нам Креманию.

Я беру палочку — и набалдашник на ней гаснет. Одновременно же гаснет зеркало.

Как дура, я в полной тишине стою с палочкой в руках, косясь на учительницу. В классе раздается несмелый смешок, впрочем, быстро утихший. Мадам Мелинда поднимает брови.

— Полагаю, проклятье мешает вам колдовать, Розалинда? Или, — помедлив, интересуется она, — это у вас с рождения?

Я стискиваю в руках палочку и начинаю страдать от сильного желания огреть ею вышеупомянутую мадам.

— Простите, — мой голос звучит тихо, но достаточно твердо, чтобы заполнить тишину класса, — вы думаете, что я родилась лягушкой? А раз моя мама фея, то лягушкой, в которую я пошла, полагаю, вы считаете моего папу?

Тишина в классе теперь такая, что если бы здесь пролетел комар, мы бы все без труда его услышали.

Мадам Мелинда моргает и протягивает руку, чтобы забрать у меня палочку.

— Я ничего не считаю, Розалинда. Просто мне сложно понять, зачем кому-то проклинать такую принцессу, как вы.

Теория «папа решил жениха испытать» тут вряд ли прокатит да и звучать будет нелепо, поэтому я, отдавая палочку, бросаю:

— А мне сложно понять, почему моя внешность вас настолько сильно занимает.

Мадам Мелинда с интересом глядит на меня — тоже в полной тишине — и наконец изящно делает пасс палочкой. Зеркало снова загорается.

— Покажите Креманию, Розалинда.

Я смотрю на россыпь цветных «лоскутов» на карте, пожимаю плечами и наугад тыкаю в фиолетовый. На фоне светящегося зеркала мои перепонки теперь не заметить просто невозможно.

По классу прокатывается слаженный смех.

— Это не Кремания, Розалинда, — улыбаясь, говорит мадам Мелинда.

Я снова пожимаю плечами и с самым невозмутимым видом тычу теперь в зеленый. Тут этих «лоскутков» больше десятка — мы долго так будем Креманию искать?..

— И это не Кремания. Розалинда, вы не знаете, где находится ваше же королевство?

Сомневаюсь, что даже настоящая Розалинда знает, где оно находится. Но не она сейчас мнется у зеркала.

Я напряженно смотрю на карту. Увы, «лоскуты» не подписаны.

Мадам Мелинда улыбается.

— Попробуйте еще раз, Розалинда. Третий раз обычно счастливый.

Я ненавижу ее. Я ненавижу весь этот класс, эту школу, Розалинду, за которую отдуваюсь. Но больше всего я ненавижу чувствовать себя дурой. Уродиной — я привыкла, и с этим ничего не поделаешь. Но вот уже пять лет в моей собственной школе я не мялась у доски, не зная, как ответить на вопрос.

Вдыхаю поглубже, поднимая руку, понимая, что еще пять минут, и класс, включая учительницу, попадает под парты от смеха, потому что лягушка-принцесса не в состоянии показать на карте даже собственную страну...

Отодвигается кресло, и уже знакомый звучный голос у меня за спиной произносит:

— Мадам Мелинда, позвольте мне озвучить причины Сиерно-Креманского конфликта? Меня это, так же, как и принцессу Розалинду, напрямую касается.

Я сцепляю трясущиеся руки за спиной и торопливо отшагиваю-отпрыгиваю от зеркала. Мое место занимает принц Ромион с «волшебной палочкой» в руках. Теперь она не гаснет, а разгорается ярче.

— Кремания, — уверенно говорит принц, показывая в самый центр «лоскутного одеяла», на розовый (ну кто бы сомневался) кусок, — заключила договор с Эльфляндией, — тот самый зеленый лоскуток, который я недавно выбрала, — против Подземной империи, — коричневый

лоскут, — потому что правитель гоблинов попросил руки принцессы Розалинды, но получил твердый отказ.

Я стою у двери и хлопаю ресницами, как блондинка, точнее, очень глупая лягушка. Вот Роз, змея, могла хотя бы предысторию рассказать!

Хм, а не тот ли это гoblin, в которого мы на спор горшки с геранью кидали? С балкона, пока он серенады пел?..

— Тогда его величество Майяр Третий украл принцессу Розалинду, — Ромион поворачивается к ошеломленной мне, — в седьмой день весеннего фестиваля. И прислал королю Кремании официальный ультиматум «Будущему тестю», в котором недвусмысленно намекнул, что если король не даст свое благословение, принцессу обвенчают против воли ее отца. Или же отправят в гарем императора старшей наложницей.

«Ви, я хочу стать актрисой...» Актрисой? Да она уже... Большой театр по ней плачет!

— Это послужило официальным поводом для конфликта, — заключает принц. — Причинами же были, конечно, розовая пыльца, нелегально поставляемая Креманией из Зачарованных Садов, а также поднятие гоблинами пошлины на ввозимые товары, что король Кремании назвал грабежом, а самого императора гоблинов — подземным пиратом.

Ну-ну, зная отца Роз, он выразился покрепче. Но масштаб трагедии мне уже понятен. Папочку тебе, Роз, расстраивать не хотелось, да? Договор нельзя расторгать?

Я смотрю на принца Ромиона и сквозь гнев на сестру пополам с замешательством и жалостью — догадываюсь, чем эта история закончилась, — не могу не обратить внимания, что хоть ростом он с меня (а в лягушачьей коже я низенькая) и к тому же худенький, как тростинка (половина меня, а то и четверть), да еще и черты лица у него слишком мягкие и мелкие для юноши (честно, больше двенадцати лет я бы ему не дала). Но как-то при всем этом ему удается не выглядеть ребенком-пусечкой, вышедшим к доске отвечать урок, ах, ты моя радость, ми-ми-ми. Он держит себя и говорит так, что, во-первых, невольно слушаешь, а во-вторых, проникаешься уважением. Даже я проникаюсь, хотя я сторона субъективная, заинтересованная. Уверенный в себе мальчик — сразу видно. И пальцы у него тонкие и длинные, наверняка на чем-нибудь действительно играет, кроме моих нервов...

Но и да, на меня смотрит с плохо скрываемым презрением. Таким, что понятно: в глаза уродиной и жабой не назовет. Но подумает.

...Конец истории Сиерно-Креманского конфликта действительно оказывается предсказуемым. Отец Роз засуетился, стал готовиться к войне

и искать союзников. Эльфы его кинули, гномы «отмазались» подачкой в виде пары сундуков с оружием. Согласилась Сиерна, которая тоже имела на гоблинов зуб, а еще хотела под шумок отчекрыжить кусок у Кремании. Кремания хотела, естественно, того же — но у Сиерны. В итоге, подписав мирный договор с гоблинами, эти двое набросились друг на друга, но ситуация получилась патовая (причем еще бы чуть-чуть — и не в пользу Кремании), и отец Роз предложил сделку с брачным контрактом.

Во всей этой истории меня действительно удивила только пара вещей. Первое — как подчеркнуто вежливо Ромион говорил о королевев-правительнице Сиерны. Я ведь правильно понимаю, раз он принц, то королева — его мать? Но то ли так принято, то ли я все-таки ничего не понимаю, но когда Ромион говорил «ее величество королева Изабелла», звучало это слишком официально и не к месту на обычном уроке.

И второе. Гоблины в этом мире имеют репутацию примерно такую же, как сатиры в моем мире. Уродливые, но похотливые. О них даже феи говорят с улыбками, и в этих улыбках — толстый намек. Так что Розалинда, побывав «в гостях» гоблинского императора вряд ли ушла от него невинной и непорочной. Мне-то все равно, но после рассказа Ромиона... Да и до этого, впрочем, тоже... В обществе «честных правил» репутация Розалинды наверняка упала ниже плинтуса. Роз, конечно, посчитала этот незначительный факт не стоящим моего внимания. Зато понятно, что меня тут видят как уродину, дуру и шлюху в одном лице. Вот я влипла!..

Ромион тем временем заканчивает, отдает палочку мадам Мелинде. Учительница благосклонно кивает, осматривает класс.

— Вопросы? Нет? Прекрасно, Ромион, садитесь. Как всегда, отлично...

— А можно мне вопрос? — поднимаю руку я.

Все взгляды снова устремляются на меня, а Ромион замирает у своего кресла. Потом поворачивается и тоже смотрит — так, что нормальная лягушка давно бы упрыгала в свое болото и не смела бы даже квакнуть.

Я сжимаю руки за спиной в кулаки.

— Зачем это тебе? Я понимаю, что не могу отказаться: эта, как... его... гоблинская империя нас растерзает, а наши соседи и не почешутся. Но зачем этот брак Сиерне?

Ромион дергает уголок рта — раздраженно, хотя жест вообще-то нервный.

— Как я уже объяснял, Кремания пообещала уступки...

— Что мой отец пообещал, я поняла, — перебиваю я. — Тебе это зачем? Скажи королеве, что не хочешь жениться на лягушке легкого

поведения. Неужели она не найдет тебе другую невесту, посимпатичнее и тоже с хорошим договором под мышкой? — я киваю на девиц в первых рядах. — Так зачем это тебе?

В мертвой тишине мы с Ромионом смотрим друг на друга, и взгляд принца на этот раз какой-то... странный. Кажется, я чего-то еще не знаю. Потому что если до этого он на меня смотрел просто как на дуру-лягушку, то теперь — как если бы эта дура-лягушка попыталась сожрать его вместо комара.

Но проходит пара мгновений, и принц снова возвращается в свою скорлупу уверенного-умного-взрослого мальчика.

— Вам, ваше высочество. Зачем это нужно *вам*.

— Мне? Как ты хорошо объяснил...

— Вы, — спокойно поправляет принц. — *Вы* объяснили.

Я сжимаю руки за спиной так, что ногти больно впиваются в кожу. Вы? Правила вежливости здесь насчет «вы» и «ты» такие же, как в моем мире, насколько я знаю. И этот малютка-принц только что очень изящно провел черту между ним и мной. И, судя по всему, между мной и всем классом.

— А может, мне еще на колени каждый раз перед тобой падать? Или ниц сойдет? — выплевываю я. И тоже смотрю на него, как на комара. Невкусного, худого комара. Я тоже умею опускаться взглядом ниже плинтуса.

Но тут за окном оглушительно звенит колокол. И сразу после него мадам Мелинда как ни в чем не бывало говорит:

— Конец урока. Домашнее задание вы получили — все свободны. Хорошего вам дня. Розалинда, задержитесь, пожалуйста, на минутку.

— Я хотела бы извиниться, — говорит она мне, когда все уходят. — Я никак не думала, что на этот вопрос вы не сможете ответить. Он ведь, — она запинается, — напрямую вас касается.

Я смотрю в окно. Там действительно большой, идеально круглый пруд с маленьким фонтанчиком посередине: лягушка в короне, подняв голову, изрыгает струи воды. Лягушка очень похожа на меня.

— Мне бы не хотелось, — продолжает мадам Мелинда, — чтобы вы начинали ваше знакомство с классом с такого неприятного эпизода. И раз это моя вина...

— Да ладно вам, — снова невежливо перебиваю я, не глядя на нее. — Как будто это что-то значит. Как будто есть хоть малюсенький шанс, что они меня любят.

— Простите, Розалинда, я вас не понимаю. То, как к вам относятся другие, в ваших руках...

— В моих руках? — я все-таки поворачиваюсь к ней. — Вы хотели сказать, лапах? Перепончатых, — я поднимаю руки. — Таких, как я, не любят никогда. Что бы я ни делала.

Какое-то время мадам Мелинда молча смотрит на меня. Потом качает головой.

— Вы не правы, Розалинда. И мне бы хотелось вам помочь.

— О, вы найдете влюбленного в меня принца? — сладенько спрашиваю я. И уже нормальным голосом: — Не нужно. Его не существует. Мадам Мелинда, я могу идти?

Она качает головой, потом достает из воздуха небольшой свиток.

— Возьмите это в библиотеке. У вас были удивительно нерадивые наставники, что грустно, потому что мне кажется, вы можете больше, чем мяться у доски с глупым видом, отвечая на простой вопрос.

Я молча беру свиток и, не прощаясь, иду прочь из класса. Я устала, а еще только полдень...

Габриэль, про которого я уже успела забыть, идет позади — тоже молча. Шлепая босыми ногами по коридору, я бросаю через плечо:

— Отведи меня домой.

— Принцесса, у вас еще один урок.

— Плевать. Я хочу домой.

Мы выходим из коридора во двор, под солнце, и я морщусь — кожу моментально обжигает, и тонкое розовое платье не спасает совсем. Стиснув зубы, я направляюсь к пруду, попутно отшвыривая свиток. Кажется, Габриэль его ловит. Не уверена.

Под любопытными взглядами одноклассников — цветные платья, сверкающие драгоценности и издевательские лица — я шлепаю к мраморному бортику, без труда его перепрыгиваю и, не заботясь о платье, плюхаюсь в воду. Неожиданно с головой — пруд оказывается глубоким. А еще в нем плавают пятнистые рыбки (и мои сломанные туфли).

Делаю пару кругов под водой — настроение немного поднимается. Надо срочно придумать, как показать им всем, что может лягушка... И что я не дура. Seriously, Роз хотела, чтобы я отсюда вылетела с треском. Но вот я не хочу, чтобы меня запомнили как идиотку. Особенно если все остальные действительно знают больше меня. Нет, это надо исправить...

Выныриваю — платье облепляет грудь. Ну и ладно, днем у меня там все равно мало что есть. Вытираю лицо, отжимаю волосы. И слышу ленивое:

— А я думал, она в воде в настоящую лягушку превращается.

Оборачиваюсь: святая троица (такие, наверное, есть всегда в каждом

классе) парней сидит на бортике, глядя на меня с веселым, презрительным любопытством. Один, конечно, главный, два на подхвате. Это ясно видно, те двое ведут себя почти как Габриэль (кстати, где он?): сидят по бокам главного с невозмутимым видом и выглядят помощнее, чем парень посередине — темнокожий брюнет с таким лицом, что на нем явно читается: «Хулиган», хотя букв, конечно, никаких нет. Симпатичный — почему-то мне кажется, в его крови побывали эльфы. Южные — они тоже темноволосые и темнокожие. И глаза у них такие же жгучие.

— Что, Вейл, ее еще в твоей коллекции не было? — бросает одна из проходящих мимо пруда девушек. Кажется, я видела ее около Ромиона.

Вейл с улыбкой поворачивается ко мне.

— Кстати, да, я и не подумал. Слушай, новенькая, что ты делаешь сегодня вечером? Пойдем слушать соловьев в лунную рощу? — он оглядывает меня долгим взглядом, мокрую и изумленную. — Я, конечно, не большой любитель экзотики... Но сама понимаешь, у меня репутация. Ничего личного, ты мне нужна для количества.

Один из его «телохранителей» улыбается, второй тоже глядит на меня так, как иногда смотрят сыновья папиных друзей. Вроде как не хочется, но надо, а раз надо, можно же получить удовольствие?

Я подхожу к бортику, прислоняюсь грудью, тоже смотрю на Вейла изучающе и качаю головой:

— Не-а. Ты не в моем вкусе. К тому же я вроде как невеста. Не твоя.

— А, Ромион не будет против, — спокойно бросает Вейл. — Ты мне только скажи: у тебя бородавок нет? И эта твоя... сыпь не заразная?

Мне хочется сказать, что заразная я вся. И что я, такая вот зараза, сейчас искупаю его в этом милом прудике с пятнистыми рыбками, и пусть он у них тоже спросит, вдруг и они заразные?..

Но я не успеваю. Другой голос твердо произносит:

— Вейл, оставь ее в покое.

И я машинально отступаю от бортика, а Вейл, даже не оборачиваясь, лениво отзывается:

— Не мешайся, бастард. Нам сегодня не до тебя.

Я же смотрю на веснушчатое Совершенство, от которого не могла отвести глаз еще в классе. И ничего не понимаю. Бастард?

Совершенство подходит к бортику и протягивает руку. Мне. Он мне руку протягивает! Что, что делать? А вдруг он тоже считает, что я заразная? Нет, тогда бы он руку не протянул. А вдруг...

В общем, я стою, как... не очень умная лягушка, в воде (почему я резко глупею рядом с ним?!), а Вейл тем временем со смешком заявляет:

— Да брось, Дамиан, не смущай девушку. Она принцесса, хоть и лягушка. А какая принцесса хотя бы глянет в твою сторону?

Дамиан? Его зовут Дамиан?.. А... Что? Глянет? Я, я гляну!

Дамиан тем временем заливается краской, смотрит на Вейла — тот уже снова повернулся ко мне — и резко выбрасывает вперед кулак. Вейл, покачнувшись, падает в воду — совсем не изящно, подняв тучу брызг. Я отшатываюсь к каменной лягушке-фонтану, а у пруда тем временем завязывается драка, потому что оба «телохранителя» набрасываются на одного Дамиана без всякого зазрения совести, и проходящие мимо девицы (кажется, уже другие) не делают ровным счетом ничего, чтобы их остановить (хоть бы позвали кого-нибудь!), а только одна лениво бросает другой: «Похоже, Дами опять не дал этим троллям списать исследование по магспецу», а Габриэля где-то носит, и всплывший Вейл, естественно, напрочь забыв про меня, спешит поучаствовать...

И тут буквально на ультразвуке раздается:

— Прекратить! Немедленно! Прекратить!

К пруду со стороны учебного корпуса несется, подпрыгивая на тонких ножках, и жужжа, как здоровенная муха... Хм, здесь снова нужно небольшое отступление. Дело в том, что все знают про фей-женщин. Но мужчины у них тоже есть. И если феи-женщины прекрасны, сластолюбивы и легкомысленны, то мужчины играют примерно ту же роль, что и трутни в пчелином улье. Хотя нет, трутни вроде не работают. Мужчины-феи работают. Много. За двоих — себя и жену. И, о боже, они уродливы.

Несущийся к нам фей нелеп, нескладен, кричит на ультразвуке, потрясает какой-то тростью в одной из четырех рук... Драка заканчивается моментально. И Вейл, и его телохранители встают по стойке «смирно». Дамиан тоже поднимается, рукавом вытирая кровь. И я на всякий случай залезаю на бортик. Феи-мужчины шутить не умеют.

— Дамиан! — вопит фей. — Снова?!

— Он меня в пруд сбросил, — ябедничает Вейл и напоказ отряхивает руку.

Фей отшатывается от брызг и в немом гневе смотрит на бледного Дамиана.

— Неправда! — разбиваю паузу я. — Это я сбросила, — между прочим, правда хотела. Но не успела. — А он мне гадости всякие говорил, — указываю я на Вейла.

Тот изумляется.

— Кто? Я?!

Фей поворачивается ко мне — словно только сейчас заметил. И

всплескивает руками. Всеми четырьмя.

— Принцесса! В каком вы виде?

— А в каком я виде? — повторяю я. — В нормальном я виде. Вам что-то не нравится?

— На территории школы нельзя купаться! — две руки фей прижимает к щекам. Двум из четырех. Они у него еще и висят, как у бульдога.

— Да ладно? — Я наклоняюсь и выжимаю подол платья — прямо на сапоги кому-то из Вейловых телохранителей. — Спасибо, что сказали. А то я бы не догадалась.

Фей краснеет, потом бледнеет — я начинаю бояться, что у него сейчас случится удар.

— Два часа в карцере! И больше никаких... никаких...

— Заплывов? — улыбаюсь я.

— Никаких!

— Хорошо-хорошо. Вы, главное, не волнуйтесь.

Фей закатывает глаза — два из четырех. Потом одной из рук указывает на Дамиана.

— Вы тоже! Тоже два часа в карцере. А вы, — он поворачивается к Вейлу с телохранителями. — На урок! Сейчас же!

Это или волшебство, или всю святую троицу действительно сдувает ветром.

— За мной! — командует фей. И, жужжа да пыхтя, огибает пруд по дорожке к роще.

— Господин хороший! Вы мой поводок забыли! — кричу я вслед и смеюсь, когда фей подпрыгивает и раздражается визгливыми криками. Феи-мужчины правда забавные.

Дамиан прижимает руку к носу, и вся моя веселость тут же испаряется. А когда он проходит мимо, я тихо бросаю:

— Спасибо.

Он смотрит на меня всего мгновение. Одно. Зато как — я отшатываюсь и понимаю, что даже если бы повстречалась ему после полуночи, мне бы ничего не светило. Кажется, он меня за что-то ненавидит. За что? Что я ему сделала?

Спросить (и получить новый такой взгляд) как-то не тянет. Поэтому мы идем следом за феем и дружно делаем вид, что одного из нас не существует. У нас обоих это хорошо получается.

В карцер я попадаю чисто случайно: меня, как даму (фей ввернул), пропускают первой, и я просто не успеваю рассмотреть, куда именно захожу. А если бы первым шел Дамиан, я бы затащила фею за собой — и

пусть бы он только попробовал оставить меня в этом жутком месте! Я бы ему всех маминых родственников вспомнила! И всех бы пригласила к нему в гости! Вот бы он тогда попрыгал...

Больше всего это напоминает темницу из фильма ужасов: каменный мешок, в котором где-то далеко вверху в сетчатый люк светит солнце, а внизу сумрачно, прохладно, и на полу — солома. А на стене — плесень. И сороконожка, от которой я отпрыгиваю, тут же стукаясь о противоположную стену, и что-то острое впивается мне в спину. Я поворачиваю голову...

Фей визжал тоньше, пока нас сюда вел. Зато у меня получается громче. Сильно. Особенно с учетом эха.

— Он н-неживой? Он же п-правда н-неживой? — всхлипываю я, отшатываясь. А скелет на стене, в который я спиной и уткнулась, поскрипывает в ответ, качаясь в цепях. Череп катится по полу, и мне чудится, что у него в глазницах что-то светится...

Дамиан молча встает с соломы в другом углу. Подходит, подбирает череп и ловко прикрепляет его обратно к позвоночнику.

— А... А м-можно его г-глазами обратно п-повернуть? — Меня колотит от страха. Я вижу, что свет в глазницах мне померещился... Но все равно не имею никакого желания торчать здесь и смотреть, как скелет смотрит на меня!

Дамиан бросает на меня удивленный взгляд, тихо вздыхает и все так же молча поворачивает череп глазницами к стене.

— Сп-пасибо. А он не встанет... ну... в смысле, не оживет?

Дамиан хмурится, но только качает в ответ головой и возвращается в свой угол.

Следующие два часа мы сидим каждый в своем углу. Молча. Дамиан, кажется, спит.

В карцере душно и санитарией, полагаю, не пахнет. Сороконожка, во всяком случае, тут не одна. Ненавижу их и гусениц. Остальных насекомых еще терплю, но этих... Откуда-то тянет сыростью. Я коротаю время, сочиняя жалобу на имя кого-нибудь, в которой объясняю, что людей нельзя держать в таких жутких условиях. Даже в качестве наказания.

Когда два часа спустя дверь открывается, я тоже дико хочу спать. Вся решимость сделать из фея набивного трутня пропадает — я еле ковыляю «на выход». Мне нужна ванна... Мне очень нужно искупаться...

— Запомните, юная принцесса, что за каждую вашу провинность... — наставительно начинает фея.

— Вы сами-то там сидели? — бросаю я вместо того, чтобы

дисциплинированно слушать, что со мной сделают за каждую мою провинность.

Дамиан бросает на меня странный взгляд, отряхивает брюки от соломы и уходит. Я грустно смотрю ему вслед. Не понимаю...

— Я? Конечно нет! Юная леди, как вы разговариваете...

Оборачиваюсь.

— Так вот, сядете. Это я вам обещаю. Я вас туда посажу, а ключ выброшу. — Я замечаю в отдалении Габриэля и иду прочь. Фей еще что-то кричит, но они же всегда кричат, эти трутни...

— Где тебя носило?!

— Я два часа ждал вас здесь, — невозмутимо отзывается рыцарь.

— Правда? Меня чуть не побили, меня посадили в какую-то тюрьму, а ты ждал здесь?!

— В карцер с вами мне нельзя, да это и не нужно, ничего дурного там с вами произойти не может, — спокойно отзывается Габриэль.

— Не может? Я там чуть со страха не окочурилась!

— Я слышал, — кивает Габриэль. — А бить вас никто не собирался. Если бы били вас, я бы вмешался.

— Отлично. Значит, когда бьют того, кто за меня действительно вступился, тебя где-то носит. Прекрасно. Я тебя ненавижу! — с этими словами я разворачиваюсь и иду куда глаза глядят. Глаза очень быстро заволакивают слезы, но это ладно, это все равно. После слез всегда легче (я и так не знала, куда идти).

— Вас бы не тронули, ваше высочество, — пристраивается позади Габриэль. И неожиданно тихо добавляет: — Кроме того, какое вам дело до других?

Я оборачиваюсь. Мне не хочется спорить. У меня просто нет сил сейчас спорить.

— Отвези меня домой. Пожалуйста.

— Идемте, ваше высочество.

В карете я отворачиваюсь к окну и старательно жалею себя. Сама себя не пожалеешь — никто не пожалеет. А после слез и правда легче.

Габриэль молчит. Но он всегда молчит.

Дома — в столичном особняке принцессы Розалинды — я долго стою перед зеркалом в спальне. Я очень старательно вспоминаю, кто мне что сегодня сказал, любую мелочь, любую гадость, утрирую ее — чтобы выбросить из головы навсегда. Иначе так и будет возвращаться в мыслях по кругу.

За спиной приоткрывается дверь, и я вижу в зеркале отражение

Габриэля. Он привычно встает у стены. Какое-то время мы молчим, потом я не выдерживаю:

— Все это правда, что сегодня на уроке рассказывали про Розалинду и гоблинов?

— Да, ваше высочество.

— Ты был вместе с ней тогда?

— Да, ваше высочество.

— Ей было плохо у гоблинов?

Габриэль медлит с ответом, и это заметно.

— Я не думаю, что вашей сестре может быть где-то плохо.

Киваю.

— Ты прав. Зачем плохо ей, если есть я? Она же *меня* подставила. С гоблинами фее разобраться несложно. А сидеть в карцере — вот это действительно была бы проблема для бедной Роз. Там ведь даже конфет нет.

— Ваше высочество, я не думаю, что вы правы.

— Неужели?

— Принцессе Розалинде действительно пришлось бы не по душе школьная жизнь. Но вы сильнее ее, и вы справитесь куда лучше вашей сестры. Полагаю, она думала, что вам будет весело.

— Мне весело. Ты видишь, как мне весело? — хмуро говорю я. — Да ладно, Габи. Давай сойдемся в одном: меня все ненавидят. Или презирают. И я действительно вылечу отсюда, как пробка, и Ромион рано или поздно от меня откажется. От меня, а не от Роз. Что? — я ловлю его взгляд в зеркале. — Ты и здесь не согласен?

— Нет, принцесса. Я думаю, что вы справитесь, — он протягивает мне свиток. Тот, что дала мне мадам Мелинда. — Я взял вам книги в библиотеке. И узнал домашнее задание. И уточнил программу. Все лежит в вашей учебной комнате.

Я смотрю на свиток и усмехаюсь. Все, лечебная терапия «пожалей себя, любимую» закончилась. Пора действовать. Что я, правда, разнылась? Не любят? Презирают? Можно подумать, я их люблю! А вот что мне действительно не нравится — так это перспектива выглядеть дурой. Это я могу изменить. Внешность — нет, с репутацией Роз уже поработала... Буду менять что можно. Они еще плакать станут, когда я от них уйду.

— Спасибо, Габриэль.

Солнце гаснет за горизонтом, и спустя мгновение из зеркала на меня смотрит красавица. Я — красавица. И если днем другие этого не видят — значит, они слепые.

На мгновение, когда я оборачиваюсь, мне кажется, что Габриэль улыбается. Не знаю, потому что стоит мне моргнуть, и его лицо уже снова невозмутимо. Но я на всякий случай улыбаюсь в ответ.

— А где здесь учебная комната?

Ночью мне снится Дамиан — в той фантазии, где принц целует меня и говорит, что бросит мир к моим ногам. Я целую его в ответ, и мне хорошо. И когда я просыпаюсь, отдохнувшая, мне тоже хорошо. Пусть это только сон. Все равно — хорошо.

Потому что все будет только хорошо. Я так сделаю.

Глава 4, в которой меня чуть не съедает демон и я знакомлюсь с настоящим демонологом

Итак, какой план придумал Фейхтр Хмурый, чтобы привести гоблинов к победе у Синих гор? Слышится шелест страниц. Все пятнадцать человек в классе дружно листают учебники истории, пытаясь найти описание битвы у Синих гор. Ладно, *почти* все пятнадцать человек: двое продолжают смотреть на зеркало (которое здесь вместо доски) и карту на нем. Ромион (ботанит принц, кажется, по-черному). И Дамиан. На последнего я старательно не гляжу — зато сверлю затылок Ромиону. У меня от этого всякие мысли кровожадные в голову лезут. Может, как-нибудь принести в школу ножницы и под шумок обрезать принцу кудри? Скажу, что в качестве талисмана понадобились... Или ингредиента. Приворотное зелье варить собираюсь... Вдруг он тогда ночь спать не будет, кошмарами мучаясь? А что, я вчера такое хорошее зелье вычитала в учебнике алхимии... Правда, вряд ли оно у меня получится — пометка «третий уровень сложности» стоит на нем, полагаю, не зря. Но помечтать?..

Учитель истории с кровожадной улыбкой обводит взглядом класс. С такой же миной, наверное, облезлый кот кружит вокруг замершей мыши, придавливая ей лапой хвост.

— А расскажет нам об этом...

Сейчас будет долгая пауза. Точно будет. Театральная. Такие, как этот мастер Хэвишем, любят почувствовать себя значимыми за счет других. Наверняка я угадаю, если скажу, что мастер Хэвишем не женат, точнее, разведен, и в комплект к мастеру Хэвишему прилагается очень пробивная мамочка, в смысле будущая свекровь. Оттого на мастере Хэвишеме отглаженная рубашка (или сорочка? Они здесь свободные, легкие и иссиня-белые, кроя как в «Ромео и Джульетте») и вычищенная, прилизанная мантия с воротником из шкурки какого-то бедного зверька, Гринписа на них нет! А вот то, чего материнская рука не коснулась, у мастера топорщится и торчит. Например, волосы. Это надо уметь — соорудить такой беспорядок из прически. И обзавестись такой фигурной лысиной.

— Итак, нам расскажет...

Я вздыхаю, закатываю глаза — долгая театральная пауза-а-а — и откидываюсь на спинку кресла.

Мастер Хэвишем последний раз окидывает взглядом класс — больше десятка склоненных спин. Натывается взглядом на меня. И его улыбка становится еще шире.

— Принцесса Розалинда. К зеркалу.

Шарик — ко мне! Я старательно прячу улыбку и иду к зеркалу. По классу проносится вздох облегчения и предвкушающий смешок. Смейтесь-смейтесь!

Заботливый Габриэль ночью отправил слуг, включая мою камеристку, к портному, а утром Розалиндиным платьям пришлось потесниться: я обзавелась удобными и простыми брюками, больше похожими на шаровары, и туниками с рукавами из легкой, но непрозрачной ткани. Все это довольно изящно украшают вышивки с какими-то цветочными мотивами, но так, чтобы в глаза сразу не бросались. А да, и еще утром же доставили шесть пар туфель без каблуков, удобных настолько, словно их специально по моей ноге делали.

В карете я не выдержала и поинтересовалась у Габриэля, что это на него нашло? Учебники, смена гардероба? Отчего такая забота? Габриэль невозмутимо сообщил, что все это входит в обязанности рыцаря. Потом отвернулся к окну и многозначительно замолчал. Сдается мне, он лгал.

Зато в новом наряде я уже не похожа на неуклюжую лягушку в розовом бальном платье.

— Итак, принцесса, — улыбается мастер Хэвишем. — Говорят, вчера вы не могли найти на карте вашу страну. Надеюсь, с Синими горами вам повезет больше?

Серебряной палочкой-указкой (тоже спасибо Габриэлю) я молча провожу по зеркалу в районе этих самых гор.

Разочарованный вздох в классе. Мастер Хэвишем хмыкает.

— Повезло. Начертите теперь план битвы.

С нуля? Вот... жук! Я замираю перед зеркалом, где карта приблизилась, сами горы, точнее их пики, исчезли, осталось только поле, вернее, сильно пересеченная местность, на которой две армии когда-то дрались (полагаю, они тоже были в шоке от такой диспозиции, потому что очень она для обеих была неудачной).

— Ну же, Розалинда. Или снова ждете, что жених вас спасет? Что ж, *прекрасных* дам, — это он выделяет, давая понять, что в данном случае дама совсем не прекрасна, — надо спасать. Принц Ромион!

Кресло в первом ряду с готовностью отодвигается...

— Не нужно, — я быстро-быстро начинаю водить палочкой по стеклу. — Я сама.

Черчу схему — я на всякий случай вчера ее запомнила. Рассказываю практически наизусть весь параграф. Даже залезаю немного назад, чтобы напомнить, какого черта эльфам с гоблинами было воевать. Даю полную характеристику самого Фейхтра, а также его клана до седьмого колена включительно. Потом прохожусь по эльфам. От меня достается даже младшей сестре эльфийского короля Фиолинель Изумрудной, которая в это время еще под стол пешком ходила. Наконец я выдыхаюсь и свирепо смотрю на учителя.

Он тоже на меня смотрит. Так, словно... хм, лягушка заговорила. И сказала что-то умное. По-моему, его тянет перекреститься. Свят-свят!

Тихо скрипит кресло в первом ряду — это Ромион садится на место. Он так весь мой ответ и простоял. Мне очень хочется бросить на него победный взгляд — тоже мне, нашел даму в беде. Сама справлюсь. Сейчас только мой дракон разродится уже какой-нибудь речью. Эй, мастер Хэвишем, челюсть с пола поднимайте да отпускайте меня на место с отличной оценкой. Или вы хотите еще про какие-нибудь славные деяния Фейхтра Хмурого услышать?

— Удовлетворительно, Розалинда, — наконец сообщает мастер, и я вздрагиваю. Тройка? Что?! — Вы можете вернуться на место.

Конечно, я остаюсь стоять.

— Удовлетворительно? За что?

Мастер Хэвишем поднимает брови.

— За ваш ответ. Розалинда, садитесь.

— То есть я где-то ошиблась?

— Розалинда...

— Где?

— Розалинда, немедленно сядьте! Или я отправлю вас в карцер!

Сейчас я прожгу его взглядом без всякой магии. Есть в жизни справедливость или нет?!

— А я не уйду, пока не узнаю, где я ошиблась.

— Час в карцере, Розалинда, — и тише добавляет: — Вы нигде не ошиблись.

— За что тогда вы снизили мне оценку?

— Снизил? — начинает улыбаться этот облезлый кот. — А вы полагаете, вы ответили... как?

— Отлично, — выплевываю я. — Я полагаю, я ответила отлично. Вы сами сказали, что ошибок в моем ответе не было.

Мастер Хэвишем улыбается.

— Что ж... Принц Ромион!

Тот снова встает. Я перевожу взгляд на него.

— Что бы вы поставили Розалинде за ее ответ?

Я стискиваю зубы. Сейчас этот малыш мне неуд влепит, и чего я тогда тут комедию ломаю? Но пусть только влепит, я придушу его потом голыми руками! После мастера Хэвишема, разумеется.

Ромион смотрит на меня и какое-то время молчит. Я с яростью гляжу в ответ. Ну давай, давай! За это время я успеваю придумать ему тридцать три несчастья, большая часть которых неосуществима, но помечтать о них все равно очень приятно.

— Отлично, мастер Хэвишем, — наконец твердо говорит Ромион. — Я бы тоже поставил Розалинде отлично.

Мастер Хэвишем потрясенно смотрит на него. На одно долгое мгновение я представляю, что карцер мы на этот раз будем делить с Ромионом. Хм, может, за час мне удастся убедить его отказаться от свадьбы?

— О вашем благородстве когда-нибудь сложат легенды, Ромион, — улыбаясь, говорит наконец мастер Хэвишем. — Что ж, неудивительно, она ведь ваша невеста. Я об этом не подумал.

Ромион морщится, но садится. А учитель оглядывает класс.

— Кто-нибудь поставил бы принцессе удовлетворительно? Кто-нибудь, кого она еще не очаровала?

В воздух сразу поднимается с десятков рук. И с середины класса Вейл выкрикивает:

— Да ставьте хоть неуд, я за, только мне тогда отлично за полугодие!

— Неуд? — улыбается мастер Хэвишем. — Прекрасная идея! — и склоняется над журналом.

— Да скажите уже правду: я вам не нравлюсь, а не мой ответ, за это и неуд, — горько говорю я, стискивая серебряную палочку. Треснуть бы ею учителя по голове. Или сразу в глаз? — Не беспокойтесь. Вы мне тоже не нравитесь.

— Два часа в карцере, — отзывается мастер Хэвишем.

Я молча разворачиваюсь и направляюсь к двери.

— Розалинда, вы будете отбывать наказание после урока. Вернитесь на место!

— Зачем? Сомневаюсь, что вы хоть чему-то путному меня научите, — бросаю через плечо я. И эффектно хлопаю дверью. Эффектно хлопнуть дверью я умею. И, если хоть что-нибудь понимаю, сегодня мне предстоит снова побывать в кабинете директрисы. Наш физик, например, после похожей сцены именно так и поступил: настучал на меня директору. Ну и...

Ну и пожалуйста.

Фей сажает меня под замок с видимым удовольствием — а я же с удовольствием ему улыбаюсь. Потом устраиваюсь на соломе, достаю из-под туники бестиарий — отлично, вчера не успела прочитать. И начинаю знакомиться с местным разнообразным внешним миром. Как раз к третьему уроку снова буду самая умная. Так что карцер мне сейчас к месту — где еще можно совершенно спокойно поучиться? На уроке тот же мастер Хэвишем только рад будет подловить меня за чтением «посторонней литературы».

Через час ко мне в карцере присоединяется Дамиан. Я поднимаю голову от учебника, когда он заходит, и небрежно бросаю:

— Что, место встречи изменить нельзя?

Он удивленно смотрит на учебник у меня в руках, шмыгает разбитым носом и запрокидывает голову.

Я протягиваю ему платок.

Дамиан отворачивается.

— Слушай, что я тебе сделала? — не выдерживаю я. — За что ты меня так не любишь?

Спина Дамиана на мгновение выпрямляется, и я даже решаю, что сейчас меня удостоят ответом. Но нет, он просто смотрит на скелет в цепях. Внимательно. Со значением.

Вздыхая, перелистываю страницу. Ну и ладно. Может, и я скоро пойму, почему его так все сторонятся?

Еще через час я успеваю прочитать бестиарий целиком и повторить отличия синих драконов от серебристых, а также низших демонов от высших. И от анимальных. И от этих... как их... подвидов духов.

Выходим мы с Дамианом вместе. А потом Габриэль ведет меня к директрисе — говорю же, мастер Хэвишем предсказуем, как и наш физик.

Черный манул снова показывает мне язык со стола.

— Я знала, что с тобой будут проблемы, — говорит директриса, сверля меня недовольным взглядом.

Тянусь погладить кота. Тот с любопытством наблюдает за моей рукой, потом в последний момент подставляет под нее голову. Точнее, левое ухо, потому как вся голова в мою ладонь не помещается.

— О твоих выходках будет сообщено родителям.

Кот бодает мою руку и начинает тарахтеть.

— Маме не забудьте рассказать, — подмигиваю я. — Ей очень понравится, что здесь так весело. Может быть, она меня даже навестит.

Директриса замирает с открытым ртом. Еще бы, моя мама —

наследница королевы фей. Просто так ее не выгонишь, но и терпеть ее выходы невозможно, потому что меры мама не знает. Папа всегда говорил, что упрямством и умением находить неприятности на свою голову я вся в нее.

— Отцу я точно напишу, — наконец бросает директриса.

Киваю.

— И добавьте, пожалуйста, что сено в вашем карцере не меняют уже два дня. А насекомых вообще никогда не травили.

— Вон отсюда, — устало выдыхает директриса. — Наказание я тебе потом придумаю.

Я переступаю через порог и слышу, как она жалуется коту:

— Вот видишь, Кортни, вот видишь — поэтому я и хочу работать трактирщицей. В трактире надоедливых клиентов хотя бы без проблем заколдовать можно...

Кот согласно тарахтит.

— Габриэль, мы пообедать уже не успеваем? — вздыхаю я, выходя на солнцепек и бросая взгляд на башенные часы. Почти полдень.

— *Вы* не успеваете, — поправляет Габриэль. Потом неожиданно добавляет: — Но я знаю короткий путь на кухню.

Я с улыбкой оборачиваюсь.

— Габриэль, я тебя обожаю!

Лицо рыцаря на мгновение озаряет предательская улыбка, но Габриэль тут же возвращает свою маску вселенской невозмутимости.

— Как скажете, принцесса. Идемте.

Мы не идем, мы бежим — урчащий желудок отлично меня подгоняет. Проходим (пробегаем) какие-то коридоры, галереи, лестницы... За одним из поворотов я мельком замечаю Ромиона, быстро удивляюсь: он же тоже опоздает! Разве не должен наш отличник сидеть на уроке с учебником в зубах вместо розы?

— Принцесса, поторопитесь! — зовет Габриэль, и я, ускоряя шаг, пролетаю мимо Ромиона: он топчется у какой-то закрытой двери, рядом с которой...

Стоп, я этот пиджак, в смысле камзол (или как там эта деталь одежды правильно называется?) уже видела. И сумка с какой-то странной висюлькой, которыми парни обычно брезгуют, потому я и заметила: Дамиан такую же висюльку в карцере в пальцах, забывшись, вертел... И вчера, и сегодня...

Торможу и возвращаюсь к закрытой двери. Странно бледный Ромион как раз склоняется над пиджаком-камзолом Дамиана, когда я, встав у него

за спиной, радостно интересуюсь:

— А что тут происходит?

Ромион подпрыгивает — не хуже меня, хоть и не лягушка. Оборачивается и мгновение испуганно смотрит на меня.

Улыбаюсь в ответ и киваю на дверь.

— Что там?

— Ничего, — Ромион с очевидным трудом пытается сделать вид, что все в порядке, он только мимо проходил, а я здесь вообще лишняя.

Я бросаю взгляд на сумку с висюлькой: капельки камней странно поблескивают. Перевожу взгляд на Ромиона и замечаю в его руке ключ. Ясно же, что он от этой закрытой двери.

— Принцесса! — встречается вернувшийся Габриэль. — Если вы еще хотите пообедать и не опоздать на урок, то, пожалуйста, поспешите!

Ромион переводит взгляд на Габриэля и почему-то отступает к стене. Рыцарь же бросает взгляд на дверь и на глазах бледнеет.

— Кто-нибудь скажет мне, что тут происходит?! — не выдерживаю я.

— Ничего! — хором восклицают Ромион с Габриэлем.

Словно в ответ за дверью раздается такой рев, что вздрагивает пол у нас под ногами.

— Принцесса, идемте, здесь опасно, — говорит в наступившей после этого тишине Габриэль и быстро хватает меня за руку.

Новый рев эхом проносится по коридору — я вырываюсь, подскакиваю к Ромиону и кричу:

— Дамиан там? Да? Да?!

А когда принц не отвечает, вырываю у него из руки ключ и бросаюсь к двери.

— Принцесса, нет! — Габриэль пытается забрать ключ, но я отталкиваю рыцаря.

— Не мешай мне! Это приказ! — И Габриэль тут же замирает.

Сую ключ в замочную скважину — когда опомнившийся Ромион бросается ко мне:

— Розалинда, он прав, уходи!

Я рывком распахиваю дверь, и его слова «Там демон!» заглушает новый рев.

Да. Там — демон. Я видела сегодня эту страхолюдину в бестиарии на картинке. Это... подвид анималий. Крупнее обычных животных, но форму принимают исключительно звериную. Питаются живой плотью. Любой, включая человеческую. Призывать необходимо жертвой или волей дара, если таковой имеется. Но уже призванного демона-анималия остановит

только защитный контур, через который демонологу переступать ни в коем случае нельзя, иначе демон его с удовольствием сожрет за компанию с жертвой.

Контур начерчен у порога, через который я, естественно, тут же и переступаю. А стоящий на двух лапах здоровенный — под потолок — тигр оставляет в покое связанного и какого-то квелога Дамиана, тянет носом и в два прыжка оказывается передо мной.

«И что теперь?» — мелькает у меня в голове уже в полете, точнее, в прыжке к потолочной балке — за какую-то долю секунды до того, как зубы тигра смыкаются на том месте, где я до этого стояла.

Никогда не думала, что я настолько акробатка... Наверное, стоило по папиному совету пойти в кружок гимнастики. С такими данными я могла бы даже стать чемпионкой...

Чемпионкой или нет, а вот убежать от огромного тигра на самом деле не очень сложно. Только очень страшно. А так — балок тут оказывается много, полки — неожиданно тоже. Правда, на этих полках что-то стоит... Точнее, стояло... Раньше...

А потом тигр додумывается уменьшиться — и в два счета загоняет меня в угол комнаты. В этот-то момент я и понимаю, что папа имел в виду под «когда все действительно хреново, ты познаешь дзен». Правда, папа обычно так говорит про налоговых инспекторов, которые нежданно-негаданно могут нагрянуть на голову несчастного гендиректора. Но, глядя в распахнутую и очень зубастую пасть тигра-демона, дзен я тоже познала. Это изумительное спокойствие — когда ты смотришь в глаза (простите, в пасть) смерти и смиряешься с неизбежным.

От большого смирения, за мгновение до того, как пасть тигра захлопнулась, я оглушительно квакаю:

— Сидеть!

Тигр садится. По-моему, больше от изумления, чем действительно команда срабатывает — потому что он тут же снова увеличивается до потолка и недовольно рычит.

— Кис-кис-кис, — лепечу я, не понимая, я еще живая или уже мертвая.

Тигр снова припадает к полу, а потом оглушительно воет под громкий заунывный речитатив, причем на два голоса. Как потом оказывается, начинает его очнувшийся Дамиан, а заканчивает, удивительно слаженно, Ромион, которому все-таки духу и совести хватило переступить защитный контур.

Под заклинание демон исчезает в облаке дыма — хотя его рев мне еще долго потом чудится, и я каждый раз вздрагиваю. А злой, как тысяча

чертей, Ромион поворачивается ко мне и шипит:

— Зачем ты полезла? Тебе что, больше всех надо?!

Еще минуту назад я задавалась тем же вопросом. Но сейчас я смотрю на Дамиана, который медленно, с трудом пытается освободить руки — их привязали к креплению одной из полок. Выглядит он словно хорошо выпил или что-то мощное выкурил. Или его чем-то опоили. Например, за обедом, который я пропустила.

Потом я перевожу взгляд на руки Ромиона, испачканные в чернилах. Точно такими же чернилами выведены линии схемы на полу...

— Зашибись у вас тут шуточки! — вырывается у меня. — А если бы его съели?

Ромион бросает короткий взгляд на Дамиана и снова дергает уголком рта.

— Его бы — не съели. А вот тебя!..

— Ты в этом так уверен? — Я смотрю на его испачканные руки. — Тебя бы привязать — и на его место!

— Ты ничего не понимаешь!

Я наконец-то встаю — и наконец-то возвышаюсь над Ромионом.

— Тебя самого от себя не тошнит?

Если ответить он и собирается, то не успевает, потому что в комнату вваливается сразу с десяток человек (подозреваю, по крайней мере, половина до этого была зрителями). Сразу поднимается дикий гам: кажется, все говорят разом, а вездесущий фей (которому как раз больше всех надо) визжит на ультразвуке.

Конец этому хаосу приходит с появлением директрисы. Точнее, ее кота. Манул оглушительно рывкает, потом прыгает ко мне и начинает тереться о мои колени.

— Кажется, на последнем учительском собрании я особенно подчеркивала, что демонология у нас в программу не входит, — задумчиво говорит директриса, склоняясь над линией схемы.

— Не входит! — пищит какая-то учительница, которую я до этого приняла за студентку младшего класса. — Я вам месяц назад новый план на подпись подала. А вы так и не...

— Тогда кто додумался вызвать демона в школе? — сладким голосом перебивает ее директриса и поворачивается почему-то к Дамиану.

Тот прекращает дергать руками и устало смотрит в ответ. Открывает рот... и молчит.

— Дамиан, я же тебя предупреждала, — вздыхает директриса. — Еще одна такая выходка — и ты вылетишь из школы.

Дамиан пытается что-то сказать, но у него не выходит. Зато выходит у меня. Я хватаю Ромиона за руку и толкаю к директрисе.

— Вот. Он вызвал! Он нас двоих чуть не убил!

Принц вырывает у меня руку и отступает.

— Ромион? — Директриса удивленно смотрит на меня. — Конечно нет, он не мог.

— Не мог?! — ахаю я.

Директриса тем временем отчитывает Дамиана, которого никто даже не додумался развязать.

— Мне придется занести этот неприятный эпизод в твое личное дело...

— А вас не смущает, что он связан? — вырывается у меня.

Директриса на мгновение замолкает. Потом удивленно выдыхает:

— Дамиан, скажи мне, что ты вызывал не суккуба!

Про суккубов в бестиарии ничего не было, так что я не знаю, почему присутствующие вдруг начинают понимающе улыбаться, а кто-то из учителей говорит:

— Нет, это был анималий.

— О звезды! — восклицает директриса.

И Дамиан заливается краской.

— Да признайся же ты! — кричу я Ромиону, который, в отличие от остальных, не улыбается. — У тебя совесть есть?!

Ромион отступает от меня, как от сумасшедшей, а директриса немедленно просит кого-то из учителей увести принцессу, а то ей, кажется, плохо.

— А в следующий раз он его убьет, — я тычу пальцем в Ромиона, — и вы тоже скажете, что он не мог? Потому что он принц?!

Меня быстро уводят, но я успеваю поймать изумленный, не верящий взгляд Дамиана — и снова ничего не понять. Но подумать над этим не удастся, потому что за дверью меня ждет Габриэль, и он в бешенстве. Этого даже маска невозмутимости не скрывает.

— Ну и где ты на этот раз был? — бросаю я, когда мы остаемся одни у пруда с лягушкой-фонтаном.

— Исполнял ваш приказ: не мешал! — злится Габриэль. И тут же: — Вы знаете, как легко вас могли убить?

Я смотрю вдаль — там фей почти на руках тащит Дамиана... понятно куда. Учителя расходятся. Директриса в сопровождении кота идет по дорожке и тихо жалуется на жизнь: «Почему я имею дело с идиотами?»

— Я не мог переступить защитный контур и защитить вас, —

продолжает Габриэль. — А вы знаете, что бывает с духом, который не исполнил приказ призвавшего его мага?

Я поднимаю на него недоуменный взгляд.

— Что?

Габриэль глубоко вдыхает... и в подробностях рассказывает, как тяжело бедному духу в таких случаях приходится. И подытоживает это заявлением:

— С юношей все равно бы ничего не случилось.

— Это почему это? — фыркаю я, наклоняясь над фонтаном.

— Принцесса, вы помните, что купаться на территории школы...

— Почему ты уверен, что с Дамианом ничего бы не случилось? Когда я заходила, демон готовился его сожрать.

— Потому что он сильный демонолог, — отвечает наконец Габриэль. — В отличие от вас.

— Угу. Связанный и опоенный. Очень сильный демонолог. Без руки бы влегкую остался. Если демоны с головы не начинают. Что? Я права?

— Вам-то какое дело? — интересуется в ответ Габриэль.

— А я за добро и справедливость, — отзываюсь я и делаю заметку на будущее: перед важным разговором о свадьбе опоить-таки Ромиона тоже какой-нибудь гадостью. Ха, правильный мальчик-ботаник. Дети — цветы жизни. Ага, убил бы брата, ребенок великовозрастный...

Следующие полчаса я провожу в библиотеке — узнаю побольше о чудище, которое меня чуть не съело, а также о всяких зельях, от которых демонологи становятся вялыми и квелыми, как после похмелья. Библиотекарь, милая старушка-одуванчик, правда, интересуется, почему я не на уроке, но потом быстро ударяется в объяснения. Заметка вторая: я знаю, где буду проводить перерывы между занятиями. В библиотеке очень мило: не солнечно, не темно и не жарко. И книжной пылью приятно пахнет.

Узнав все в подробностях, я заглядываю-таки на кухню — Габриэль показывает дорогу без лишних слов. Потом нахожу фея — он же тут главный по дисциплине?

— Что? — взвизгивает он, когда оборачивается и видит меня.

— В карцер хочу, — улыбаюсь я. — Посадите.

— Что?!

— В карцер. Посадите. Пожалуйста. Меня, — отдельно (на всякий случай) повторяю я.

Фей смотрит на меня, как на чокнутую.

— Принцесса Розалинда, почему вы не на уроке?

— Вот, за это и посадите.

— Возвращайтесь в класс, — неожиданно мирно говорит фей. И снова склоняется над грядкой с цветами.

Я оглядываюсь. В фонтан прыгать нельзя — у меня еда и книги по карманам рассованы. Ну не устраивать же драку с Габриэлем! За что тут еще можно в карцер сесть?

О! Идея.

Бегу к учебному корпусу.

— А, Розалинда... — прерывает свой рассказ мастер Хэвишем, и карта в зеркале сменяется портретом кого-то из правителей гномов. — Вы опоздали.

Я замираю у порога. Ну!

— Садитесь, — бросает учитель и поворачивается к зеркалу.

Да что такое!

— Мастер Хэвишем, отправьте меня в карцер, пожалуйста! — вежливо прошу я, а он оборачивается и изумленно смотрит на меня. Как и весь класс. Девушки рядом с Ромионом начинают шушукаться. Я слышу: «Совсем спятила...» — ноне придаю этому значения.

— Зачем?

— Какая разница зачем, просто отправьте! Вам же это нравится, — улыбаюсь. — И не нравлюсь я. Ну хотите, я назову вас занудным неудачником, который любит издеваться над студентами...

Через десять минут дверь карцера за мной закрывается. На два часа.

— Привет еще раз! — улыбаюсь я Дамиану, который бросает на меня усталый взгляд и отворачивается. — Держи.

Дамиан пытается сосредоточиться на серебряной фляжке.

— Ч-что... это?

— Концентрированный овощной сок! — радостно сообщаю я. — Лично следила, как на кухне готовили. Я же правильно понимаю, тебе от него должно стать легче?

Дамиан странно на меня смотрит.

— Слушай, я в курсе, что ты меня не любишь, и так и не понимаю почему. Но глупо отказываться от бокала овощного сока, если он тебе нужен. На!

Фляжка выпадает из рук Дамиана, он пытается ее поднять, промахивается...

— Почему карцер, а не лазарет? Здесь что, нет лазарета? Тебе же нужно в лазарет, — бормочу я, поднимая и открывая фляжку, а потом и держа дрожащие руки Дамиана так, чтобы он мог пить.

Проходит две минуты. С любознательностью естествоиспытателя я

смотрю на Дамиана. Его взгляд наконец фокусируется на мне.

— Тебе лучше?

Он медленно кивает.

— Круто, — я оставляю ему фляжку, отхожу в другой угол и устраиваюсь на соломе (кстати, свежей) с учебником истории в руках. Завтра мастер Хэвишем меня на незнании материала не поймает...

— Зачем вы это сделали? — вдруг нарушает тишину Дамиан.

Я вздыхаю. «Вы»... Учебник не отпускаю — с него на меня глядит озверевшая морда Квентра Обалдевшего (классные клички гоблины своим императорам дают, да?). Что-то мне подсказывает, что лицо у меня сейчас похоже на этого Квентра. Тоже обалдевшее (ух ты, меня удостоили вопросом!) и злое (но выкают).

— Что сделала?

— Зачем эта забота? — уточняет Дамиан. — Вам списать что-то нужно? Или чтобы я что-то из уроков объяснил? Тогда просто скажите что.

Однако портрет Квентра уже не передает всех моих эмоций.

Я убираю учебник и поворачиваюсь к Дамиану. Он ждет.

— Я не понимаю...

Дамиан напряженно смотрит на меня.

— Что? Историю? Если вы о правителе гоблинов...

— Я не понимаю, почему самый красивый парень класса сидит на отшибе, как проклятый. — Ой, кажется, я только что призналась, что считаю его самым красивым! М-да... — Я не понимаю, почему в ответ на дружеское предложение выпить овощного сока, он начинает нести какую-то чушь. Я не понимаю, почему все вокруг от него шарахаются, и он большую часть времени проводит в карцере... В смысле, тут, конечно, уютно и никто читать не мешает... Но платить за это синяками и разбитым носом? И да, я не понимаю, почему принц-«я-у-мамы-правильный-мальчик» вызывает для него демона, хотя это совершенно точно запрещено правилами, а Ромион не из тех, кто будет их нарушать. Как мне кажется. В общем, вот, я не понимаю — я смотрю на Дамиана. Теперь он тоже напоминает Обалдевшего Квентра. — Объясняй. И кстати, почему мы на «вы»?

Дамиан в упор смотрит на меня. И усталым, преисполненным вселенской скорби голосом вдруг говорит:

— Потому что я бастард, — и замолкает, как будто это должно все объяснить.

Я непонимающе смотрю в ответ.

— И?

Дамиан хмурится, и я спешу добавить (потому что он, кажется, меня сейчас в идиотки запишет, если еще не успел):

— В смысле бастард — это побочный ребенок? Или это название какой-то заразной болезни, о которой я ничего не знаю?

Дамиан моргает и вдруг начинает хохотать. Да так заразительно, что мгновение спустя я присоединяюсь к нему, а еще через минуту дверь открывается и внутрь заглядывает изумленный фей. Я машу на него рукой, и он исчезает.

— Я не понимаю, — говорит, успокоившись, Дамиан. — Вам правда все равно? Я думал, вам со мной и в карцере будет невозможно сидеть.

— С тобой отлично сидеть в карцере, — усмехаюсь я. — Ты тихий. И давай на «ты»?

Дамиан грустно улыбается.

— Вы же принцесса.

— И прошу звать меня на «ты». Это странно — мы ровесники и выкаем. Между прочим, мы ведь даже нормально не познакомились, — я сажусь прямо и протягиваю ему руку. — Виола.

— Виола?

— Для друзей, — подмигиваю я. — Можно сократить до Ви.

— Друзей?

— Ты не хочешь со мной дружить? — Я все еще настойчиво протягиваю ему руку.

— Это ты не захочешь со мной дружить, принцесса, — качает головой Дамиан.

— Ну, тебе, конечно, виднее, — я убираю руку. — Может, расскажешь, почему тебя весь класс сторонится? Просто чтобы мне знать, к чему быть готовой.

— Потому что я бастард!

— Это я уже поняла, но ты мне скажи... И что? — выдыхаю я. — Только из-за этого?! — Дамиан кивает, и у меня вырывается: — Господи, я учусь со снобами и идиотами!

— Вот-вот, и я так думаю, — выпаливает Дамиан и, открыв рот, смотрит на меня.

Мы смеемся. Снова вместе.

— Ладно, — говорю я потом. — Расскажи тогда, что у тебя с Ромионом. Я поняла, он тоже сноб, но думаю, этого недостаточно для нарушения правил.

Дамиан садится ко мне поближе. А потом и я — тоже к нему поближе. И как-то так получается, что мы лежим рядышком на соломе, глядя на

солнце в решетчатом люке над головой. Идиллия!

— Он мой брат, — отвечает Дамиан.

— В смысле? Он же принц.

— У нас общий отец, — объясняет Дамиан. — Покойный король Сиерны. А матери разные. Мать Ромиона была королевой. А моя, — он усмехается, — пастушкой. Но отец любил ее больше, чем жену, и держал во дворце. Она была его официальной любовницей. Нас с принцем даже растили вместе. Знаешь, одинаковые учителя, комнаты рядом, одинаковое оружие... Потом мать Ромиона смертельно заболела, и король попытался жениться на моей. Ее убили... — Он выдерживает паузу. — Все говорят, что это была естественная смерть, но они лгут. Я знаю, что ее убили, потому что она была неблагородной... Отец потом женился снова, на юной королеве. И вскоре после этого умер тоже. Королева стала правительницей... Поэтому, — Дамиан усмехается, — забавно было, когда ты предложила Роми объявить королеве, что он отказывается от невесты. Послушал бы я, что ее величество сказала бы на этот счет.

— А что бы она сказала?

— Думаю, ничего: она бы попыталась Роми отравить. В тринадцатый раз, — усмехается Дамиан.

— Отравить? Зачем?

— Потому, Розалинда...

— Виола.

— Потому, Виола, что у нас есть еще один братик: королева успела его родить до того, как король умер. И если я на трон никак не претендую, то Ромион — официальный наследник. Королева, естественно, мечтает от него избавиться.

— Бедняга, — вырывается у меня.

— Да, все Ромиона жалеют, — зло говорит Дамиан и отворачивается.

— Бедняги, — поправляюсь я. — Слушай, извини. Я не знала. Правда. А если вы вместе росли, то почему тогда так друг друга не любите?

— Потому что отец всегда любил меня больше, — вздыхает Дамиан. — По крайней мере, Ромиону так казалось.

М-да. Вот какая, оказывается, жестокая правда скрывается за песней «Все могут короли»...

— Значит, не судьба мне убедить Ромиона от меня отказаться...

— Зачем тебе это делать? — Дамиан приподнимается на локте. — Он принц, ты принцесса. К тому же, поверь, он на самом деле очень... достойный принц.

— Угу, демонов вызывает.

— Демонов я вызываю, — улыбается Дамиан. — А Ромион владеет музыкальной магией. В совершенстве.

— Угу. — Значит, все-таки на чем-то он играет, я была права. — Круто. Только я все равно сейчас не чувствую себя готовой к замужеству. И потом... ты правда хочешь, чтобы такому, как он, досталась такая милая лягушечка, как я?

Дамиан смеется. У него красивый смех.

— Ты забавная, — наконец говорит он. — Жаль, что, когда мы отсюда выйдем, ты перестанешь так свободно со мной общаться.

— Почему перестану?

— Все перестают, — пожимает плечами Дамиан.

— А я не перестану!

— Ну-ну.

Чтобы прекратить этот бессмысленный спор, я прошу его рассказать мне о демонах. Ну интересно же! Тем более раз демонологию тут преподавать не будут, а Дамиан в этом дока...

Дамиан рассказывает. Кучу подробностей, которые точно не найдешь в учебнике. Ему нравится, он распаляется, начинает сыпать шуточками... В итоге, когда за нами приходит фей, а Дамиан еще не успел дорассказать, что случилось с анимальным попугаем, которого он вызвал в семь лет, я машу рукой, но второй раз это не срабатывает.

— На урок! Оба! Живо! — вопит фей.

Дамиан меняется как по волшебству. Он даже исчезает, когда я, выходя, направляюсь к Габриэлю забрать сумку.

Вслед мне фей швыряет учебник по истории.

— Еще раз застукаю в карцере за чтением!..

— Так что там еще делать? — удивляюсь я, улыбаясь. Мне хорошо. Мне очень хорошо, особенно когда я вспоминаю улыбку Дамиана. Ну и пусть он сейчас куда-то делся: мальчик еще просто не понял, что счастье в моем лице от него уже не отстанет.

— Сидеть и размышлять о своем поведении, юная леди!

— Какой же он зануда! — бросаю я Габриэлю.

— Как скажете, принцесса.

В классе я демонстративно игнорирую последнюю парту в ряду у окна и занимаю ту, что рядом с Дамианом. Он перестает что-то увлеченно выискивать в своей сумке, поднимает голову и пораженно смотрит на меня. Ровно так же, как и весь остальной класс.

— Эй, новенькая, ты в курсе, что он бастард? — кричит мне на весь класс Вейл.

— А ты в курсе, что ты идиот? — парирую я и загораживаюсь от него сумкой. Потом поворачиваюсь, ловлю взгляд Дамиана. — Ты не против?

Да, улыбка у него тоже очень-очень красивая.

— Ну еще бы, так пялиться на него будет удобнее, — замечает кто-то из девочек, и все они заливаются смехом.

— Не обращай внимания, — говорит Дамиан, ловя мой взгляд.

Я усмехаюсь.

— Без проблем.

Мне хочется помахать рукой Ромиону: бедняга аж вывернулся весь, глядя на нас, сейчас шею сломает, а зачем мне бесхребетный жених? Но в класс заходит учительница, и все быстро возвращаются на свои места, а мой нареченный отворачивается.

Что-то колет меня в живот. Провожу рукой — и меня пробирает смех.

Дамиан ловит мой взгляд, а я, как фокусник, вытаскиваю из-под туники вторую серебряную флягу. И шепчу:

— Хочешь еще сока?

Глава 5, в которой принц просит помощи, а я чуть не раскрываю свой секрет

Смотреть, как Вейл отвечает у доски, простите, у зеркала, — одно удовольствие. Не знаю как, но он вдруг становится похожим на хорька, который готов улизнуть в любую дыру, лишь бы спастись. Дыры нет, но Вейл все равно шныряет взглядом по всему классу. Может, ждет подсказки?

Но подсказывать здесь, кажется, не принято.

— Горгульи... э-э-э... это младшие демоны... э-э-э...

Самое смешное: зеркало за спиной Вейла настроено так, чтобы отражать визуально все, что он говорит. И по мере ответа там появляется такая страхолюдина, что кто-то из девочек на первом ряду отодвигается подальше, а те, что сидят около Ромиона, приникают к нему.

Это действительно забавно — особенно когда сидишь на последнем ряду.

Дамиан рядом со мной что-то пишет. Или рисует. А когда поднимает голову и ловит мой взгляд, то зачем-то машинально закрывает написанное (нарисованное?) рукой. Я поднимаю брови: мол, что? Дамиан улыбается, но руку не убирает.

Надеюсь, он не мой портрет пишет.

Вейл продолжает мучительно вспоминать то, что наверняка не читал. Под его «э-э-э» страхолюдина обзаводится громадными зубами, длинными заячьими ушами и львиным хвостом. Крылья отсутствуют. Крылья, как объясняет Вейл, горгулье ни к чему, ибо живет горгулья под землей. Чудовище в зеркале тут же становится похожим на гигантского крота.

Мадам Венга, та самая, которую я после вызова демона приняла за ученицу, мученически вздыхает, закатывает глаза, потом достает из-под стола книгу в розовой обложке с ярким сердечком и вся погружается в хитросплетения романтического сюжета.

Под землей, уверен Вейл, горгулья охотится на зайцев. Зеркало удивленно моргает, но выдает зайца. Вместо того чтобы бежать, тот быстро-быстро передними лапами, похожими на кротовьи, роет нору, а потом ввинчивается в нее ушами вперед.

— Звезды! — шепчет кто-то из девочек в переднем ряду и отъезжает от зеркала вместе с партой.

Дамиан продолжает увлеченно рисовать. Я тяну шею, но за его рукой ничего не вижу. Хм, может, обидеться? Что еще за секреты?

Но тут Вейл переходит к сакраментальному: пожравшая земляного зайца горгулья собирается спариваться с другой горгульей. Вейл воодушевляется, и я понимаю, что градус бреда сейчас достигнет критической отметки.

На поднятый вверх открытый на нужной картинке учебник Вейл реагирует не сразу. Он щурится, вглядывается... Потом отмахивается и продолжает нести чушь.

— Что ты делаешь? — удивленно шепчет, отвлекшись от художественной самодеятельности, Дамиан.

Перелистываю учебник на картинку покрупнее.

— Пытаюсь подсказать. Я уже не могу это слушать!

Дамиан глядит на зеркало у Вейла за спиной и хмыкает:

— Бесполезно.

Учительница тем временем дочитывает свой роман до какой-то неприятной сцены, морщится — и я быстро убираю учебник. Наверное, ее любимые герои поссорились.

Закрыв роман, мадам Венга поворачивается к зеркалу, ахает и снова открывает книгу. Правильно, даже поссорившиеся герои лучше брачного периода горгулий.

Вейл, явно севший музе на хвост, продолжает нести такой бред, что даже зеркало за его спиной не всегда справляется с визуализацией.

— Забавно, — шепчет Дамиан, возвращаясь к своему рисунку. — Он почти точно описал, как выглядит и ведет себя мариинская землекопка.

Я знаю только Мариинский театр, поэтому удивленно поднимаю бровь. Дамиан тянется к моему учебнику.

— Вот.

— Убери. — Землекопка действительно похожа на горгулью в исполнении Вейла. — А что ты рисуешь?

— Ничего, — тут же отзывается Дамиан, но я успеваю заметить, что рисунок напоминает его подвеску, с которой Дамиан, кажется, никогда не расстаётся.

Песок в часах, отмеряющий длительность ответа, наконец пересыпается весь, и Вейл получает свою заслуженную двойку. А потом кто-то из девочек — никак их всех не запомню — выходит к зеркалу и быстро исправляет Вейловы художества. Вейл вздыхает («Так же хорошо все было!») и тем временем делает девушке знаки: кажется, приглашает ее в лунную рощу к соловьям. Девушка хмыкает, но соглашается.

А потом у Ромиона начинают расти уши. Ослиные — на большее у меня фантазии, к сожалению, не хватило. Эх, вот я не знала — надо было к Вейлу обратиться! Он бы помог, оригинальнее бы вышло. Но ослиные уши — тоже ничего, особенно если учесть, что принц их, кажется, не замечает. А они себе потихоньку растут. Девушка, отвечающая у зеркала, запинаясь и смотрит на него, прижав ладонь ко рту. Косится на учительницу, но та увлечена романом — приходится рассказывать про горгулий дальше, но это сложно, когда тут уши... Она заикается, и, восторгнувшись, на нее (а потом и на Ромиона) смотрят уже практически все. Даже Дамиан поднимает взгляд, недоуменно моргает, потом хмурится. И, повернувшись ко мне, указывает на Ромиона, жестом спрашивая: «Ты?» Я улыбаюсь.

Вчера после занятий Дамиан показал мне алхимический кабинет — я очень просила. Проснулся у меня внезапный интерес к зельям. Дело в том, что правильно сваренное зелье может применить кто угодно, даже не колдун. А я не колдун. И, честно говоря, немного боязно было в первый раз, но я соорудила сиротинушку, и Дамиан с удовольствием мне все нужное сварил — в чисто научных целях.

Подлить эту бурду Ромиону в бокал за обедом было проще простого. Наверное, Дамиан преувеличивал, когда говорил, что мачеха пыталась его отравить. Если бы действительно пыталась, Ромион был бы уже мертв: когда я подливала ему зелье, его бокал стоял на подоконнике, а сам принц, сидя в кресле рядом, увлеченно что-то читал и ничего не заметил.

Дамиан делает большие глаза, дергает уголок рта — прямо как Ромион — и на новом листке быстро пишет: «Ты знаешь, что у этого зелья срок действия неделя?»

Я пожимаю плечами. Нет, как-то не интересовалась этим вопросом. К тому же... расколдуется. Какой-нибудь придворный маг придет и расколдует, подумаешь! А если и нет — я от своего проклятия страдаю всю жизнь. Пусть тоже вкусит эту прелесть.

Дамиан смотрит на меня и быстро пишет: «С тобой опасно иметь дело». Я польщенно улыбаюсь. Да-а-а, опасно. Я, хм, буду мстить, и мстят моя будет ужасна. Вот.

Ромион тем временем все-таки замечает уши. Эх, жаль, он сидит ко мне спиной и я не вижу его лица... В любом случае учительница быстро и без шума отправляет его в алхимический кабинет. Ромион уходит, держась за уши. Они все еще растут. Качественное зелье.

Дамиан быстро остужает мою радость: «Он вычислит, кто это сделал».

Пожимаю плечами. Насколько я знаю, на меня не действуют никакие проклятия или зелья, ибо я уже и так крепко проклята. Так что пусть

вычисляет. Что он мне сделает?

Я только быстро пишу на клочке бумаги: «Боишься, что и тебе попадет?»

Дамиан с усмешкой качает головой.

«Тогда, может, еще что-нибудь мне сварить?»

Дамиан задумывается, но потом, улыбаясь, пишет: «Рад служить вам, принцесса».

Мысленно я добавляю «моя принцесса» и с усмешкой закатываю глаза. Остаток урока мы выбираем следующее зелье для сугубо научных целей. Еще не знаю, кому дам его выпить, но что такого? Тут слишком скучно. И слишком много людей, которые меня не любят. Мастер Хэвишем на очереди первый...

На нас недоуменно оглядываются, неодобрительно смотрят. Но мне плевать. Дамиану, кажется, тоже. Хотя иногда, особенно во время перерыва, я ловлю его изучающий взгляд: Дамиан словно все время ждет от меня подвоха. Как будто он обязательно должен быть. Как будто я его разыгрываю.

Стараюсь не придавать этому значения. Все хорошо, я наконец-то нашла человека, которому вроде бы плевать, как я выгляжу. Которого — с ума сойти — больше заботит, что он может оказаться меня недостойн. Как же это... мило, разве нет?

Последним уроком у нас что-то вроде физкультуры. Отдельной для девочек и мальчиков. Жаль, потому что мальчиков повели на плац и, как я поняла, у них там сейчас что-то наподобие турнира. Девочкам там делать нечего. Девочек ведут в красивый садик, сажают в милую беседку на расставленные по кругу диванчики. Перед каждой стоит изящный столик с корзинкой. А в корзинке, как орудие пыток, на самом видном месте лежит утыканный иголками плюшевый еж. Рядом ленты, шелковые нити, обрезки материи, бисер и бусины в маленьких футляриках... И пальцы.

— Свободная тема, — говорит кукольная блондинка, которая даже не удосужилась мне представиться. Наверное, и не стоило — мои одноклассницы к ней так и льнут, будь у нас с ними хорошие отношения, они бы сами рассказали, кто она такая. А так я только слышу, как к ней обращаются. Леди что-то там. Физподготовкой у девочек заведует. А в качестве физподготовки для прекрасного пола здесь вышивание. Очевидно, ничего тяжелее корзинки с рукоделием принцесса в руки никогда не возьмет.

— Придумайте что-нибудь интересное, в честь праздника, — мечтательным голосом добавляет леди-учительница.

— Какого праздника? — шепотом интересуюсь я, и на меня все смотрят, как на идиотку.

— Самые красивые работы будут выставлены в королевском дворце во время бала...

— Какого бала? — машинально выдыхаю я, и на меня уже даже не смотрят.

— К тому же вы сможете сделать подарки вашим... — Леди блондинка многозначительно улыбается, накручивая на палец длинный пушистый локон, — конечно же, братьям. — И половина девчонок тут же мило краснеют, а остальные начинают возбужденно перешептываться.

— У меня нет брата, можно я отсюда уйду? — тихонько говорю я, и впервые за всю мою учебу здесь никто не обращает на меня внимания.

— И последнее: помните, в моде нынче фениксы, — улыбается блондинка.

— И алые розы! — хором отзываются девушки, восторженно глядя на нее.

Ми-ми-ми...

Я оглядываюсь на Габриэля: как ни в чем не бывало тот стоит у увитой виноградом колонны. Почему он всегда такой невозмутимый и отстраненный, когда мне нужна помощь?!

— Розалинда, тебе требуется особое приглашение? — Зато учительница здесь начеку.

— Мне вообще никакого приглашения не нужно, ставьте мне сразу два, — вздыхаю я. — Я не умею шить.

Отвлечшиеся от рукоделия девушки слаженно вздыхают. Мне хочется закатить в ответ глаза. Да что же вы такие все одинаковые?!

— Неужели? — изгибает бровь учительница. — Впервые вижу принцессу, которая не умеет шить.

— Загадывайте желание, — я протягиваю ей руку. — А лучше посмотрите на мои пальцы. Я с пером-то мучаюсь, а на иголки меня можно только нанизать. Вы же не будете нанизывать меня на иголки, правда?

Леди так задумчиво смотрит в ответ, что я на всякий случай вжимаюсь в кресло и снова бросаю панический взгляд на Габриэля. Спасай!

— Но что-то же ты умеешь? — говорит наконец леди-учительница.

— Квакать, — вставляет девочка на диванчике по соседству с моим.

— Вивиан, что за манеры! — тут же отзывается учительница. Потом, снова обращаясь ко мне, интересуется: — Розалинда, полагаю, про вязание и плетение кружев можно и не спрашивать? — на мои лягушачьи пальцы она смотрит с сочувственным презрением. — Скажи, а как же кружевная

лента, которую ты должна будешь подарить своему принцу перед началом турнира?

Лента? Турнир?

— Принц обойдется, — я убираю руку. — Мои пальцы мне дороже. Простите, но может, я уйду? А то мне кажется, я тут слегка не к месту.

— Как лягушка среди приличных леди, — вставляет девушка с диванчика справа.

— Манеры, Лиана! — тут же отзывается учительница, а я встаю и по кругу обхожу и ее, и корзинку на столике.

Леди смотрит мне вслед — кажется, с грустью.

— Идите, Розалинда, — и с тихим вздохом добавляет: — Вам будет сложно найти жениха.

Да, исключительно из-за неумения шить.

Я с усмешкой оборачиваюсь.

— Не беспокойтесь, папа мне его уже нашел. Оказывается, сложно не найти, сложно от него избавиться.

Леди-учительница недоуменно поднимает брови, девушки тут же принимаются шушукаться, а я чуть не вприпрыжку сбегая из беседки. Свобода!

Надо отдать должное леди-блондинке, в свое время от нашей школьной трудовички избавиться было намного сложнее...

— Габриэль, а где мальчики тренируются? — невинно интересуюсь я, подстраивая шаг так, чтобы мы шли с рыцарем рядом, а не я одна впереди. — Отведешь?

— Как скажете, принцесса.

Мы идем по тихой, пустой роще, впереди вьется дорожка, и никого, кроме ветра, шелестящего в листве, и поющих птиц не слышно — так что я поворачиваюсь к Габриэлю и открываю было рот сказать, что хватит с меня этой невозмутимости и «как скажете», можно же и нормально, без «ваше высочество». А еще добавить, что я ему очень благодарна за портного и за то, что он сумку мою таскает и дорогу показывает... Но тут меня совершенно невежливо хватают за руку и тянут в сторону от дорожки.

— По-твоему, это было смешно? — шипит на меня Ромион, уже избавившийся от ушей. Жаль, я бы еще полюбовалась своими достижениями в области магии...

— Да. Очень, — улыбаюсь в ответ я. — Тебе не было?

Он зло смотрит на меня и открывает рот для ответа, но я быстро вставляю:

— Ах, простите, ваше высочество. Вам не было смешно?

Он бросает на меня уже не просто злой, а бешеный взгляд (мне даже страшно немного становится) и толкает на скамейку, которая чудесным образом оказывается у меня за спиной. Я падаю — теперь принц возвышается надо мной. Полагаю, ему так легче на меня шипеть...

— Зачем ты это делаешь? — вдруг совершенно спокойно говорит Ромион.

Я недоуменно гляжу на него.

— Что, ваше высочество?

Он отвечает мне таким же прямым взглядом.

— Наша свадьба через три года, — он вздыхает. — Допустим, у тебя уже предсвадебная горячка... Давай я просто расскажу, как это будет, и ты успокоишься. Хорошо?

Хм, за все годы моего общения с противоположным полом еще никто из парней не вел себя так, будто задабривает бешеную псину в моем лице. Особенно после того, как я сделала гадость. Ромиону разве не полагается сейчас кричать на меня и сыпать угрозами?

Вместо этого принц садится на скамейку рядом. Все это время он не отпускает моего взгляда.

— Послушай, Розалинда. Мне очень нужен этот брак. И желательно как можно скорее. Я собирался просить тебя, чтобы ты предложила отцу ускорить подготовку к свадьбе. Но к тебе же не подступиться!

— Не очень-то ты и пытался, — бормочу я, пытаюсь найти ответ сразу на десяток вопросов. Ускорить? Свадьбу? Зачем? Свадьбу с лягушкой? Ясно же, что его поцелуй меня не расколдует.

— Розалинда, — Ромион тянется ко мне и берет мои руки в свои. Я замираю. Все вопросы от удивления тут же исчезают. — Послушай, пожалуйста. По законам Сиерны я не могу стать совершеннолетним, пока не женюсь. А значит, я не могу стать королем. Три года мне ждать нельзя: за это время мачеха что-нибудь придумает и все-таки от меня избавится. Поэтому, пожалуйста, попроси отца перенести срок свадьбы. Взамен я обещаю тебе полную свободу после брака. Делай что хочешь, как хочешь и с кем хочешь, — он заглядывает мне в глаза. — Просто помоги мне сейчас, хорошо?

— Ты так мечтаешь стать королем? — вырывается у меня. И все это время он держит меня за руки. Это не то же самое, как если бы Дамиан меня коснулся (чего, конечно, не будет, потому что Дамиану от меня ничего не нужно), но все равно очень волнующе. И почему я уже минуту плююсь на его губы?!

— Нет, — Ромион улыбается, совсем невесело. — Я жить хочу. Так ты

мне поможешь?

Интересно, Роз обо всем этом знала?

Я отворачиваюсь. И почему-то начинаю заикаться. Ромион говорит так, что поневоле веришь: помощь ему нужна, и куда сильнее, чем сестре, которая всего лишь хочет стать актрисой. Но она моя сестра, и ей я обещала первой.

— Н-нет. Я не могу, — и пытаюсь освободить руки, но Ромион не дает.

— Почему?

«Потому что я не Розалинда», — хочется воскликнуть мне. И сбежать. Но я закрываю глаза, мгновение трусливо жду, что Ромион сам меня отпустит и уйдет. Но он этого, конечно, не делает.

Тогда я зло улыбаюсь.

— Ромион, тебе нравится мое лицо? Скажи, я красивая?

Он хмурится и молчит, но ответа я и не жду.

— Мне тоже не нравится. А знаешь, я могла бы быть красивой и желанной, если бы одна вредная колдунья меня не заколдовала. И если я сделаю так, как ты хочешь, я буду лягушкой всю жизнь. Как ты думаешь, я хочу быть лягушкой всю жизнь?

Он в ответ смотрит на меня, но уже не так уверенно.

— Я найду способ тебя расколдовать.

— Не найдешь. Его не существует. Только поцелуй влюбленного в меня принца. Настоящая любовь, — улыбаюсь я. — Ты влюбишься в меня, Ромион?

Он долго молчит. Потом, тоже отведя взгляд, начинает:

— Розалинда...

— Хватит, — перебиваю я. — Твоя мачеха — сам с ней и разбирайся. У меня еще жизнь впереди, и я не хочу видеть в этой жизни тебя. Отпусти меня, пожалуйста.

Он убирает руки и, когда я встаю, чтобы уйти, говорит мне вслед:

— Я так и думал.

Всю дорогу до плаца, где тренируются мальчики, я иду за Габриэлем и пытаюсь выкинуть этот разговор из головы. Что Роз меня хорошо подставила, я уже поняла. Странно одно: Роз не злая, а очень даже жалостливая. И я уверена, поговори Ромион с ней, она бы согласилась помочь. Если отношения сиернской королевы с наследником здесь ни для кого не секрет... Поведение Роз вызывает у меня большие вопросы. Ее у этих гоблинов случайно не заколдовали? Может, побочное действие какого-нибудь приворотного зелья, которое гоблинский король под шумок дал ей выпить?

— Габриэль?

— Да, принцесса.

— Скажи, Роз не вела себя... странно последнее время?

— Нет, ваше высочество, — Габриэль даже не оборачивается.

— Хм, а скажи, она давно хотела стать актрисой?

— Не знаю, ваше высочество. Принцесса со мной своими мечтами никогда не делилась.

Я ускоряю шаг и снова иду с рыцарем рядом.

— Знаешь, я тут пытаюсь вспомнить, когда моя сестра полюбила театр... И у меня не выходит. Ей всегда больше нравились балы.

Габриэль молчит — сама невозмутимость.

— И тут это желание играть на подмостках... Тебе не кажется это странным?

— Не понимаю, о чем вы, ваше высочество, — его голос звучит так, что становится ясно: отстань, дорогая принцесса. Пожалуйста. Просто отстань. Перестань задавать неудобные вопросы.

— Габриэль, а ты не знаешь, с Роз можно как-то связаться? В какой театр она отправилась? — Мне тут же кажется странным, что сестра об этом не сказала. Это совершенно на нее не похоже... И я ведь не спросила. Впрочем, после той последней вечеринки...

Рыцарь резко останавливается.

— Ваше высочество, что вы хотите сказать?

Я смотрю на него и понимаю, что этот сказочный мир отчего-то уже не кажется мне таким безопасным.

— Мою сестру заколдовали?

Габриэль молчит. Достаточно долго, чтобы я успела испугаться. Но потом он коротко улыбается — и меня отпускает.

— Конечно нет, ваше высочество. Я бы знал. С вашей сестрой все в порядке. И уверен, она скоро о себе напомним. Сама.

— Да, — задумчиво киваю я. — Да, ты прав. Это было бы на Роз похоже...

— Идемте, ваше высочество?

Я снова киваю. А пару минут спустя, когда выходим к плацу, все сомнения вылетают из головы. Им просто не остается места: мальчики фехтуют, и это настолько лучше того, что показывают в исторических или приключенческих фильмах, что я довольно долго просто смотрю, улыбаясь, и представляю, что кто-нибудь из них сражается за меня. Не насмерть, а, например, на турнире. Ах да, мне же тогда нужно будет сплести кружевную ленту...

Ищу глазами Дамиана. В первом ряду нет — зато Вейл салютует мне мечом. Позер! Во втором ряду тоже нет...

— Заблудилась, принцесса?

Я оборачиваюсь и ошеломленно смотрю на... Пожалуй, если скрестить гнома с минотавром, что-то такое как раз должно получиться...

— Девочкам здесь не место, — мычит оно и угрюмо отодвигает меня в сторону, идя к плацу.

— Где Дамиан? — кричу я ему вслед, и минотавр-полукровка оборачивается. Какое-то время он бессмысленно смотрит на меня. Потом его глаза наливаются кровью, и я успокаиваю себя тем, что быки вроде дальтоники, потому что туника на мне сегодня красная.

— Простите, я сейчас уйду, просто скажите, где мне искать...

Минотавр говорит. Между ревом и нецензурной лексикой на повышенных тонах я ничего не понимаю и, когда полубык наконец выдыхается и отворачивается, беспомощно поворачиваюсь к Габриэлю.

— В карцере, — спокойно отзывается тот. — Мастер Муол сказал, что Дамиан в карцере.

— Это был учитель?! — изумляюсь я, но мои слова заглушает еще один дикий рев, и я на всякий случай отпрыгиваю Габриэлю за спину. Но ничего страшного не происходит: просто Минотавр носится по плацу, распугивая фехтующих. Кажется, здесь намечается турнир: все против Минотавра, и я даже знаю, кто выиграет. Здесь все-таки должен быть лазарет и хорошие лекари, иначе вся мужская половина моего класса отправится на какой-то там праздник на костылях.

— Мы идем в карцер, принцесса? — спрашивает Габриэль, когда я направляюсь к дорожке в рощу.

— Вообще-то я собиралась поговорить с Дамианом, и мне он нужен в алхимическом кабинете...

— Прикажете вытащить его из карцера?

Я останавливаюсь.

— Габриэль? Ты можешь это сделать?

Его невозмутимая мина в такие моменты здорово раздражает.

— Если прикажете, принцесса.

Я смотрю на него и думаю, как это воспримет Дамиан.

— Пойдем, расскажешь мне, как ты собираешься это делать. И, Габриэль, что за праздник здесь собираются отмечать в ближайшие дни? Бал?

Оказывается, грядет фестиваль середины лета. Длится он десять дней, и во время него — кто бы мог подумать? — ритуально ищут цветущий

папоротник. «Только искать его, ваше высочество, не нужно, потому что он цветет в это время на каждом шагу, — добавляет Габриэль. — И продается везде, где можно и нельзя». Еще принято дарить цветы, устраивать вечеринки и балы, есть много сладкого и признаваться в любви, а также чувствовать женскую красоту.

В общем, я так понимаю, этот фестиваль — что-то вроде праздника влюбленных и Женского дня — два в одном.

— О господи, Габриэль, а мне можно будет на это время где-нибудь спрятаться? — По понятным причинам День влюбленных и Восьмое марта — самые ненавидимые мною дни в году.

— Как скажете, ваше высочество. Завтра начало фестиваля, и этот, а также следующий день вам не нужно будет ходить в школу...

Я слушаю и представляю, что закроюсь дома в полном одиночестве, потому что немногочисленные слуги тоже будут отмечать, а Габриэль — изображать предмет интерьера. Можно, конечно, подумать о будущем (как папа просил), почитать учебники и попытаться найти Роз... Хм, а еще можно совместить приятное с полезным!

Дамиан лежит на соломе, когда я склоняюсь над люком в потолке карцера. Не так уж тут и высоко... Совсем даже не высоко...

У Дамиана на скуле расцветает синяк. И левая рука вся в порезах. Опять с кем-то подрался... Ладно, с этим потом разберемся.

Я прикиваю к решетке и зову:

— Дамиан!

Он открывает глаза.

— Розалинда? Что ты там делаешь?

— Я же просила звать меня Виолой. Слушай, мне нужна помощь...

— В алхимический кабинет я еще два часа не попаду.

— Да нет, — улыбаюсь я. — Не эта. Я так понимаю, завтра и послезавтра мы не учимся, а у меня целая гора учебников... Ждет изучения. Если к горе приложишься ты, думаю, я справлюсь быстрее.

Дамиан хмурится.

— Если хочешь, мы можем... Можем встретиться где-нибудь в городе завтра или послезавтра, — мне кажется, или он краснеет? — и я объясню все, что ты хочешь...

— Спасибо, — улыбка просится сама, хотя я и знаю, что она у меня уродливая и улыбаться на самом деле не стоит, если я не хочу его отпугнуть. — Но у меня есть идея получше. Как насчет погостить эти два дня у меня? А то мне бегать за тобой по городу, искать и ждать...

— Я не заставляю тебя ждать. — Он точно краснеет. Неужели его

никогда раньше на свидание не приглашали?

— Верю. Но если ты будешь под рукой, сможешь мне еще лучше. Ну как?

Пауза. Приятно-розовый Дамиан отводит взгляд, потом садится и опускает голову.

— Розалинда, это честь...

— Ты не хочешь? — Если он сейчас опять заведется про бастарда, я его стукну. Сначала вытащу, потом стукну.

— Я хочу, — признается Дамиан, — но ты... э-э-э... невеста... А я у тебя дома...

— Ромион не будет против, — хихикаю я. — Если ты боишься этого, то лично мне все равно. К тому же... кому в здравом уме, глядя на тебя и меня, придет в голову, что между нами что-то есть, кроме дружбы?

— Мне бы пришло, — вдруг говорит сидящий рядом Габриэль (которому вообще-то было поручено стоять на стреме).

— Молчи уже, дуэнья, — фыркаю я. — Дамиан, соглашайся! Я не хочу умирать от скуки эти два дня.

Дамиан вздыхает.

— Ромион на этот раз меня действительно убьет... Впрочем, ты права, мне тоже все равно. — Он снова запрокидывает голову. — Через два часа, принцесса, я весь ваш.

Я смеюсь:

— Хочу тебя сейчас!

По моему знаку Габриэль спокойно вынимает тяжелую железную решетку люка, и я спускаю Дамиану веревку.

— Вылезай. Не бойся, выдержит, я сама на ней только что висела.

Через пару минут Габриэль прилаживает решетку на место, а довольный Дамиан очищает брюки и пиджак-камзол от сена и земли.

— Так из карцера я еще не выбирался...

— У тебя, кажется, очень ненаходчивые друзья, — говорю я и улыбаюсь Габриэлю. — Спасибо.

— Счастлив служить, принцесса, — отзывается тот.

Но вот этого можно было и не добавлять.

— Вообще-то у меня раньше не было друзей, — говорит Дамиан.

И этого тоже...

— Пойдем, — вздыхаю я. — Меня ждет гора учебников. А, погоди, тебе в лазарет не надо?

Дамиан касается пальцем скулы и невесело усмехается.

— После того как я случайно вызвал там низшего демона, меня скорее

отравят, чем вылечат. К тому же, — он улыбается и достает из кармана брюк флакон с зельем, — я уже сам себе помог.

— Ясно... А что, клятва Гиппократа здесь уже не действует?

— Какая клятва?

— Э-э-э... никакая. Между прочим, я же просила звать меня Виолой, а ты — Розалинда, Розалинда...

Конечно, Дамиан сначала смущается — я даже начинаю бояться, а не слишком ли далеко зашла и чего он от меня ждет. Местные нравы плюс репутация сестры после гоблинского плена... В карете Дамиан старательно держит дистанцию и еще скованней ведет себя, когда я показываю ему дом (сама, кстати, узнаю о нем много нового: например, здесь есть бассейн и большой романтический сад).

Потом Габриэль наконец-то куда-то исчезает (дома он, слава богу, не ходит за мной по пятам), мы садимся ужинать, и я увожу разговор от неприятных тем «а-где-живешь-ты» и «не-нужно-ли-послать-за-твоими-вещами», от которых Дамиан начинает краснеть и мямлить. За едой я спрашиваю его о демонологии, и спустя пару скучных, неуклюжих ответов он чудесным образом оживляется. О демонологии Дамиан может говорить часами, а я, кажется, часами могу на него смотреть и слушать его голос. Главное, когда Дамиан замечает мой мечтательный взгляд, не смущаться и быстро придумать какой-нибудь не очень глупый вопрос. А то бедняга тут же тушует. Какой-то он дикий. Верю, что с друзьями у него тоже напряженка... Просто если сравнить его с теми мальчиками, с которыми я знаколюсь с папиной подачи... Хотя на их фоне тот же Вейл покажется святошей.

Из столовой мы перебираемся на балкон над садом. Уже почти совсем освоившийся Дамиан садится на перила рядом со мной и уже сам пытается задавать вопросы. Обо мне. Это что-то новенькое: еще никто и никогда не интересовался моей жизнью (папа и Роз не в счет).

Все становится еще сложнее, когда я вспоминаю, что отвечать полагается о Роз и не абы кому, а красивому мальчику, который тоже еще смущается (что очень мило), и его рука лежит рядом с моей на мраморных перилах. Стоит это понять, как мне тут же хочется ее коснуться, но я терплю.

И все становится только хуже, когда в процессе очередной байки про кого-то из моих школьных учителей, которых я представляю как наставников Роз, Дамиан — конечно, забывшись, — берет меня за руку, а я запинаюсь и смотрю на мою руку в его...

После долгой паузы Дамиан, вспыхнув, отпускает меня.

— Прости. Прости, пожалуйста. Я не... — он запинаясь и мучительно подыскивает слова. — Не...

Кажется, я тоже краснею. Горю так уж точно.

— Дамиан, погоди. — И тут золотой солнечный отсвет, лежавший до этого между нами на мраморных перилах, становится ярко-розовым. Я поднимаю голову и вижу...

Солнце садится!

Быстро спрыгиваю с перил.

— Дамиан, мне пора!

— Розалинда, постой, послушай, я не хотел тебя оби...

Да блин! Сейчас солнце сядет, я превращусь, и, во-первых, ложь про проклятие Розалинды пойдет прахом (потому что проклятье «днем-такая-ночью-другая» накладываю с рождения, а не после случайной встречи со стервозной колдуньей), а во-вторых, Дамиан поймет, что я ему врала, и, наконец, в-третьих, чары феи на нем мне на фиг не нужны! Пусть буду при нем лягушкой, это честнее! К тому же бедняга тогда вообще сгорит от смущения и, кто его знает, наверняка перестанет воспринимать меня как меня, и днем будет искать эту красавицу во мне, а не будет... Короче, срочно бежать!

— Дамиан, все нормально, я не обиделась, можешь брать меня за руку когда хочешь, — выпаливаю я ему в лицо. А за его спиной гаснет солнце... — Мне пора спать!

Я еле-еле успеваю выскочить в коридор, добежать до спальни и захлопнуть дверь, кажется, перед самым носом Дамиана. Ч-черт, говорила же Роз, вечно с мальчиками одни проблемы!

— Розалинда! — раздается из-за двери, и я на всякий случай прислоняюсь к ней спиной.

Солнце гаснет окончательно, золотая вспышка озаряет комнату... Кажется, Дамиан ее отсвет тоже замечает, потому что его голос теперь дрожит от волнения:

— Принцесса, с вами все в порядке?

Я зажимаю руками рот — отвечать нельзя, у меня даже голос после превращения меняется. Достаточно сильно, чтобы Дамиан понял, насколько я «в порядке».

Слава богу, меня спасает Габриэль. Он сначала о чем-то тихо говорит с Дамианом в коридоре, потом стучит и тут же открывает дверь. И закрывает, не давая больше никому войти. А то там, кажется, еще и моя камеристка подключилась.

— Все в порядке, принцесса?

Я делаю страшное лицо и жестом показываю: спаси меня, пожалуйста! Габриэль не может сдержать улыбку.

— Ложитесь спать, ваше высочество. Спокойных вам снов. — И уходит.

Наверное, он как-то объясняет всем взволнованным в коридоре, что со мной все хорошо и я никого не хочу видеть, потому что больше никто не стучится и скоро за дверью наступает тишина.

Я падаю на кровать и облегченно вздыхаю. Перед Дамианом завтра надо извиниться. Что-нибудь сокру. Ох, а как было приятно, когда он держал меня за руку. Никогда не думала... Ой, он же не решил, что я сбежала из-за него? Он, наверное, решил... Завтра нужно что-нибудь придумать. Срочно. И еще Ромион с этой его королевой... Надо и с ним что-то делать, он же просил помощи. Роз найти, срочно найти Роз...

Прав был папа, от сестры у меня одни неприятности.

Зато как жить интереснее становится!

Глава 6, в которой мне приносят клятву и я спасаю принца от смертельного заклинания

Следующим утром на рассвете я тихонечко, на цыпочках, пробираюсь по коридору в гостевые покои. Останавливаюсь перед комнатой Дамиана... Минут десять переминаюсь перед ней с ноги на ногу, то решаясь постучать, то в последний момент опуская руку. Дамиан, конечно, еще спит... И ему, конечно, не понравится, если я его разбужу... К тому же я не представляю, что ему сказать.

Мне просто страшно неловко и почему-то кажется, что если я не потороплюсь, Дамиан накрутит себя, вспомнит, что я принцесса, а он бастард, потом еще что-нибудь вспомнит, доведет это до абсолюта... И сбежит.

После этого нашу куцую дружбу можно будет считать законченной: он станет шарахаться от меня в школе, а я вряд ли найду в себе достаточно смелости, чтобы подойти, извиниться и рассказать ему правду.

Честно говоря, у меня и сейчас нет уверенности, что я стою не перед дверью в пустые комнаты. Он уже мог уехать. И я бы его даже поняла. Обиделась на него и себя, но поняла бы. Мальчик впечатлительный, самооценка в минусе, может, даже на свидания никогда не ходил, первый раз девушку за руку взял... И не от большой любви, нет, просто на безрыбье и лягушка красавица, я же все понимаю. Но мне-то что было делать? Превращаться при нем? Здравствуй, моя большая и чистая любовь, быстренько воспылай ко мне неземной страстью, целуй крепко, и тогда я, такая вот красавица, с тобой навеки останусь. Дескать, глянь на демоверсию своего «долго и счастливо».

За окнами коридора, в саду, просыпаются птицы. Из-за горизонта робко выглядывает первый солнечный луч. Сумрак тут же бледнеет, а небо окрашивается в сине-золотой. Какое-то время я замороженно наблюдаю (а ведь когда-то, в детстве, я ненавидела рассветы), потом последний раз делаю неубедительную попытку постучать... И иду в сад. Если Дамиан еще не сбежал, значит, он спит, а раз он спит, то до завтрака не проснется. Какой нормальный парень сбегает, не позавтракав?

Вот тогда-то я его и поймаю.

В саду приятно прохладно и сыро от росы. Иду куда глаза глядят,

пытаюсь сочинить извинительную речь — получается какой-то бред. А варианта ведь всего два: подставить сестру (которая уже подставила меня) и рассказать правду или вспомнить, что семья — «наше все», и держать рот на замке. Оба варианта меня не устраивают, а других, кажется, нет.

Свернув к ручью и незаметно для себя сойдя с дорожки, я проваливаюсь по колено в высокую траву. Роса вокруг сияет, как волшебные самоцветы — на синих колокольчиках, на белой кашке и желтой лимоннице. Мои штаны-шаровары тут же становятся по колено мокрыми — с травы вокруг себя я росу уже смахнула. Ну и ладно. Не холодно, а когда в дом вернусь, переоденусь.

Пробираюсь к ручью, старательно обходя крапиву. Колокольчики сменяют белые малютки-цветы с вязким запахом, напоминающим ваниль. Где-то среди деревьев заливаётся жаворонок, да так красиво, что я заслушиваюсь и поздно замечая у ручья, среди цветов, Дамиана.

Кажется, он спит — по крайней мере, глаза у него закрыты, и он лежит на спине расслабленно, а лицо у него такое мирное и спокойное... Как и в первый раз, я не могу отвести от него глаз. Сначала от лица, а потом от правой руки. Воспоминание, как мне было хорошо, щекуче-нежно (бабочки в животе?) и спокойно, когда он держал меня за руку, настойчиво лезет в голову и не дает поддаться первому порыву — незаметно развернуться и уйти.

Вместо этого я тихонечко подхожу к нему и ложусь рядом. Он спит и ничего не узнает. И неизвестно, вдруг это последний раз, когда я могу быть с ним рядом? Но даже если нет, когда-нибудь этот последний раз наступит — так хоть будет что вспомнить.

Закрыв глаза, я нахожу его руку. Почему это так приятно? Всего лишь держать его за руку...

И слушаю переливы жаворонка в унисон ручью. Так мирно и хорошо... Главное, не заснуть самой и уйти до того, как Дамиан проснется. Но эти пару минут можно же представить, что все отлично. Что я красива, что я лежу рядом с парнем, который сам предложил мне встречаться (а не папа постарался или я попросила). Что мы любим друг друга... Что в сказке (ведь мы же в сказке!) для лягушки, которая наконец-то встретила своего принца, может быть «долго и счастливо»...

Мечтай, лягушка, мечтай. Ты же прекрасно знаешь, что даже в сказках принцы клянутся в вечной любви принцессам, а не... Не.

В общем, хватит, пойду лучше в беседке посижу. А то еще расплачусь, потом с Дамианом объясниться не смогу. Он, конечно, все равно уедет — и сделает мне больно. Нельзя, никому нельзя позволять делать мне больно!

Зачем я вообще все это допустила? Раньше была одна и особо не жаловалась! От парней одни проблемы, говорила же мне сестра, а у нее опыта в этом больше...

Я открываю глаза и собираюсь убрать руку, но в этот момент Дамиан сам крепко сжимает мои пальцы. Я замираю, потом поворачиваю голову. Он проснулся?

Дамиан улыбается.

— Ты снишься мне?

— В кошмаре? — квакаю я в ответ, но, вместо того чтобы отшатнуться (можно с криком, подойдет для ситуации), Дамиан только шире улыбается.

— Точно, снишься.

Я со вздохом расслабляюсь. Еще пять минут передышки. Дамиан еще как следует не проснулся, ему наверняка привиделась кто-то вроде Роз, и если представить, что он на самом деле сжимает мою руку, а не воображаемой красавицы...

— Почему ты вчера убежала?

— Прости, это ты меня спрашиваешь? — осторожно уточняю я. — Или...

Он открывает глаза, переворачивается на бок, опираясь на локоть, но при этом все еще держит меня за руку.

— Тут есть кто-то еще?

Я моргаю и, наверное, краснею. Какой оттенок, интересно, дает бледно-зеленый с бледно-красным? Наверняка уродливый.

— Нет, я просто решила, что ты разговариваешь с... кто там тебе снится? Наверное, какая-нибудь красавица вроде моей сестры... — Ой!

— У тебя есть сестра? — хмурится Дамиан.

— Да-а-а, — мямлю я, — ты же знаешь, моя мама фея, а феи, они, ну...

Слава богу, эту тему дальше мы не развиваем. А то даже не знаю, как бы я объясняла на этот раз, почему друзья и конкретно Дамиан должны звать меня Виолой, а для остальных я Розалинда...

Дамиан коротко улыбается.

— Ясно. Так почему ты сбежала?

Я кусаю губу и молчу, пытаюсь собраться с мыслями. Мысли кричат, что экспромт и импровизация спасут мир, включая меня. И что лучше сказать правду, потому что тайное все равно станет явным.

Станет, не спорю. Но как-нибудь потом.

Дамиан тем временем вздыхает, и его улыбка становится грустной.

— На самом деле я знаю, принцесса. — «Принцессу» он так выделяет

голосом, что я отвлекаюсь от душевных метаний и понимаю: Дамиан снова подумал что-то не то. — Можешь не объяснять. Он бросает на меня быстрый взгляд и отпускает руку. — Я тебя смущаю. Конечно, смущаю... Не знаю, какой ты хотела дружбы, но все это получается слишком... двусмысленно... Я-то думал, что смогу держать себя в руках.

Боже мой, да что он несет?!

— А я не могу, — заключает Дамиан. — Поэтому мне лучше уехать. — И пытается встать.

Теперь уже я хватаю его за руку и заставляю сесть обратно.

— Я тебе уеду!

— Принцесса...

— Виола! Да выучи ты мое имя, наконец! Как, ну как в тебя влезает вся эта дребедень про брачные игры гоблинов с эльфами и классификация демонов по десятку категорий, но ты не можешь запомнить мое имя? Оно же простое. Как фиалка. Знаешь, такой фиолетовый цветок? Душистый. Маленький, — что-то я заговариваюсь. Это от злости. У меня тут душевные метания, а этот идиот уезжать собрался! — Ты все сказал?

Дамиан ошеломленно смотрит в ответ. Ладно, молчание — знак согласия, да?

— Короче, я ничего не поняла, но теперь ты слушаешь меня. В общем... — Я тоже сажусь и собираюсь с духом. Собираюсь с духом, собираюсь с духом, собираюсь... уф! — В общем, я дико комплексую по поводу того, что ты такой красивый, а я такая уродина. Понял?

Судя по его взгляду — не очень...

Ладно. Берем быка за рога, в смысле объясняем просто и доступно, чтобы даже до иномирных принцев дошло.

— Дамиан. — Я ловлю его взгляд. — Ты мне нравишься. Ты мне очень-очень нравишься.

— Я? — тихо повторяет он.

Дикий он и тупеет в моменты, когда я хочу, чтобы читал мои мысли и не пришлось бы все это говорить. И за что он мне нравится, а?

Меня так и подмывает сказать: «Уже нет», но я продолжаю. Волевое усилие...

— Да. Ты. Очень. Но я все-таки смотрю иногда в зеркало и понимаю, что с такой, — я указываю на свое лицо, — такой мне ловить нечего. И это грустно. Но ты не думай, я переживу. И еще не думай, что... Я научилась смотреть на тебя и не засматриваться. Я даже разговаривать с тобой и не глупеть научилась. Так что, как видишь, я обучаема. Но когда наши отношения переходят на новый уровень, мне нужно время, чтобы

освоиться и привыкнуть... В общем, подводя итог: я очень хочу остаться твоим другом, но если ты уедешь, моя гордость будет задета и я за тобой не побегу. Так что ты подумай: уезжать или нет. Вот.

М-да, какой-то куцый экспромт у меня получился. Импровизация... никогда не была моей сильной стороной. Очевидно, и сейчас не стала. Ну, зато я ему не солгала. И это... лучше же не лгать в отношениях? Папа всегда так говорит. Он моей маме тоже сказал: «Не можешь хранить мне верность — катись в свой мир на все четыре стороны». Правда? Правда. Мама сказала: «Отлично». И больше папа ее не видел. Тоже правда. А какая была любовь, какие страсти кипели...

— Ладно, — я встаю, смахиваю с туники росу. Бесполезно, я уже вся мокрая. — Ты пока думай, а я пошла завтракать.

Потому что даже душевные метания не должны перебивать аппетит. Сон и правильная еда — залог хорошего здоровья. Я давно решила, что если уж меня прокляли, то никаким болезням я шанса не дам — потому что это несправедливо, быть еще и больной вдобавок к проклятью. Правильно? Так что питаюсь я хорошо и сплю по возможности много. Вот.

Я успеваю повернуться и взглядом найти тропинку, которую протоптала, пока шла сюда, когда Дамиан тихо и как-то напряженно зовет:

— Виола.

Оборачиваюсь, а сама молюсь про себя: только не до завтрака, давай ты уйдешь после, а не до завтрака, иначе у меня кусок в горло не полезет! Лучше я пропущу сегодня обед (потому что буду в расстроенных чувствах). Но если еще и завтрак — то здоровому образу жизни можно только помахать на прощание. Так что давай ты сейчас просто помолчишь и... Просто молчи!

Но все это я говорю про себя, а вслух не получается — от волнения и... удивления. Дамиан ведет себя странно: он не встает, он как-то плавно, изящно становится на одно колено, преклоняет передо мной голову и так же напряженно начинает:

— Принцесса, я вручаю вам мою жизнь, мое волшебство и мой меч, — он на мгновение сбивается, наверное, понимает, что меча у него с собой сейчас нет. — Я клянусь защищать вас, оберегать вас и исполнять любой ваш приказ. Я клянусь быть с вами, пока вы не скажете мне уйти...

Угу. И в горе, и в радости... Что он делает?!

— Примете ли вы мою клятву? — Поднимает голову и смотрит на меня так, что я понимаю: если сейчас скажу «нет» или задам хоть один из сотни крутящихся в голове вопросов, он... очень обидится, в общем.

— Д-Да.

Дамиан с серьезным видом кивает, потом берет мою руку, целует. И встает, тоже отряхивая росу и травинки с коленей.

Я терпеливо (и правда терпеливо, потому что мне очень любопытно и даже немного страшно, а еще очень и очень приятно, и я не знаю, как все это во мне сочетается) дожидаясь, пока он выпрямится.

— А теперь объясняй, что это было. Доступно, пожалуйста. — Чтобы даже иномирянка поняла.

— Я поклялся вам в верности, — хмурится Дамиан, не глядя на меня.

— Еще доступней.

Дамиан поднимает на меня удивленный взгляд.

— Вы...

— Ты.

— Принцесса, я не могу, я вам поклялся, я должен обращаться к вам почтительно...

Сейчас я его убью!

— Ты это специально?! Что, мне без этого с тобой общаться было легко? Ты еще и... поклялся, теперь давай скажи, что будешь вести себя, как... как Габриэль? За что ты меня так не любишь?!

Дамиан потрясенно смотрит на меня. Моргает. Снова смотрит. И внезапно начинает смеяться:

— Виола... Ну... Ну какая разница, как ты выглядишь! — говорит он вдруг. — Главное же не это, главное — какая ты.

— А какая я?

— Ты самая потрясающая девушка на свете, — просто отвечает он, и, хоть комплимент получается, мягко говоря, банальный, я почему-то верю, что он имел в виду именно то, что сказал. Каждое слово. — Пусть ты ведешь себя... очень странно, — продолжает Дамиан. Ха, да кто бы говорил! Это он ведет себя странно. Постоянно. — Пусть ты отчего-то не знаешь и не понимаешь то, что для остальных очевидно... Я уверен, что такой, как ты, я никогда больше не встречу. Поэтому спасибо, что приняла мою клятву.

— И... что она означала? — осторожно интересуюсь я. Видимо, я должна это знать — Роз бы знала. Может, любая, которая родилась и выросла в этом мире, знала бы?

Дамиан улыбается.

— Она означает, что, когда ты выйдешь замуж за Ромиона, братцу придется терпеть меня рядом с тобой... Пока ты меня не отошлешь. А если вдруг случится чудо, и ваша помолвка будет расторгнута, и ты уедешь, я отправлюсь за тобой.

За мной — в мой мир? М-да, это я поспешила согласиться. Надо было ему сначала все рассказать! А теперь, я полагаю, уже поздно? Или нет?

А-а-а, мне срочно нужна Роз! Она бы объяснила все, что касается бастардов, их клятв, принцев и помолвок.

— Не бойся, принцесса, — Дамиан замечает мое замешательство. — Ты всегда можешь меня прогнать. И я пойму. Я и сейчас понимаю, что...

— Ох, да какая разница, какой у тебя титул и кто твои родители! — не выдерживаю я. — Дамиан, это такая глупость!

— Только для тебя, — спокойно замечает он.

Я машу рукой. Все, с меня хватит признаний.

— Пойдем завтракать. — И выбираюсь из зарослей. Полагаю, так же грациозно, как слон. Дамиан дурачок, хоть и милый, но я бы на его месте уже бежала от меня подальше. Что он будет делать, если я в него по-настоящему влюблюсь? В смысле и правда навсегда? Бедняге вряд ли понравится, если у него под боком постоянно будет лягушка, которая еще и ведет себя странно (он сам сказал только что). Хм, а получается, теперь он должен быть у меня под боком, он же поклялся... Интересно, нормально будет, если я спрошу о подробностях этой клятвы у Габриэля? Пока Роз где-то актерствует. Актриса, чтоб ее! Тут я играю — Большой театр отдыхает!

Что теперь делать-то?

— Виола? — подливает масла в огонь Дамиан. — Скажи, ты мне не лжешь?

Оборачиваюсь.

— Что?

— Просто... — Он прямо смотрит на меня. — Ты знай, что даже если... Даже если ты мне лжешь, ты все равно...

— Самая потрясающая девушка на свете? — улыбаюсь я.

Дамиан немного скованно кивает.

— Да.

— Ну тогда какая разница? — преувеличенно воодушевленно восклицаю я. — Пойдем, наконец, завтракать, я голодная как волк. Сейчас тебя съем.

Конечно же, мне приходится снова приложить массу усилий, чтобы Дамиан перестал вести себя как на светском рауте. Пусть ради этого он рассказывает мне массу всего бесполезного про праздник цветущего папоротника. Я даже про демонов готова повторно слушать. Просто мне действительно хорошо, когда он рядом. Может быть, я уже влюбилась? По-настоящему? Навсегда? Мне же становится горько, когда моя камеристка,

красавица хоть куда, вбегая в столовую, восклицает, глядя на меня: «Ах, какой ужас! Сейчас, госпожа, я вас причешу!» — а сама строит Дамиану глазки.

А Дамиан смотрит на меня — да-а-а, только на меня-а-а-а — и смеется. Потом говорит, что я забавные рожицы корчу. Специально для него я корчу еще. И тоже что-то рассказываю, что-то смешное, пусть только смотрит на меня, меня одну...

И такой прекрасный выходной совершенно невежливым образом разбивает сначала письмо из дворца, а затем и посланник от Ромиона.

Из дворца пишет будущая свекровь. «Зови меня мамой, дорогая!» Письмо задушевное во всех смыслах (потому что надушено оно тоже очень сильно, у меня даже в носу свербит) и написано в довольно неформальном стиле. Королева Изабелла приглашает меня на маленький семейный обед в честь праздника. Судя по тому, что похожее письмо получает и Дамиан, королева собирает всех близких родственников. И она тоже против предрассудков. Чему Дамиан почему-то совершенно не рад.

И если я мгновенно озадачиваюсь одним вопросом: что надеть? И, чуть позже, вторым: как себя вести? То Дамиан только кривится, будто проглотил лимон, вздыхает, смотрит на меня и кривится еще сильнее.

Неужели он тоже представил меня в праздничном платье Розалинды?

Кажется, нет: Дамиан просит подать воды, потом из кармана выгребает целую аптечку флакончиков и бутылков, быстренько что-то смешивает (вода вскипает) и протягивает мне.

Я задумчиво смотрю на газированную, исходящую паром, фиолетовую воду.

— Это такой изящный повод остаться дома?

— Дома мы точно не останемся, — уныло сообщает Дамиан. — Королева прикажет привезти нас, даже если мы будем лежать при смерти. Нет, Виола, это комплексное противоядие.

Как у них все серьезно.

— Да? А может, я его потом выпью, когда отравлюсь? — Мне очень не хочется это глотать. Оно даже пахнет отвратительно!

— Потом будет поздно, — Дамиан берет бокал и, не моргнув глазом, выпивает половину.

— И часто вы его пьете? — фыркаю я, пытаюсь оттянуть момент дегустации.

— Каждый раз, когда едем во дворец, — обнадеживает Дамиан. — И это только комплексное противоядие. Например, Ромион уже наверняка выпил не только комплексное, но и с десятков дополнительных — на всякий

случай.

Или у них паранойя, или мачеха-королева нереально злая. Меня-то ей зачем травить?

Пью зелье. Со второго раза мне даже удастся его проглотить. Если козленочком не стану, то это будет большим чудом!

Ромион с посланником передает сообщение, что через полчаса он подъедет к моему дому и мы вместе прибудем во дворец. По-семейному.

— У твоего брата странное чувство юмора, — читая это «по-семейному», говорю я.

— Это не чувство юмора, это банальная необходимость, — объясняет Дамиан. — При нас, а особенно при тебе, королева его убить не посмеет, один же он рискует случайно заблудиться во дворце, набрести на маленькую комнатку с большой корзиной яблок и одним из этих яблок отравиться. По крайней мере, в прошлом году, когда ее величество устраивала похожий обед, так почти и случилось. К сожалению, в ту же комнатку — тоже совершенно случайно — забрел и я. И у меня совершенно случайно оказалось противоядие.

— У вас... очень странная семья, — только и могу сказать я в ответ.

Дамиан усмехается.

— Не то слово.

Ровно через полчаса к парадному входу подъезжает карета. Ромион меня поприветствовать не выходит (хотя должен — по правилам этикета). А когда Дамиан галантно подает мне руку и помогает забраться внутрь, принц смотрит на нас так красноречиво неодобряюще, что хочется показать ему язык. Но я замечаю, какой он, бедняга, бледный (после десяти-то дополнительных противоядий), и просто молча сажусь напротив. Рядом, тоже молча, устраивается Дамиан.

Потом карета трогается, и братья очень старательно начинают не смотреть друг на друга. Это забавно, потому что если Дамиан еще может бросить взгляд в моем направлении, то есть в окно, то Ромион пытается не смотреть и на меня. Так что глаза ему, бедняге, деть некуда.

— Может, мне кто-нибудь подробнее расскажет про эту вашу сумасшедшую мачеху? — не выдерживаю я. — Что от нее ждать-то?

Дамиан молчит — наверное, соблюдает субординацию, — поэтому после короткой паузы отвечает мне Ромион.

— Она не сумасшедшая. Она опасно помешанная. А ждать, — он делает мрачную паузу, — смерти. Надеюсь, ты додумался дать ей противоядие? — ядовито интересуется он у Дамиана.

— Конечно, — так же ядовито отзывается тот.

— Замечательно.

И снова убийственная тишина.

— Мальчики, ну объясните мне, глупой, что она может сделать? — уже не надеясь на нормальный ответ, все-таки прошу я. — Это же обычный семейный обед.

— Угу, — тут же отзывается Ромион, у которого сегодня меланхоличное настроение. — А мы совершенно обычная семья. Ты, радость моя, только не удивляйся, если королева тебе своего сына посватает.

— Радость? — выдыхаю я. — Сына?

— Это я тренируюсь, — с видом мученика перед смертью объясняет Ромион. — Я же должен показать, что безумно хочу стать твоим мужем. А насчет моего *второго* брата — не волнуйся, он замечательный мальчик... трех лет. Но ты его сразу же полюбишь, страстно и надолго. Королева удивительно хорошо готовит приворотные зелья.

Я выглядываю из окна, машинально продумывая: если выпрыгну из кареты, сильно ли расшибусь, и оно того стоит?

— Прекрати, Ромион, — подает наконец голос Дамиан. — Ты ее пугаешь. Виола, не бойся, тебе совершенно ничего не угрожает. В моем комплексном противоядии было средство от приворотного зелья.

— Виола? — переспрашивает Ромион, впервые выказывая хоть какое-то чувство кроме презрения и недовольства.

— Для тебя — Розалинда, — тут же отзываюсь я, и разговор замирает — как раз до дворца.

Дворец, кстати, как дворец — ничего особенного. У Розалинды такой же. Тоже лебеди с павлинами, мраморные лестницы, стража навытяжку и флаги реют на ветру. Правда, здесь они синие, а не розовые.

Ромион преображается, стоит ему выйти из кареты. Роз, у тебя большая конкуренция на актерском поприще. Во-первых, я. Но я и в подметки не гожусь сиернскому принцу. Он мне так искренне улыбается, что я начинаю верить в его громадные ко мне любовь и уважение.

Мы идем под руку мимо строя слуг и придворных... Помните, есть во втором «Шреке» такая сцена, где молодые приезжают знакомиться с родителями? Они выходят из кареты, тоже под руку, а двор видит двух огров (в моем случае — одну лягушку и худенького, тоненького принца), и наступает смертельная, изумленная тишина. По законам жанра где-то в этой тишине плачет ребенок (у нас это кот; он застрял среди ветвей подъездной аллеи и орет на одной ноге).

Ромион радостно улыбается. Дамиан с Габриэлем идут позади, а я

озираюсь, ловлю недоуменные и даже возмущенные взгляды и ищу среди всего этого разнообразия шелков, бархата и драгоценностей королеву. Она должна быть в короне, да?

— Улыбайся, — сквозь зубы шипит мне Ромион.

— Милый, — спокойно отвечаю я, — если я улыбнусь, здесь половина дам упадет в обморок. Так что давай ты будешь улыбаться за двоих?

И Ромион улыбается. Мы медленно взбираемся по мраморной лестнице, застеленной красным ковром. Попутно я слышу, как кто-то из дам обсуждает мой наряд. Штаны?! В ромашку? О, бедный принц!

Бедный принц напряженно улыбается и заводит меня в холл, блестящий доспехами у каждой из шести дверей. Мы идем к третьей слева, и мне безумно хочется поднять забрало у ближайшего рыцаря. Интересно, доспехи пустые?

— Розалинда, умоляю! Сделай вид, что ты счастлива! — шепотом просит Ромион, когда мы оказываемся на красивой веранде, увитой гирляндами цветов и с круглым столом посредине. На столе сверкает стеклянным бочком кувшин с пурпурным соком и поблескивают четыре фарфоровые чашечки.

— А я уже. В смысле счастлива, — откликаюсь я, подмигивая правому доспеху у входа.

На мгновение у Ромиона становится такой вид, будто он уже взошел на эшафот. Но потом принц снова принимается усиленно улыбаться, а я слышу:

— О, вы уже приехали? Прекрасно, я как раз приготовила мой фирменный яблочный пирог. Твой любимый, Ромион, дорогой!

Дорогой Ромион нервно сглатывает.

А я смотрю на королеву... Нормальная. В смысле, если послушать Ромиона с Дамианом, это должно быть что-то вроде Малефисенты и королевы из «Белоснежки» в одном лице (хотя лица у них и так, кажется, одинаковые). То есть высокая, надменная и злая каждой черточкой ведьма. Королева Изабелла совсем не такая. Она маленькая, то есть миниатюрная — ростом с меня, если не ниже. И очень красивая. Не как Роз, не слащаво. А как... море на рассвете. Море же свободное и тоже опасное. И королева Изабелла такая же: в ней ни надменности, ни высокомерия. И нет презрения, когда она смотрит на меня. Только любопытство. Да, она красива: черные (не темные, а именно черные) волосы до пола, зеленые глаза, длинные ресницы и изящные, точеные черты лица. Тоненькая фигурка девочки — а она ведь старше меня? А кажется ровесницей. И да, взгляд... Любопытство, помноженное на сочувствие. Потаенное сочувствие

— она тоже знает, что я не люблю показной жалости («Ах, девочка, как же тебя угораздило такой родиться?»). Она словно читает меня — легко и непринужденно, и это нормально. Это совершенно нормально — я в недоумении, почему Ромион улыбается ей фальшиво, а руку мою сжимает так крепко. А когда мы садимся и я первая тянусь за пирогом, шепчет: «Не ешь!»

Ромион — дурак, он ничего не понимает. Но Дамиан, он-то почему убирает мое блюдо? И почему оба брата смотрят на королеву, как на опасное насекомое? Она же такая милая, такая красивая и очаровательная, такая... родная.

Мне представляют маленького Томми. Малыш похож на мать, тоже безумно милый и красивый. Когда вырастет, будет ярким сердцеедом. Я смеюсь вместе с ним и уже начинаю тосковать, когда он уходит... А тоску надо запивать, так папа говорит. Королева смеется и подливает мне сока, от которого хочется спать и голова становится пустой, как после третьей рюмки ликера. Я обмякаю в кресле — был бы салат, наверное, упала бы в него лицом. И пытаюсь заснуть. Все хорошо. Все так хорошо, как и должно быть.

И смех прекрасной королевы...

Тем временем семейный обед продолжается. Смеющаяся королева интересуется у Ромиона, нравится ли ему невеста. Ромион заверяет мачеху: нравится, он влюблен, буквально с первого взгляда. «Что же ты ее не поцелуешь?» — смеется королева. Ромион бледнеет и говорит, что не смеет: до свадьбы — ни-ни.

У Дамиана спрашивают, как там демоны? Тут же выясняется, что королева знает про анималия, который Дамиана чуть не съел. Ах, какой кошмар, какой ужас...

Я пьяно улыбаюсь. Жалостливая королева...

Потом ее величество изволит поделиться своими мыслями по поводу летнего фестиваля. Ну, разумеется, бал. Что еще? Турнир? Да, пожалуй. Розалинда, ты любишь турниры?

Я хочу сказать, что не люблю и не умею пряхсть и у меня нет ленты для Дамиана, то есть Ромиона, то есть... Но я могу только, улыбаясь, кивнуть. Да, все-все, лишь бы королева смеялась.

Она и смеется.

Потом вслух думает, что еще можно было бы провести во время праздника? Может быть...

Ромион довольно тихо вспоминает, что раньше во время цветочного фестиваля проводили конкурсы красоты. Восхищались женщинами, а

особенно самой красивой из них, которую сами же и выбирали...

После этого за столом наступает затишье — только я смеюсь. Какой смешной обычай, какой смешной праздник, какое все смешное!

— Зачем выбирать первую красавицу? — изгибает бровь королева, глядя на Ромиона. — Разве не очевидно, что нет никого краше меня?

И снова тишина. Только я хихикаю. Ой, ну это же так смешно! Особенно когда Дамиан вдруг бросает на Ромиона предостерегающий взгляд, а принц витиевато рассказывает, что королева, конечно, красива, но обычай...

На какое-то малюсенькое мгновение черты королевы так искажаются от злости, что теряют всю красоту. Я вздрагиваю, но мгновение проходит, и все снова мило, смешно и замечательно.

Улыбаясь, королева щелкает пальцами, и перед ней возникает зеркало, наверное, волшебное, потому что не может же оно просто так висеть... И светиться... И говорить...

Королева, поглядывая на Ромиона, интересуется, она ли всех краше на этой земле?

«Ой, пародия на „Белоснежку“!» — улыбаюсь я, но ничего не говорю. Я не могу говорить, только улыбаться и тихо посмеиваться...

Зеркало мигает. И тут же сообщает, что да, королева хороша собой, но другая затмила ее красотой. Королева меняется в лице — паника и ужас. И с паникой и ужасом в голосе она спрашивает, кто эта другая?

И зеркало показывает. Меня.

Причем меня днем — что намного смешнее, чем покажи оно меня ночью. Безумно «прекрасная» лягушка вращается вместе с зеркалом и улыбается — тоже безумно «прекрасно».

Я смеюсь. И не понимаю, почему не смеются остальные? Почему Ромион так вцепился в подлокотники. Почему Дамиан стоит рядом с таким видом, будто меня надо защищать? Кстати, а где Габриэль?

— Сломалось, — спустя паузу говорит королева. И ловит падающее зеркало. — Точно, сломалось.

И в доказательство грохает его об пол.

Я пытаюсь сказать ей, что бить зеркала — к неудаче, но получается один только смех.

— Ну никто же не назовет ее красивой! — беспомощно восклицает королева, глядя на меня.

Я киваю. Нет, никто. Я, дневная, красива? Да это же смешно!

Ромион делает попытку уйти. Дескать, спасибо вам за обед, пирог очень вкусный (вкусный? Он же ни кусочка не попробовал — а зря!), но

что-то мы засиделись, не пора ли нам...

Королева поворачивается к нему, и всю ее напускную беззаботность будто рукой снимает. Особенно когда Ромион серьезно говорит, что раз мы с ним (мы с ним?) так любим друг друга (любим?!), то почему бы не сыграть свадьбу пораньше? Например, завтра.

Королева снова улыбается, но совсем не радостно.

— Завтра? Не успеешь! — и вдруг бросает на стол какую-то не то подвеску, не то склянку. Не знаю, да и неважно — оно тут же разбивается, и в комнате наступает не просто гнетущая тишина... Это мрак, только почему-то невидимый. Как будто бывает невидимый мрак! Но, очевидно, бывает, потому что он крадется к бледному, сжавшемуся Ромиону — не тень, не туман. Просто ощущение. Зато очень яркое: опасность, зло.

А королева вдруг встает, разводит руки и торжественно объявляет, что когда Ромиону минет семнадцать, он уколёт руку веретеном и навсегда заснет мертвым сном.

Проклятие окутывает принца, Ромион в отчаянии закрывает глаза, тут же открывает и пусто, как смертник, смотрит на счастливую королеву, которая смеется: не бывать тебе королем!

Мне тоже смешно: не так же в «Спящей красавице» все было! И заснуть должна принцесса, а не принц. И не навсегда, а...

— Пока не разбудит тебя поцелуй настоящей любви! — вырывается у меня, и королева замирает с улыбкой на губах, а нити проклятья гнутся и окрашиваются в розовый — под цвет любви. И уже нет гнетущего ощущения смерти, потому что сон — это же совсем не смерть...

— Фея! — выдыхает вдруг королева, и ее руки дрожат. — Звезды, фея!

А Ромион поднимает голову, и на мгновение в его глазах такая благодарность, как будто я его от смерти спасла, как минимум.

— Я не фея, — улыбаюсь я королеве. — Это моя мама — фея, а я человек...

Но королева безутешна.

— Я так долго готовила это проклятие! Как ты могла все испортить?! — обиженно кричит она, ломая руки.

— Простите, — покаянно говорю я.

А потом как-то вдруг оказываюсь на руках у Дамиана и вовсе не на веранде, а в коридоре. И Ромион шагает рядом... Где Габриэль?

Потом стучат колеса... Мы в карете, и недовольный — вечно чем-то недовольный! — Ромион кого-то отчитывает:

— ...Наелась отравленного пирога, напилась мачехино сока! Ты что, не рассказал ей про знаменитые королевины яблочки, которыми она уже

отравила всех красавиц в королевстве?

— Прекрати на нее кричать! — тоже зло отзывается Дамиан. — Она тебе жизнь только что спасла!

Да? Когда?

— Какая ей разница, ты только посмотри на нее, — но голос принца смягчается. — Что ты смешал в своем противоядии? Сонницу?

Дамиан что-то бурчит в ответ. Ромион хмыкает.

— А объясни-ка мне, братец, почему вся столица в курсе, что ты с моей невестой провел ночь?

Чего?!

— У тебя всегда были странные вкусы, — продолжает Ромион. — Но, допустим, ты разглядел в ней золотое сердце. Но почему в ее доме? Не мог тихо и незаметно, чтобы без разговоров и грязных слухов?

Возня, вспышка — я с трудом поворачиваю голову. Дамиан сидит рядом, сжимая кулаки.

— Если ты и дальше будешь говорить о ней в таком тоне, я выкину тебя из кареты, братец, и твои амулеты меня не остановят!

Какое-то время братья сверлят друг друга взглядами. Потом Ромион почти миролюбиво говорит:

— Ты всегда у меня все забирал, но в этот раз, Дами, ты замахнулся. У тебя сердце есть? Вскружил девочке голову — что ты ей наплел? Что жить без нее не можешь? Что она прекрасна? А что потом? Она же все равно станет моей королевой.

— Это если ты не заснешь навсегда. Мертвым сном, — добавляет Дамиан таким тоном, что ясно: он очень надеется, что Ромион заснет. Навсегда. Мертвым сном.

Ромион в ответ смотрит на меня.

— Тебе ее не жаль? Хотя бы чуть-чуть?

— Ты идиот, Роми, — дрожащим от злости голосом сообщает ему Дамиан. — Я всегда у тебя все забираю? Это ты заберешь единственную девушку, которая во мне человека увидела!

Ромион громко фыркает.

— Ну-ну, братец, при мне-то представление зачем устраивать? А она, — он бросает на меня короткий взгляд, — все равно все забудет.

Дамиан аккуратно обнимает меня и усаживает удобнее. Я кладу голову ему на плечо и пытаюсь играть его золотистыми кудрями. Дамиан позволяет. Ромион смотрит на все это с такой иронией, что мне тоже снова делается смешно.

— Ну ты скажи еще, что любишь ее.

— Да, люблю! — и с такой неподдельной искренностью это звучит, что я не выдерживаю и покатываюсь со смеху. Он? Меня? Какая смешная шутка!

И мне невдомек, почему Дамиан, обнимая меня, прячет взгляд, и в этом взгляде — боль. И почему Ромион неожиданно смотрит на нас с таким удивлением. И грустью.

Глава 7, в которой я сбегаяю с бала и узнаю своего жениха с неожиданной стороны

Следующим утром я долго и не очень успешно пытаюсь сначала проснуться, потом встать и при этом не выглядеть как лягушка с похмелья. Моя камеристка, которая должна помогать, все только усложняет. Она крутится вокруг меня, как пропеллер, и то и дело восклицает что-то о каких-то принцах. Какие принцы — мне плохо!

— Выпейте, ваше высочество, — когда я в очередной раз спотыкаюсь на ровном месте в попытке дойти до ванной, говорит Габриэль и протягивает мне бокал с чем-то зеленым и дурно пахнущим. Меня чудом не выворачивает от одного только вида этого зелья, но пить хочется безумно, и я пью.

— Габри... что вчера было? — Я помню красивую королеву. И безумно вкусный яблочный пирог. Все.

— Вы отравились, ваше высочество, — невозмутимо отвечает Габриэль, глядя, как я залезаю в ванну прямо в сорочке. Вода! М-м-м! — И, кажется, умерли. Но я не уверен.

— Серьезно? — Я вытягиваю руку и внимательно осматриваю каждую перепонку. — То есть я уже зомби?

— Ваше высочество?

— Габриэль, я не чувствую себя восставшим мертвецом. Скажи, это ты так пошутил?

Рыцарь пару мгновений молчит. Все это время я пытаюсь утопиться в ванне, но когда ты лягушка, это сложно.

— Да, ваше высочество. Но с вашей стороны было неосмотрительно есть столько яблочного пирога. Видите ли, все яблоки королевства поставляет на рынок ее величество...

Через пять минут я узнаю, что крупнейший яблочный монополист Сиерны — королева Изабелла помешана на своей красоте и, когда взошла на престол, на всякий случай радушно накормила своими яблоками всех красавиц королевства, которые могли составить ей конкуренцию. А когда красавицы кончились, а яблоки еще нет, королева стала угощать ими всех, кто ей хоть чем-то не угодил — от нерадивых слуг до отставных фаворитов. В Сиерне даже выражение появилось: «Получи яблочко на

обед». Синоним скоропостижной смерти.

— Поэтому яблоки здесь никто уже три года старается не есть, — заключает Габриэль. — И я не шучу, ваше высочество. Вчера принц, ваш жених, когда привез вас без сознания, до самого вечера колдовал над вами, чтобы вы не заснули навсегда.

«Мертвым сном»... Что-то мне это напоминает. Не вспомню только что...

— Габриэль, надеюсь, он не увидел меня после... заката, — говорю я, а у самой внутри все переворачивается. Потому что наверняка увидел — и мне что, опять мучительно импровизировать? А Дамиан...

— Нет, ваше высочество, — прерывает мои мучения Габриэль. — До заката он успел закончить. И оставил вас, чтобы вы могли спокойно выспаться и восстановить силы.

Какой у меня жених благородный, прямо настоящий принц!

— То есть он не видел, как я превращаюсь? — на всякий случай уточняю я.

— Нет, ваше высочество.

Я медленно выдыхаю. Габриэль смотрит на меня с обычной невозмутимостью, но сквозь нее проглядывает нечто...

— Что?

— Ничего, принцесса. Ваш жених и его брат ждут вас внизу через полчаса, за завтраком.

На завтрак — так будет правильнее. Представляю, как между этими двумя — Ромионом и Дамианом — сейчас искрит. Наверняка они вдвоем меня привезли и спасали, а если еще и вынуждены были провести ночь в моем доме — под одной крышей, — странно, что дом еще цел...

— И вам лучше поторопиться, ваше высочество, — как будто читает мои мысли Габриэль, — потому что если ночью, пока вы спали, я еще смог убедить Дамиана не рисовать магическую схему у комнаты, где отдыхал его брат, то, насколько я знаю, его высочество все равно проснулся сегодня утром в центре пентаграммы в окружении свечей. Хорошо, что Дамиан не успел вызвать демона...

— Так это они тут все утро так шумели? — Я вспоминаю странный гул, под который пару раз проснулась на рассвете, и мне становится смешно.

— Да, ваше высочество, — серьезно кивает Габриэль. — Поэтому, если вы не поторопитесь, ваш новый друг принесет от скуки за завтраком в жертву, например, гуся вместо принца. А его высочество уже приказал привезти из его дома скрипку, — звучит это как «его высочество уже

вызвал из дома свою атомную бомбу».

— Ясно. Спасибо, Габриэль. За все. Я поспешу.

Рыцарь уходит, его сменяет камеристка, а я думаю, что да, конечно, утром после неудачной попытки умереть я только и мечтаю о том, чтобы разводить по разным углам дома двух ненавидящих друг друга братьев.

Ну хоть спасли и дом еще цел — надо отдать им должное...

Что же вчера было? Что-то, что важно вспомнить: я пытаюсь, но в голове как будто вязкая каша из мыслей. Ни на чем сосредоточиться не получается. Хотя уже не ломит виски и туман перед глазами исчез — спасибо зелью Габриэля.

В столовой действительно разворачивается камерная холодная война. Дамиан и Ромион сидят друг напротив друга, старательно смотрят в разные стороны — при этом оба как бы невзначай сжимают ручки столовых ножей. Подвеска-капелька на Дамиане мерцает, кажется, в такт его дыханию. Точно так же мерцает камень в перстне на левой руке Ромиона.

Я начинаю понимать королеву, которая мудро обзавелась отравленными яблоками, потому что красивой маленькой женщине с ребенком наверняка было непросто после смерти мужа, если даже братья в этой семье готовы друг друга убить.

Ну что ж, меня же они не убьют? Да?

— Доброе утро! — преувеличенно радостно восклицаю я, подходя к столу.

Дамиан с Ромионом на мгновение встречаются взглядами, намекая, что утро для них совершенно не доброе, потом поворачиваются ко мне, встают и улыбаются так остервенело, что мне хочется спрятаться за спину идущего позади Габриэля.

Дамиан галантно отодвигает для меня стул — рядом с собой. Но не успеваю я сесть, как Ромион подхватывает меня под руку и ведет к своей стороне стола.

— Розалинда, радость моя, ты прелестно выглядишь! Как ты себя чувствуешь? Надеюсь, хорошо выспалась? — И тоже отодвигает стул, а потом и задвигает — мне под ноги, так, что я непроизвольно падаю на бархатное сиденье.

Дамиан бешено смотрит на нас, и стоит мне потянуться к бокалу, как скатерть на этом месте начинает дымиться. Ахнув, я быстро убираю руку, а Ромион поводит рукой — дым тут же исчезает, и принц укоризненно говорит:

— Дамиан, где твои манеры? Ты пугаешь мою невесту.

— Ну так вызови меня на дуэль, братец! — шипит в ответ Дамиан.

— Не могу, — притворно вздыхает Ромион. — Розалинда расстроится, если я тебя ненароком убью. Радость моя, ты же не хочешь терять своего рыцаря?

— Что?!

— Любовь моя, — торопливо продолжает Ромион словно ни в чем не бывало, — какой десерт ты предпочитаешь в это время суток? И ты до сих пор не ответила, как ты себя чувствуешь? Я так волновался, всю ночь, — он выразительно смотрит на Дамиана, — не спал.

Дамиан смотрит в ответ — да, искрит между ними будь здоров! Я вжимаюсь в спинку стула и, как воришка, осторожно подтягиваю к себе фруктовый рулет — испуг срочно надо зажевать. По крайней мере, пока эти двое не подрались и я не осталась без завтрака.

В полной тишине блюдо с рулетом ползет по столу — и Дамиан с Ромионом одновременно переводят взгляды на него... И бросаются к нему тоже одновременно.

— Виола...

— Радость моя...

— ... Позволь за тобой...

— ...Поухаживать!

Я вовремя отшатываюсь вместе со стулом, потому что рулет взрывается. Ярко вспыхивает, а потом от него остается только горстка пепла на обугленном блюде.

Мгновение тишины после этого Дамиан с Ромионом опять пытаются испепелить друг друга взглядами, а я смотрю на остатки, точнее, останки рулета и понимаю, что если кого они сейчас и испепелят, то этим «кем-то» точно буду я.

— Виола...

— Любовь моя...

— Бздынь! — Это я с силой хлопаю рукой по столу, и посуда на нем подпрыгивает.

Тут же наступает блаженная тишина, а оба брата наконец-то сосредоточивают все свое внимание на мне.

— Или вы сейчас же прекращаете, — я перевожу взгляд с одного на другого, надеюсь, достаточно красноречиво, — или я выгоню вас обоих вон из моего дома. Взрывайте потом что хотите — только без меня.

— Виола...

— Розалинда...

— Габриэль!

— Да, ваше высочество?

— Еще одно слово — и я прошу тебя, проводи моих одноклассников к выходу. Желательно по очереди, а то они все-таки успеют взорвать мне дом.

— Как скажете, ваше высочество.

Теперь оба брата краснеют. Дамиан покаянно ловит мой взгляд, Ромион, наоборот, отворачивается и принимается преувеличенно усердно ковырять ножом в своей тарелке. Потом спохватывается, кладет нож и берется за десертную ложечку.

— Не хочу показаться невежливой, — пару минут спустя прерываю сконфуженную тишину я, — но, Ромион, чему я обязана твоим присутствием? Не помню, чтобы я тебя приглашала.

Дамиан бросает на брата победный взгляд.

— Действительно, Ромион, мне кажется, ты уже достаточно злоупотребил гостеприимством принцессы...

— И между прочим, Дамиан, — светским тоном перебиваю я, — может, ты тоже пока подумаешь, что будешь говорить мне, когда я — ну вдруг? — спрошу тебя, что за симпатичная пентаграмма нарисована на пороге моей гостиной? Я чуть ногу не сломала о ее свечи. Хорошо хоть, они не горели...

Дамиан краснеет. Ромион фыркает, пытаюсь скрыть смех, и я поворачиваюсь к нему:

— Так какова цель вашего визита, дорогой жених?

— Розалинда, — смеется он, — ты очень забавна, когда пытаешься говорить официально!

— Я стану еще забавней, когда в ответ на твое «любовь моя», вылью тебе на голову этот прекрасный морковный сок.

Ромион изгибает бровь: мол, да ладно тебе, невестушка, знаем мы твои угрозы.

— Мне будет жаль сока, — добавляю я. — Но я переживу.

— Я вижу, ты действительно в порядке, лю... Розалинда, — отвечает Ромион, и мы улыбаемся друг другу очень нежно и с намеком. — Но я же должен был убедиться, что с тобой все хорошо.

— Убедился? — сквозь зубы интересуюсь я. — Что-нибудь еще?

— Королева устраивает бал сегодня вечером.

— Сегодня? — насколько я знаю, на подготовку к балу обычно нужно время, и куда больше одного дня. — Почему сегодня?

Принц пожимает плечами.

— Ее величество так пожелала. И, — он смотрит на меня, — я решил убедиться, что у тебя есть подходящее платье, потому что Дамиан обмолвился, что ты даже не знала о фестивале. Неужели у вас его не

празднуют?

У «нас» не празднуют, но я не хочу вдаваться в подробности.

— Платья нет — можно я никуда не пойду?

— Я так и думал, — кивает Ромион. — Поэтому после завтрака я повезу тебя к моему портному. Никто не успеет быстрее приготовить тебе наряд, а на балу ты быть должна: наш танец его открывает. Ты все-таки моя невеста, Розалинда, хочешь ты этого или нет.

— Ясно. — Чудесно, вечер испорчен. Пойдите, бал — он же за полночь? То есть солнце гарантированно успеет сесть... Что мне делать? Сбежать? Как Золушке, роняя обувь?

Дамиан пытается поймать мой взгляд и ободряюще улыбается.

— Ты танцевать-то хоть умеешь? — неожиданно интересуется Ромион.

— А как ты думаешь? — Кажется, эти двое решили окончательно испортить мне утро.

— Я научу! — тут же вызывается Дамиан, а Ромион, не обращая на него внимания, вздыхает:

— Я так и думал. Один танец ты как-нибудь переживешь, но после портного я отвезу тебя к маэстро...

— Умею, — ледяным тоном прерываю я. — Я умею танцевать.

Ромион отводит взгляд.

— Извини, — и тут же добавляет: — Просто по тебе не скажешь.

— Да?

— Да. Ты пирожное ешь ложкой. ^[5]

Я смотрю в свою тарелку и целую минуту борюсь с сильным желанием запустить несчастным пирожным в жениха. К сожалению, это только докажет, что манеры у меня отсутствуют.

Остаток завтрака проходит в тягостном молчании. Дамиан снова замыкается в себе, Ромион продолжает вести себя как высокомерный принц, вынужденный жениться на простушке без манер и приличий. Габриэль, как обычно, сливается с мебелью.

День, конечно, тоже испорчен.

Ромион действительно отвозит меня к своему портному, который совершенно случайно оказывается лучшим и самым дорогим портным королевства. А еще он паук. То есть настоящий громадный — с меня ростом — паук. И почему-то все вокруг удивляются, зачем я визжу и пытаюсь залезть на стенку, когда это чудовище подползает снимать с меня мерки.

— Розалинда, ты ведешь себя невежливо! — вздыхает Ромион. — Мэтр, прошу простить мою невесту.

Я прячусь за спиной Дамиана — ну хоть кто-то пришел мне на помощь! Впрочем, Дамиан тоже недоумевает:

— Виола, тебе действительно нечего бояться...

А я и не боюсь, мне просто противно, но как объяснить двум братьям (а заодно и десятку подмастерьев), что в моем мире пауки не вымахивают ростом в полтора метра и уж тем более не лезут своими мохнатыми лапами меня трогать.

Измеряет меня в итоге целая армия подмастерьев, а потом они долго спорят насчет фасона, ткани и украшений. Не знаю, чего они хотят: мне, дневной, не идут платья. Совершенно, независимо от фасона. И ткани с украшениями не помогут.

Все это время Ромион с Дамианом сидят в зале на диванчиках у камина — подальше друг от друга. Но, конечно, все равно успевают поцапаться.

— Ты тоже получил приглашение? — холодно интересуется Ромион. Мне из-за ширмы не видно, но, наверное, Дамиан кивает, потому что принц говорит: — Сделай милость, брат, избавь нас от своего общества хотя бы на этот вечер.

Дамиан что-то отвечает, но слишком тихо, чтобы я услышала. Да и незачем: наверняка угрозы.

Но почему-то Ромион только вздыхает и серьезно просит:

— Дамиан, если она тебе действительно так дорога, ты вспомнишь, что на ее репутации и так пробы ставить негде. В Сиерне интрижку с бастардом ей не простят. Ты хочешь ей этого? Розалинде здесь жить — не со мной, так невестой юного Томми. Королева выгодный договор так просто не упустит. Ты хочешь, чтобы она стала изгоем, как и ты?

— Ваше высочество, пожалуйста, стойте спокойнее, — просит кто-то из хлопочущих вокруг меня подмастерьев, когда я пытаюсь выглянуть из-за ширмы. Эти двое сейчас договорятся!

— Пожалуйста, ваше высочество, — повторяет подмастерье и в качестве убеждения колет меня иголкой.

— Если не хочешь, — говорит между тем Ромион, — тогда уйди прямо сейчас. Ты поклялся ее защищать — хорошо, ей понадобится защита, особенно после моего семнадцатилетия. Но тебе необязательно для этого всегда быть рядом. Соблюдай приличия, брат. Она принцесса. А ты...

Если Дамиан что-то и отвечает, то я не слышу. Но Ромион говорит:

— Конечно, не прощаясь. Сама она тебя не отпустит, ты же знаешь. Не заставляй девушку решать за тебя.

Я запутываюсь в юбках, нитках и кружевах. Увы, слишком сильно, так

что когда Ромион добавляет: «Уходи» — и дверь за Дамианом закрывается, я только это и успеваю увидеть, выглянув из-за ширмы, — закрытую дверь.

— Вы уже закончили? — встает мне навстречу Ромион.

Подмастерья ему что-то отвечают, но я ловлю взгляд принца и перебиваю их:

— Что ты наделал?!

— То, что должен был, — спокойно отвечает он и жестом просит подмастерьев заменить ткань верхней юбки с атласа на шелк. А стражники, приехавшие вместе с нами, словно невзначай придвигаются к закрытой двери, когда я бросаю на нее отчаянный взгляд.

— Не беспокойся, Розалинда. — Ромион невозмутимо наблюдает, как меня снова обвешивают лентами и кружевами, — ты увидишь моего брата сегодня вечером. Только, прошу тебя, будь осмотрительней. Не для меня — для себя. В Сиерне фаворитов и любовников не выставляют напоказ.

Я перевожу взгляд на него... И не будь я опутана тканью и нитями да окружена подмастерьями, я бы придушила его, наверное, измерительной лентой.

— Дамиан — мой друг, а не любовник. И если ты еще раз вмешаешься — я найду, как отравить тебе жизнь.

Ромион смотрит на меня — пустым, скучным взглядом.

— Не успеешь, Розалинда. Через десять дней мой день рождения — и если я правильно понял, мне предстоит уколоть палец веретеном и заснуть мертвым сном, — он улыбается в ответ на мое изумление. — Между прочим, спасибо, что смягчила проклятье. Теперь мне всего-то нужно дождаться поцелуя настоящей любви.

Воспоминание приходит вспышкой и тут же исчезает. Да, вчера после яблочного пирога... Безутешная королева... «Как ты могла?!»

— Жаль, — говорю я, глядя принцу в глаза. — Надо было мне промолчать. Не стоишь ты поцелуя. Не стоишь настоящей любви.

Ромион улыбается мне, как маленькой глупой девочке.

— Розалинда... Уж кому-кому, а тебе пора понять, что настоящей любви не существует. Или ты еще веришь в прекрасного принца, который влюбится в жабу? Нет? Вот и я не верю, что за десять дней мне удастся найти *настоящую* любовь. Я умру, когда мне наступит семнадцать.

— Какая. Жалость, — ядовито, почти как некогда Дамиан, отзываюсь я, а сама вспоминаю всех девочек, что сидят вокруг Ромиона в школе. Что, ни одна?..

Ромион усмехается и уходит ждать на диванчик за ширмой. А я пытаюсь выкинуть из головы его улыбку и обреченный взгляд... И вообще

— это не мои проблемы. Я буду только рада, если этот несносный принц вдруг исчезнет. Или заснет, неважно. Зачем он так с Дамианом, я же только-только установила с ним хрупкий мир, он же только-только стал вести себя нормально, без закидонов вроде «я тебя недостойн»!

«Ни одна принцесса на тебя не посмотрит...» Да? Допустим, взгляд лягушки-принцессы ценится действительно не слишком высоко. Но что, если...

Что, если красавица-фея будет танцевать с Дамианом (и ни в коем случае не с Ромионом!) весь вечер? Хорошо, не весь, но после заката. Дамиан узнает, поймет, конечно, что я его обманывала... Иначе я просто утону в этой лжи, а лгать ему... Лгать ему я не хочу. Может, тогда Дамиан перестанет так дергаться по поводу своего статуса в этом глупом сказочном королевстве? И я убью сразу двух зайцев: раскрою ему свой секрет (Дамиан мне поможет потом, как и Габриэль, — иначе и быть не может). И никакой Ромион, никакой Вейл — вообще никто больше не скажет ему, что он... В общем, не посмотрит на него свысока. Потому что прекрасная принцесса признается ему в любви. Это же будет замечательно?

Определенно. Хороший план — сердцем чувствую. У меня даже настроение улучшается, и я терплю Ромиона (который тоже, кажется, только терпит меня) все оставшееся до бала время. А сама незаметно прошу Габриэля привезти мне праздничное платье из гардероба Розалинды.

Бал... Как много в этом слове для сердца девичьего, хм, слилось: красивое платье, красивые туфли, красивая прическа, красивый партнер по танцу, цветы и украшения, дорогой аромат и восхищенные взгляды... Возможно, для Золушки бал таков. Не зря же она на него так стремилась. Я же ненавижу балы еще с того жуткого вечера, когда мне было десять... или одиннадцать? И Роз тогда потащила меня, ночную, на свой первый бал. Восхищенных взглядов мне досталось с лихвой, а еще кавалеры оттопали мне все ноги, а уж как я потом мучилась животом от конфет, которыми каждый мечтал меня угостить! И аллергией, потому что цветов на балу тоже много...

В общем, кому как, а я бы нашла занятие поинтересней, чем танцевать ночь напролет и получать восхищенные улыбки только потому, что всем этим... гостям... понравилась моя красивая мордашка. Поверьте, я знаю, что чувствует кукла, выставленная на витрине, — ровно то же, что и я на балу.

Впрочем, на этот раз на меня смотрят иначе — на дневную меня. Ромион говорил, что первый танец наш — он наш, точнее, мой. И это почти как танцевать с очередным папиным протеже в ресторане под сладкое

пение приглашенной дивы. Только зрителей больше. И эти зрители открыто надо мной потешаются. Лягушка в красивом платье. Платье и правда красиво: паук постарался. Но пусть и окутанная переливчатым шелком, который имитирует цвет неба (даже с облаками), я все равно лягушка в красивом платье.

— Улыбнись, — шипит принц, кружа меня под стоны скрипки. — Улыбнись, Розалинда. Пожалуйста.

Я нахожу взглядом Дамиана: он среди гостей, но вокруг него маленькое пустое пространство, «портативный вакуум», как говорит мой папа, когда такое же пустое пространство образуется вокруг меня во всех компаниях. Дамиан смотрит на нас с Ромионом с такой тоской, что я только сжимаю губы. Улыбаться? Улыбаться я стану, когда буду счастлива. А пока пусть гости видят: Ромион не делает меня счастливой. Ни капельки. Пусть он хоть тысячу раз принц. Я, кажется... Кажется, я люблю его брата.

Тем более кому нужна моя улыбка? Гости все равно аплодируют, когда танец заканчивается. И миниатюрная прекрасная королева увлекает меня к трону — «посплетничать». А Ромиона обступают девушки. Кажется, его просят спеть. Он отказывается — королева, разговаривая со мной, прислушивается, хмурится и делает музыкантам знак. Снова стонет скрипка — и мой жених кружит в танце другую...

— Все мужчины — ничтожества, моя дорогая, — заговорщически понизив голос, говорит королева. — Все их обещания — ничто. Не позволяй ему сделать тебе больно, он того не стоит.

Я слушаю вполуха, а сама смотрю на Дамиана, которого никто не зовет танцевать, а сам он стоит одиноко у двери в сад. И уже не смотрит на меня.

Королева с понимающей улыбкой ловит мой взгляд.

— Этот? Дорогая моя, зачем?

— Простите, ваше величество? — хмурюсь я.

— Позволь дать тебе совет, милая: выбирай фаворитов с умом. Дамиан здесь только потому, что в завещании покойный король его не забыл. Но кроме этого — что у него есть? Меч да дар демонолога. Дар не редкий, а меч... — она усмехается. — Помани рукой, и к тебе прибегут такие же даровитые и с целыми армиями, моя милая. Мужчин нужно использовать. Они же используют нас.

Я киваю, хоть и слушаю ее вполуха, и, протянув руку, вытаскиваю из чаши с фруктами яблоко. Хоть чем-то себя занять.

Королева ловит мою руку.

— Не ешь, оно отравлено.

Я роняю яблоко.

— Да?

— Да, милая моя. — Королева снова ловит мой взгляд и вздыхает: — Хочешь, я дам тебе рецепт этого яда? Мертвый сон. Гуманно. Мы же цивилизованные люди, правда, дорогая? Мужчины делают нам больно, но мы — мы им не уподобимся. Мы убьем их мягко, во сне. Впрочем, признаю, некоторых можно и помучить. Для этого у меня тоже есть отличный яд — прекрасная вещь, отменная...

— Ваше величество? Благодарю вас за заботу, но зачем вы мне это говорите?

Королева выпивает второй бокал вина — до дна. Кажется, она уже слегка навеселе (еще одна причина, из-за которой я не люблю балы — потом они всегда превращаются в лишь слегка облагороженную пьянку).

— А я знаю, каково это, — она наклоняется ко мне, — каково это — чувствовать себя дурнушкой. Каково это — быть дурнушкой. — Королева смеется над моим изумлением и подмигивает. — Да. Я красива, правда? Я открою тебе секрет, моя милая. Я не всегда такой была. Но знаешь, я помню это и знаю, что все мужчины любят красавиц. Все мужчины пусты и глупы. Если они не видят настоящую красоту, есть средство, чтобы показать им ее. Оно стоит... дорого стоит, но оно есть. Ах, да что эта цена? Настоящая любовь, — королева смеется, — ее все равно не существует!

Я ежусь от ее слов и перевожу взгляд с королевы на окно: там солнце клонится к горизонту. Мне пора.

— Простите, ваше величество, я сейчас вернусь.

— Конечно, моя дорогая. И запомни, если захочешь кого-нибудь отравить — обращайся. Я же знаю, как это сложно... В первый раз...

Опасно помешанная, да, Ромион?

Габриэль идет следом за мной, он же помогает мне зашнуровать корсет и — совсем немножко — уложить прическу. Платья Розалинды, к сожалению, невозможно надеть самой. Еще в них очень сложно двигаться, особенно в праздничных. И хоть Габриэль и привез мне самое, так сказать, легкое, без каркаса для юбки и тысячи кружевных оборок, все равно это целое испытание. Плюс туфли. Серебристое платье со стеклянными туфлями. Или хрустальными? В тон, но неудобно, а еще алмазная диадема и колье, да такое, что самый крупный алмаз лежит между грудей, как будто глубокое декольте недостаточно привлекает к ним внимание. Я не привыкла так выглядеть, я не привыкла такое носить. Но когда я поворачиваюсь к зеркалу... Я прекрасна. Даже Габриэль замирает, видя мою улыбку.

Дамиан оценит.

Габриэль выводит меня к лестнице в бальную залу и отступает в тень, где он, конечно, снова будет следить за мной неусыпным взором. Действительно, а вдруг меня украдут? Спутают с королевской сокровищницей — в этих-то алмазах.

Словно по приказу затихают скрипки. Я придерживаю двумя пальчиками подол, поднимаю голову и улыбаюсь. Да, смотрите на меня. Смотрите и вспоминайте лягушку. Вы не увидите ее в прекрасной принцессе, но это тоже я. Вы помните, как вы надо мной смеялись? Сейчас, улыбаясь, над вами — про себя, как воспитанная принцесса, — смеюсь я. Смотрите на меня и восхищайтесь.

Они и смотрят. Завороженно, восхищенно, влюбленно. Кавалеры подаются вперед, спешат к первой ступеньке лестницы, по которой я спускаюсь. Спешат подать мне руку. Спешат сказать то, что я и так знаю, — как я красива. Спешат мне услужить.

Я ищу взглядом, но среди них почему-то нет Ромиона. А жаль, я бы посмотрела в его восхищенные глаза. Посмотрела и сказала: «А помнишь лягушку, *радость моя?*»

Но что ж... Я отказываюсь от десятка приглашений на танец и иду мимо, мимо, мимо — к Дамиану. Весь этот спектакль для него — а он единственный на меня не смотрит. Он единственный ищет взглядом среди гостей кого-то другого. Меня, дневную, понимаю я. И, улыбаясь, с «хвостом» из разочарованных поклонников подхожу ближе.

— Милорд. — Я ловлю его изумленный взгляд. И музыканты, как по заказу, начинают играть что-то медленное, романтическое. — Не откажетесь от танца?

Дамиан смотрит на меня непонимающе, оглядывается, и я — чтобы он точно все понял — беру его за руки.

— Идем? — И уже поворачиваюсь к танцующим, когда он убирает руки и отступает.

— Госпожа, прошу меня простить, но я не могу.

Ну начинается...

— Дамиан, — с укоризненным вздохом говорю я. — Если ты опять насчет бастарда, то мне казалось, мы уже решили этот вопрос.

— Мы? — В его взгляде искреннее непонимание. А еще — презрение, которое я никогда не получала, когда была при нем лягушкой.

— Ну конечно. Дамиан, ты меня не узнаешь?

Он смотрит на меня, потрясенно и раздосадованно.

— Госпожа, найдите себе другого партнера для танца.

— Что? Дамиан, что ты, это же я. — Все очарование красоты, бала и, в общем, момента проходит. Мой голос дрожит. — Я, Виола. Ты меня не узнаешь?

Хмурясь, он долго смотрит мне в глаза, потом отворачивается.

— Простите, госпожа.

Кто-то из еще оставшихся подле меня кавалеров не выдерживает и довольно бесцеремонно ловит меня за руку. А потом так же бесцеремонно — ошеломленная, я не сопротивляюсь — ведет в центр зала.

— Леди первый раз в Сиерне? Этот юноша, Дамиан, неотесан так же, как его матушка. Может быть, вы слышали эту скандальную историю...

Я не слушаю. Я смотрю на Дамиана и пытаюсь осознать, принять: он меня не узнал. Даже когда я сказала, кто я. Он меня не узнал. Он окатил меня таким презрением, что я до сих пор не могу унять дрожь. Неужели с лягушкой ему удобнее? Неужели все его слова про то, что важно лишь, какая я, — только слова? Ведь красавица — это тоже я. Почему он не принимает меня такой?!

Еще два танца — взгляды, комплименты, чьи-то лица, блеск и цветы... Я понемногу прихожу в себя, отказываю следующему кавалеру и пытаюсь пройти к двери в сад, куда только что ушел Дамиан, когда королева вдруг делает знак музыкантам, и те перестают играть.

— А теперь сюрприз этого вечера! — объявляет ее величество, и половина гостей тут же бледнеют. Другие краснеют. — Полагаю, все вы пили наше прекрасное сиернское вино сегодня?

Слышится кашель, кто-то судорожно что-то ищет в декольте или в карманах сюртука. И почти все в панике смотрят на пустые бокалы на подносах.

— Прекрасно, — улыбается королева. — Итак, сюрприз вечера: в вине было легкое приворотное зелье. Только на этот вечер. Но осторожнее, оно начинает действовать лишь после поцелуя. Все просто: целуйте вашего партнера, и вечер — ваш. В честь лета, цветов и, — она лукаво улыбается, — любви!

В наступившей тишине, кажется, все мужчины в зале поворачиваются ко мне. А я вспоминаю, что выпила полбокала вина, когда говорила с королевой... И что голова у меня кружится сейчас не от него и даже не от приворотного зелья (меня еще никто не целовал!), а от хищных взглядов.

В общем, помните, я жаловалась, что знаю, как чувствует себя кукла на витрине? Это были цветочки. Теперь я в курсе, как чувствует себя герой зомби-ужасика, окруженный восставшими мертвецами. И это намного хуже куклы.

«Бежать!» — мелькает мысль, когда вся эта... толпа... монстров начинает медленно, покачиваясь, двигаться ко мне. «Бежать сейчас же!»

Где-то за стенами танцевального павильона часы начинают громко отбивать полночь...

Итак, Золушка убегала от принца — тоже в полночь — и забыла туфельку на ступеньке. Одна туфелька — один принц.

Меня не преследует принц, меня преследует около сотни сиернских ловеласов. И здесь я сама скидываю туфли (ясно же, что далеко в них не уйти) и босиком бегу в сад. Слава богу, до объявления королевы я успела пробиться к двери.

Наверное, это забавная картина. Со стороны: красавица-принцесса, высоко подняв юбки, босиком несется по гравию садовой дорожки (камни колются!), а за ней бодрым кроссом — толпа мужиков... Черт бы побрал мою красоту, королевину чувство юмора и Дамиана! Мы бы так хорошо могли провести вечер!

А да, еще помните, я говорила, что Розалиндовы платья невозможно самой надеть? Так вот, их вполне возможно самой снять! Если очень приспичило, полагаю, вообще можно все. Во всяком случае, из платья на очередном повороте я буквально выпрыгиваю (оставаясь в нижней сорочке) и сигаю в кусты. А оттуда бодрым сапом в сторону рощи — и лезу на дерево. К черту сорочку, порву — не страшно. Я не хочу целоваться с незнакомыми мужиками, а потом млет в их объятьях! Ну и королева! Что за шуточки?!

С дерева я слезаю, когда руки немеют и держаться за ветку больше нет сил. Все равно уже все стихло... Если, конечно, кто-нибудь особо предприимчивый не лежит сейчас в засаде. Нет, точно тихо.

Слезаю, оглядываюсь. Понятия не имею, куда идти. А может, лучше здесь подождать? Сколько длится действие зелья?

Да, наверное, лучше подождать и... Что-то шуршит в кустах. Я вздрагиваю, но это всего лишь ветер. И лунный свет играет с тенью, так что мне немедленно начинают мерещиться разные ужасы вроде настоящих зомби.

Нет, так я ждать не смогу. Надо (снова что-то шуршит в кустах, но уже с другой стороны) идти!

Иду — почти бегу — куда глаза глядят. И под конец выбираюсь к озеру, по которому плавают лебеди, а над самой водой танцуют светлячки. Я замираю, восхищенная красотой: синие, зеленые огоньки в танце без музыки — и их отражение в черной воде. И еще лебеди, которые сами по себе грациозны и красивы... Именно сейчас я верю, что действительно

нахожусь в сказке: волшебной сказке, где добро всегда побеждает. Да и нет здесь никакого зла, не может быть — слишком все чудесно.

Лебеди плывут ко мне, когда подхожу, но в руке у меня ничего нет, и они, разочарованно глянув черными блестящими глазами, уплывают.

А я оборачиваюсь — посмотреть, может, их все-таки можно чем-то угостить?

И встречаюсь взглядом с Ромионом.

На мгновение екает сердце, я отступаю к озеру, но принц по-прежнему стоит, точно прирос к земле, не двигается, только смотрит. О, это такой красноречивый взгляд! Я моментально замечаю, что у меня порван подол сорочки — до бедра. И декольте очень глубокое. А левая бретелька и вовсе съехала к локтю, так что грудь... Ой-ой!

Быстро повожу рукой, бретелька возвращается на место, зато декольте делается еще глубже. Ч-черт! Ромион, конечно же, утыкается туда взглядом, его скулы розовеют — он стоит в лунном свете, так что я это хорошо вижу. Открывает рот, закрывает... И торопливо сдирает с себя украшенный мехом и изумрудами плащ.

— П-прошу, — его голос, обычно такой уверенный и твердый, сейчас почему-то звучит так слабо и робко. — В-возь... — и снова взгляд на мою грудь.

Рывком выхватываю у него плащ и быстро закутываюсь. Сейчас принц опомнится и начнет меня отчитывать. Уж он-то меня, конечно, узнал. Мы с Розалиндой похожи, а он наверняка видел портрет невесты...

— Спасибо.

— Не стоит... То есть... Что вы здесь делаете? Я хотел сказать... — мямлит Ромион, и я понимаю, что почему-то он меня все еще не узнал. — Я хотел... Позвольте представиться...

Это настолько странно и не вяжется с его обычным поведением, что даже жутко. Поэтому я торопливо перебиваю:

— Я знаю, кто ты, Ромион, хватит.

— Правда? — удивляется принц. Отводит взгляд, краснеет, потом смотрит снова. Это мило... Но это Ромион. — Откуда? — Он ловит мой взгляд, прищуривается... Ну, сейчас узнает. И начнется...

Ромион пару мгновений молчит, потом осторожно спрашивает:

— Вы... Вы, наверное, сестра моей невесты?

«Он все знает!» — мелькает в голове, и я вздыхаю.

— Да, я Виола. Я давно... — Что сказать, что сказать, что сказать?!

— Может быть, вы видели здесь Розалинду? Вашу сестру? — спрашивает вдруг принц, и я замираю. То есть? А Ромион беспомощно

улыбается: — Я ее потерял.

— Ну конечно, ты же был так занят другими дамами! — раздраженно (от волнения) бросаю я, и Ромион отводит взгляд.

— Это она вам рассказала? — И так грустно да с таким тихим восхищением смотрит на меня...

Ясно. Очевидно, он уверен, что я — сестра Розалинды. То есть я сестра Розалинды, которую он знает. То есть...

— Ага. — Я медленно отступаю по берегу озера. — А... вы... ваше высочество... не проводите меня к дворцу? Я... э-э-э... заблудилась.

Ромион расплывается в улыбке и сообщает, как он рад мне услужить. Хм...

— А знаете... Ромион?

— Да, ваше высочество. — Какие мы любезные, просто прелесть!

— Может, вы лучше проводите меня куда-нибудь... где можно с удобством дожидаться конца бала?

— Вы тоже не любите балы? — восхищенно восклицает Ромион.

Тоже? Что-то я не заметила у принца особой нелюбви к балам. Танцевал он точно с удовольствием! Со всеми, кроме меня.

— Ненавижу...

Ромион улыбается, аккуратно берет меня под руку и куда-то ведет, попутно объясняя, как он *тоже* не любит балы. Неожиданно он сильно напоминает Дамиана. Даже смущается похоже. Я слушаю, а потом, когда Ромион приводит меня в беседку на берегу все того же озера и ухаживает — донельзя галантно, — угощая меня пирожными (наверняка же припасенными для себя) и лимонадом, я непроизвольно начинаю к нему присматриваться. Такой Ромион мне не знаком. С ним до странности легко, так, как не было мне легко с Дамианом. Дамиан робкий, милый, но как будто не знает об этом, что делает его еще милее. Но, боже, когда он начинает смущаться, я тоже смущаюсь, и выходить из этого смущения приходится мне одной... Это сложно.

С Ромионом все по-другому. Да, он тоже смущается, но все равно намного уверенней Дамиана. И, оказывается, хороший рассказчик. Я сама не замечаю, как смеюсь сначала над какой-то довольно бородатой шуткой, потом над школьной историей, потом над чем-то из жизни двора...

А Ромион смотрит, как я смеюсь, и тоже улыбается. А потом осторожно касается кончиками пальцев моей руки — и я ему позволяю. Мне этого хочется.

С ним на удивление тепло. Только сейчас, только этим волшебным вечером, то есть ночью, но — тепло.

Мы немного обсуждаем бал, и я вспоминаю стоны скрипки. Как у меня болела от них голова! Ужас, ненавижу скрипку. И раньше не любила, а теперь и вовсе...

— Что ты, госпожа, — улыбается Ромион. — Скрипка прекрасна. Не веришь? Хочешь, я тебе сыграю?

Я киваю, и Ромион, как волшебник, вытаскивает из-под дивана, где мы сидим, футляр со скрипкой.

— Я часто играю здесь... Играл, — поправляется он. — Пока отец был жив.

— Мне жаль, — тихо говорю я, пока он открывает футляр и вынимает скрипку.

Ромион усмехается, но как-то грустно.

— Не стоит. Мы с ним не понимали друг друга. Знаешь, Виола, так бывает, когда отец тебя не любит.

— Да?

— Да. — Ромион смотрит на озеро, но видит, кажется, совсем не лебедей и светлячков. — Маму ему сосватали. Так же, как мне — твою сестру. Он был принц, а принцы редко женятся по любви. Отец не любил маму... И не любил меня. У него была другая семья, там, где он был счастлив. Я видел. — Он запинается и часто-часто моргает, — видел, как это бывает, когда в семье все счастливы.

— Твой... брат? — тихо спрашиваю я. Он про Дамиана?

— Да, — Ромион усмехается. — Дамиан. Его отец любил. Никогда не забывал поздравить с днем рождения и взять с собой на охоту. Для него всегда находилось время. А для меня... Его величество находил неотложные дела. Я его и видел-то редко, пока мне не исполнилось одиннадцать и король не решил, что я вырос достаточно, чтобы посещать Малый совет. Я думал, он хоть там меня заметит... — Ромион качает головой. Ловит мой взгляд... — Прости, моя леди. Я тебя утомил. Мне не следовало...

В ответ я только сама сжимаю его пальцы и ободряюще улыбаюсь. Ромион ловит мою улыбку — и светится.

— Я никому это раньше не рассказывал...

Знакомое чувство, думаю я, когда некому рассказать. Не поймут. Начнут жалеть...

— Что тебе сыграть? — словно спохватившись, спрашивает Ромион.

Я улыбаюсь в ответ.

— То, что сам хочешь.

Он задумывается на мгновение, потом касается смычком струн...

Я никогда всерьез не интересовалась музыкой. Скрипка и скрипка. Стон и скрип. Подумаешь! Но сейчас музыка плывет, говорит со мной, рассказывает мне чудесную сказку...

Сказку о волшебной стране, где одинокий грустный принц ждет настоящую любовь. Ждет так долго, что уже перестал верить. Но все равно ждет. В стеклянном дворце, где нет никого — только роза, отсчитывающая время до его семнадцатилетия. Она теряет лепесток за лепестком, и принц знает: хоть за дворцом и живут люди, сейчас, когда ему действительно нужна помощь, никто не придет. Последний лепесток упадет через десять дней. Времени почти не осталось...

Ромион опускает смычок, и я выдыхаю.

— Прости, моя леди. Я лучше сыграю что-нибудь веселое.

На этот раз сказка действительно волшебна — о другой стране, где цветочные феи танцуют на поляне из роз и фиалок, и прекрасная королева — моя мама — с улыбкой протягивает мне руки. «Виола, я жду тебя. Возвращайся...»

«Он в совершенстве владеет музыкальной магией...»

Я не могу произнести ни слова, когда музыка смолкает. Только глупо улыбаюсь и думаю: «Поцелуй меня!» Ромион этого хочет, а мне тоже хочется сделать ему приятное. Сейчас. Только сейчас, когда он так не похож на себя. И когда я, Виола, для него настоящая...

Габриэль находит меня уже утром, когда горизонт светлеет.

— Моя госпожа, вам пора.

— Мне пора, — грустно повторяю я.

Ромион тоже грустно улыбается и целует мне на прощание руку.

— Моя леди, я увижу тебя снова?

— Ну конечно, — с усмешкой говорю я, глядя, как светлеет небо. Увидишь — лягушкой.

— Приходи, — Ромион тщетно пытается поймать мой взгляд. — Приходи еще, Виола. Я сыграю для тебя.

Я только улыбаюсь в ответ. Вряд ли. Днем он тоже превратится в себя... дневного. И днем мы будем друг друга всего лишь терпеть.

Нет, слишком много лжи. Не смогу. Не приду.

— Я буду ждать, Виола.

Глава 8, в которой я иду смотреть, как цветет папоротник, и танцую на лебедином озере

Забег на дерево не дался мне легко. Заметка на будущее: ничего не есть и не пить на сиернских балах. Точнее, ничего не есть и не пить в непосредственной близости от королевы Изабеллы. Точнее...

Я с сомнением изучаю бокал с водой на столике у кровати. В воде плавают веточки мяты и колотый лед. Чистая вода, обычная чистая вода с мятой и льдом... Да?

— Пейте спокойно, ваше высочество, там нет яда.

Я приподнимаюсь на локтях и, щурясь от солнца, нахожу взглядом Габриэля.

— Правда? А вчера в вине, на балу, яда тоже не было?

— Конечно, ваше высочество. Это было просто легкое приворотное зелье, как королева и сказала.

Я снова с сомнением смотрю на бокал с водой.

— Габриэль. Нам нужно поговорить. Срочно. Сейчас.

— Я вас слушаю, ваше высочество.

— Кто ты такой?

— Ваше высочество?

— Нет, Габриэль, «ваше высочество» — это я. Точнее, моя сестра. А ты кто?

Габриэль спокойно смотрит в ответ. Спокойно и с легкой досадой. Дескать, напилась принцесса вчера сиернского вина, теперь несет чепуху. А в вине всего-то и было приворотное зелье. Делов-то!

— Я ваш рыцарь, ваше высочество. Дух, которого отец вашей сестры...

— Не-а, Габриэль, — улыбаюсь я. — Не надо про отца Розалинды. Он, конечно, местами с приветом, но даже он не приставит к дочери духа, не отдав приказ беречь Розалинду от любых посягательств, в том числе и от ненужного мужского внимания. Уж поверь мне, я знаю, что говорю. Мы с Роз раз сто сбегали от ее дуэний, и это было трудно именно потому, что эти сварливые дамы получали от короля приличную пенсию, чтобы следить за поведением юной принцессы. Тем более эта принцесса — наполовину фея. Ты же знаешь, как легко к жизни относятся феи, да?

Габриэль смотрит на меня с прежним спокойствием, но теперь сквозь него просвечивает уже не досада, а удивление.

— При мне сейчас нет старой дамы-компаньонки, — продолжаю я, — значит, роль дуэньи исполняешь ты. И действительно, ты ходишь за мной по пятам — прямо как эти самые дамы. Только почему-то, не моргнув глазом, дал мне вчера выпить приворотное зелье. И если бы на балу тогда находился Ромион, мой жених, я бы поняла: ты получил указания отца Розалинды подтолкнуть принцессу к свадьбе (что было бы, конечно, странно, потому что король обычно не пользуется такими грязными приемами). Но Ромион вчера кормил лебедей на озере и невестой не занимался. Зато ее, бесхозную, атаковала толпа озабоченных... кавалеров. Где ты был в это время?

— Ваше высочество, почему вы думаете, что я знал про сюрприз королевы? — выдержав паузу, невозмутимо спрашивает Габриэль, чем вызывает у меня нервный смех.

— Габриэль, ты дух или нет? Как же ты узнаешь, что у меня в еде нет яда?

— Приворотное зелье не яд, ваше высочество.

— Габриэль... — Он смотрит на меня совершенно невозмутимо, но теперь от его взгляда я должна бы превратиться в ледышку... Не превращаюсь. — Мы оба знаем, что тебе было известно про приворотное зелье. Так кто ты?

Театральная пауза, во время которой Габриэль становится на одно колено — ровно как Дамиан, когда приносил свою клятву.

— Госпожа, я клянусь, что я ваш рыцарь, что я оберегаю и храню вас от любых опасностей, что я никогда вас не оставлю и зримо или незримо буду с вами.

Ро-о-оз, тебе наверняка очень тяжело на подмостках. Тут весь мир — сплошь актеры. Старине Шекспиру бы понравилось.

— Отлично, Габриэль, — стараюсь, чтобы мой голос тоже звучал невозмутимо, говорю я. — Тогда давай уточним, что ты понимаешь под опасностью. Атака влюбленных кавалеров?

— Ваше высочество, — со вздохом отзывается Габриэль, — как только бы вас поцеловали, я немедленно, — он усмехается, — объяснил бы вашему ухажеру, что вы помолвлены и что ваш отец желает, чтобы вы целовались только с вашим женихом. Но, принцесса, я не имею права нападать на лорда Сиерны без веской причины. Выпитое приворотное зелье таковой не является. А если... Если вы решите выкурить розовой пыльцы и захотите сами кого-нибудь поцеловать? — И смотрит на меня

обличающе.

— А вот не надо! — нервно смеюсь я. — Розовую пыльцу мне папа курить запретил!.. погоди, так мне что... В смысле, Роз можно ее... курить... и потом целоваться? Правда?

— Ваше высочество, вы можете делать все, что пожелаете, — вздыхает Габриэль. — Я должен всего лишь вас защищать. И я не дуэнья. Отец вашей сестры решил, что в школе за принцессой присмотрят, поэтому и не прислал компаньонку. Только меня. Если это все, то я могу, наконец, встать?

— Можешь. — Я поворачиваюсь к бокалу.

Смотрю на него минуту — Габриэль выпрямляется и успевает занять место у двери с обычным своим невозмутимым видом.

— Ну ладно, — сообщаю я ему. — Но если ты меня отравишь... Тебе будет стыдно!

И выпиваю воду.

Ничего не происходит.

Только Габриэль тихо вздыхает.

— Ваше высочество, вам известно, что вы проспали начало занятий?

— Да? — Я ставлю бокал на место и падаю обратно на подушки. — Ну и черт с ними.

— Отлично, ваше высочество, то есть в школу вы не идете?

— Не-а.

— Тогда я должен передать вам наказание от директрисы. Она говорит, что завтра вы должны прийти на час раньше обычного и написать все контрольные работы за месяц.

— Что?! Все? Она издевается?

— Кажется, да, ваше высочество.

— Прекра-а-асно... Мне нужен Дамиан, — говорю я и сразу вспоминаю его на балу. А-а-а, он же мне вчера отказал! Я должна обидеться. Должна? Хм, он же отказал незнакомой красавице, но вообще-то сделал больно мне, а я всегда отвечаю людям, которые сделали мне больно, это мое жизненное кредо. М-да, и как же мне с Дамианом сейчас себя вести? Да, а еще он ушел, не попрощавшись, из примерочной, оставив меня один на один с Ромионом. Точно — я должна обидеться.

— Он сейчас в коридоре, ваше высочество, — отвечает Габриэль. — И он там уже часа три. Кажется, ему тоже есть что вам сказать. Позвать его?

— Что? Нет! Ты с ума сошел? Я не... — Я не знаю, как себя вести, я не знаю, что сказать, я не... — Я не одета!

Габриэль невозмутимо кивает.

— Тогда я скажу ему, чтобы еще подождал. И пришлю вам камеристку.

— Ага... Пришли... — Укрываюсь одеялом почти до ушей. — Габриэль.

— Да, ваше высочество.

— Только ты знай: ты меня не убедил. Я тебе теперь не до конца верю, в общем. На всякий случай. Вот.

— Мне очень жаль, ваше высочество.

— Да. — Дверь за ним закрывается. — Мне тоже...

Я, конечно, чокнутая иномирянка, которая не всегда знает, как себя правильно вести (скорее уж, почти никогда не знает), и не умеет колдовать... Но я заметила, что, когда Габриэль только что устраивал тут цирк с клятвой, он не сказал: «Да, ваше высочество, я дух, и меня прислал отец вашей сестры». Нет, он давил на то, что будет меня защищать. Будет, верю. Только прислал его не отец Розалинды. А кто?

Что-то мне подсказывает, его величество вообще ни о каком рыцаре ни сном ни духом... Сестра, конечно, могла найти специально для меня защитника в Астрале, и это даже было бы на нее похоже: знай она, что в Сиерне можно отравиться, например яблоком, а принц с братом в состоянии испепелить тебя вместо рулета за завтраком, она бы призвала для меня духа-защитника. Здесь, в своем мире, она всегда меня защищала. Но...

Что-то не складывается. И, самое печальное, я не могу понять что.

Камеристка болтает о бале. Она вообще болтушка каких поискать, но сегодня она несет просто отборную чепуху. Сначала про бал: «Ах, принцесса, а вы видели, какие на герцогине Аделине были жемчуга? А на ее дочери — настоящие бабочки, вот прямо настоящие, и по всему вороту!» Так про каждую даму. Достается и кавалерам, особенно принцу. «А вы видели, как принц смотрел на маркизу Виленду? А вы знаете, они же вместе в школе учатся, и Виленда влюблена в принца с детства! Ах, это так романтично! Настоящая любо... Ох, простите, ваше высочество, принц же ваш жених... Я же совсем забы... Простите... Но, ваше высочество, маркиза же так красива! Вы несомненно ее заметили: ее волосы — настоящий огонь! Ах, они с принцем были бы такой прекрасной парой... Ой, простите, ваше высочество!»

Сдается мне, или камеристка правда так глупа, как кажется, или она ревнует принца ко мне. Или Дамиана. Вот, уже и Виленду вспомнила. Я тоже ее помню: рыжая, красивая девочка, действительно за Ромионом увивается, в школе они сидят рядом.

Только Ромион отчего-то не верит, что эта Виленда спасет его от

мертвого сна.

«А еще, ваше высочество, вчера на балу была такая красавица, такая красавица, ну просто ах!» И дальше идет абсолютный бред, согласно которому получается, что отвергнутые мной кавалеры, побегав впустую по саду, решили не сдаваться и найти прекрасную незнакомку после праздника. А найдя, предложить ей руку и сердце по всем правилам. Авось кем-нибудь незнакомка соблазнится. А пока кавалеры решали — с дуэлями и прочими развлечениями, — кто будет просить моей руки первым, дворцовые слуги нашли мои туфельки и устроили аукцион. Дескать, прекрасная незнакомка не представилась, никто ее не знает, слыхом о ней не слыхивал (Да? А вот Ромион слыхивал. Подозреваю, и королева тоже). Потому единственный способ найти красавицу — с помощью ее туфельки. Все же знают, что чары поиска лучше всего накладывать на вещь, касавшуюся тела искомого. Так что туфельки мои, то есть Розалиндины, ушли сегодня утром с молотка за кругленькую сумму... А мне, получается, надо ждать гостей, то есть сватов.

Что там королева говорила про «отравить»? Идея уже не кажется мне плохой. Я же не Пенелопа, чтобы терпеть толпу женихов у себя дома — да и пока дожدهшься Одиссея... Надо будет заглянуть во дворец, попросить яблочек. Так, на всякий случай. А то мужчины почему-то очень болезненно реагируют, когда им отказываешь, — я знаю, я видела, как сестра это делает. Ее ухажеры всегда болезненно реагировали. Очень.

В общем, новость меня не обрадовала, а настроение с утра и так упало — из-за Габриэля и мигрени (видимо, побочный эффект приворотного зелья). Так что когда я все-таки выбираюсь через порог спальни, злая, печальная и с больной головой, попадаться мне на глаза не стоит даже невозмутимому Габриэлю. Тот, полагаю, с легким сердцем пристраивается мне за спину — как обычно. А вот Дамиан, про которого я уже напрочь забыла, бросается было ко мне, потом ловит мой взгляд и отшатывается.

— Виола...

— А... Ты, — усмехаюсь я, в который раз в душе удивляясь, что такое совершенство, как этот юноша, действительно ходит по бренной земле... И понимая, что это совершенство сейчас стоит между мной и завтраком (пока камеристка меня купала и одевала, я успела здорово проголодаться, несмотря на мигрень).

Дамиан изумленно провожает меня взглядом, когда я, а следом и Габриэль проходим мимо. Но потом догоняет — уже на лестнице.

— Виола, как ты?

— Безумно, — фыркаю я. — Отлично. Особенно после того, как ты

меня бросил на растерзание своему брату в ателье. Просто... прекрасно.

В столовой Габриэль словно невзначай исчезает, а я сажусь за стол и с ходу вгрызаюсь в ароматную булочку с корицей. Дамиан на булочки — и даже на пирог с сыром и курицей! — не реагирует, а только взволнованно смотрит на меня.

— Виола, понимаешь... Я действительно не хочу, чтобы ты стала здесь парией...

— А сейчас я кто?!

— Виола, ты принцесса.

Я громко фыркаю, но Дамиан продолжает:

— И неважно, как ты выглядишь...

— Неважно?

— Да, неважно. Ты принцесса, и скоро станешь королевой. И я не хочу портить твою репутацию.

Булочка кончается, а с ней и уважительная причина молчать, пока Дамиан ждет ответа. Я наливаю лимонад, но им тоже надолго руки и рот не займешь.

— Дамиан, я фея-полукровка. О какой репутации речь?

— Но, Виола...

— Не надо «но». Ты меня бросил. Ты на балу ко мне не подошел. Даже когда твой братец меня тоже бросил и я вынуждена была слушать вашу мачеху, чтобы хоть чем-то заняться. Мне было грустно, одиноко и скучно. И ты в этом тоже виноват. Ха, да ты в этом первоочередно виноват, потому что Ромион мне ни в чем еще не клялся. А ты обещал... В общем, на тебя я обижена. Все, я с тобой не разговариваю, — и принимаюсь за пирог. Показательно, чтобы этот... невежливый человек понял, как мне не до него. И потом, что он делает в моем доме? Только на два дня ведь приглашала. Вот так, надо на будущее запомнить: один раз мужчину в домпустишь, потом не прогнать.

Дамиан смотрит на меня пару минут. И неожиданно улыбается. Я замираю, не прожевав пирог. Черт возьми, красивая же у него улыбка!

— Виола, прости меня. Ты права, я вел себя глупо. Я думал, я оставлю тебя и больше не побеспокою. Думал, что буду защищать тебя издалека, чтобы больше не привлекать внимания и не давать повода для лишних разговоров. Только, — он грустно вздыхает, — я не могу. Ты сегодня не пришла в школу, и я волновался. Я послал к тебе духа, я узнал, что с тобой все в порядке. Но все равно волновался. А потом понял... Понял, что просто не смогу быть вдали от тебя. Прости. Кажется, я буду надоедать тебе и дальше. — И смотрит на меня невинными глазами. И не будь эти

глаза так прекрасны, я бы еще покапризничала. А так...

— И долго ты эту речь репетировал?

Дамиан снова улыбается, но на этот раз я ученая и вовремя отвожу взгляд.

— Долго. Еще в школе начал. Все равно какая-то нелепость получилась.

— Ага.

— Виола? Так ты меня простишь? — М-м-м, а он, кажется, и правда нервничает. Серьезно боится, что не прощу? Ой, да ладно — как будто первый раз меня парни бросают! У этого хоть уважительная причина есть... Он за меня волновался. Прелесть.

— А ты скажи это еще раз.

— Что?

— Ту часть, где ты сознаешься, что вел себя глупо.

— Очень глупо, — смеется он и смотрит на меня так... так... что мне становится не по себе. Когда Ромион смотрел на меня так же вчера, это было нормально: было на что смотреть. А сейчас?..

— Ну, тогда ты прощен. Будешь пирог?

От пирога Дамиан отказывается. Вместо этого, помявшись, спрашивает:

— Виола, а ты не согласилась бы... Я имею в виду... Вдруг ты...

Такой красивый мальчик и так смущается... Что-то в этом мире определенно не так.

— Что?

— Хочешь посмотреть, как цветет папоротник? — выдыхает Дамиан. И с опаской глядит на меня.

— Хочу, — спокойно отзываюсь я.

Дамиан расплывается в счастливой улыбке (которая в сотню раз лучше его предыдущих).

— Отлично! Тогда... ты не против, если мы... Если ты...

— Дамиан!

Он смущенно смеется — кажется, над собой.

— Ты не против оставить дома своего духа и пойти со мной? В смысле, только со мной. В смысле...

— Ты меня на свидание приглашаешь? — интересуюсь я, отправляя в рот последний кусок пирога.

Дамиан тут же отводит взгляд. И конечно же, принимается извиняться!

— Ты права, это было слишком... вызывающе... Я не должен был...

— Идем, — перебиваю я. — Только я не знаю, как оставить Габриэля

дома. Сам он не останется, даже если прикажу.

Дамиан быстро кивает.

— Конечно. На самом деле... У меня есть план... То есть ты согласна?

— А какая дура на моем месте откажется? — фыркаю я. — Конечно, согласна. Ну, выкладывай свой план.

Через полчаса, переодевшись в самый невзрачный и практичный из своих новых нарядов (мало ли, куда Дамиан меня поведет, он же не сказал), я запираю дверь в спальню. Жду. Синяя вспышка... Теперь, если все получилось, то Габриэль нейтрализован. То есть не сможет выйти из дома. И скорее всего, не пустит и меня тоже...

Так что я поскорее выбегаю на балкон. Так... У Шекспира, конечно, не было сцены, где Джульетта лезет по плющу с балкона к своему Ромео, но что только не сделаешь ради папоротника!

Впрочем, лезть мне не приходится. Я успеваю только перегнуться через перила, как меня аккуратно обнимает за пояс Ромео, то есть Дамиан, до этого скрытый виноградом.

— Держись за меня, — тихо шепчет он мне на ухо, и я обнимаю его за шею, чтобы он мог освободить руки и спокойно спустить нас на землю. С третьего этажа, между прочим. Если сорвемся, будет больно.

Но я не думаю об этом. Я обнимаю его и пытаюсь одновременно касаться и не касаться — если это возможно. Наверное, так же пытались бедные папины ухажеры, когда танцевали со мной. Только сейчас я краснею, и в дрожь меня бросает не от омерзения, а скорее от презрения — к самой себе. Просто я слишком хорошо знаю, как выгляжу, и вижу, как красив Дамиан. Это нелегко — представить себя рядом с ним. А уж обнимать это совершенство... которое, кстати, уже спустилось на землю и почему-то не торопится меня отпускать.

— Дамиан? — тихо спрашиваю я, потому что все еще вишу на нем, а он аккуратно одной рукой придерживает меня, а другой гладит мои волосы. Мои черные, жесткие, как проволока, волосы. — Что ты делаешь?

— Ты... — он запинается, и я жду. — Очень милая.

— Ага. — Ну правда, не красивая же! — Мы пойдем или нет?

— Да. Да, конечно. Из-вини.

По улице, тихой, спокойной улице мы идем рядом, бок о бок, и я, искоса поглядывая на Дамиана (на него невозможно не смотреть), впервые чувствую гордость: да, я гуляю с красивым парнем. И он сам меня пригласил. Завидуйте.

— Виола?

— М-м-м?

— Можно я возьму тебя за руку?

Господи, какой же он нерешительный... И милый...

Дальше мы идем, держась за руки, и теперь я, должно быть, просто свечусь от счастья. И мне даже не хочется представлять, как смешно это должно выглядеть со стороны. И как нелепо: красавец и чудовище. Да что он во мне нашел?..

Оказывается, смотреть цветение папоротника лучше всего в королевских садах.

— Там ярмарка, представления и цветы, — объясняет Дамиан. — Виола, ты любишь цветы?

— Если честно... Не очень.

Дамиан приподнимает брови, но удивленным почему-то не выглядит.

— А что ты любишь?

— Ну... Я люблю мороженое. Ягодное. И фруктовое. Только не шоколадное. Еще люблю мармелад. Знаешь, такой... жевательный. Чтобы с кислинкой. Из красной смородины самый лучший получается... Вот.

Дамиан улыбается и, как волшебник, достает из кармана кулек мармелада. Из красной смородины. В виде дракончиков. Красных, белых и желтых.

— Да ладно! — смеюсь я. — Слушай, ты отсыпь сразу себе, а то я весь мигом съем.

Теперь смеется уже Дамиан.

— Ешь, я его не люблю. Ты правда цветы не любишь?

— Правда. Особенно розы.

Дамиан кивает и за то время, пока мы доходим до конца улицы, избавляется от букета маленьких алых розочек. Пытается незаметно, но я все равно вижу. Ладно уж, лучше бы подарил кому-нибудь. А впрочем, нет. Вдруг у этого «кого-нибудь» появятся неправильные мысли... мечты?

За поворотом мы оказываемся на чем-то вроде стоянки. Была бы я дома, сказала бы, что это автобусная остановка. Или, точнее, для маршруток. Здесь сказочное королевство, автомобилей нет, зато есть...

— Это драконы! — выдыхаю я, когда Дамиан помогает мне взобраться внутрь... э-э-э... кабины, а потом ведет на второй этаж, который тоже с сиденьями, но без крыши. Вся кабина прицеплена к драконьей спине. Жирненький такой дракоша, с симпатичными синими рожками. Лежит и спит, пока не приходит его... э-э-э... водитель и не берется за... м-м-м... узду? Вожжи? Не знаю, сверху не очень хорошо видно: только дракон поднимает голову, медленно встает, еще медленнее расправляет крылья, разбегается...

Я чуть не падаю — в основном от изумления: скорость дракон набирает быстро, но кабину не качает, да и ветра даже здесь, на «смотровой площадке», нет совершенно.

Дамиан придерживает меня. А потом обнимает — и я ему позволяю. Вроде как я засмотрелась на удаляющуюся землю и не заметила. Просто все вокруг настолько волшебнo (что нормально для сказки, да?), и мне хочется забыть о приличиях и нормах и просто... Пусть делает что хочет. Мне же нравится, когда он меня обнимает. И для чего задаваться вопросом, зачем ему это?

— Ты никогда раньше не летала на драконах, принцесса?

— Не-а, — пораженно выдыхаю я.

Дамиан улыбается, но как-то печально. А мне очень хочется его поцеловать. Но это будет уже слишком. Поэтому я отворачиваюсь и смотрю на пролетающие мимо облака. Господи, это почти как та сцена в «Аладдине» на волшебном ковре! Только песни не хватает...

— Дамиан, скажи...

— Что, моя принцесса?

«Моя»? О-о-о, ну зачем он так? Я же сейчас растаю!

— Вчера на балу... м-м-м... была девушка... Красивая. Очень. Она еще потом... э-э-э... убежала и оставила свои туфельки... Ты не слышал?

Дамиан перестает смотреть на меня и тоже глядит вдаль, на облака. Или на пролетающих мимо таких же драконов? Как я их раньше не замечала? Хотя нет, замечала, просто принимала за самолеты. Привыкла в Москве к самолетам...

— Слышал.

— А... видел?

Дамиан чему-то усмехается, кажется, мрачно.

— Видел.

Забавно, мы оба старательно смотрим вперед — на какую-то точку на небе. Думаю, на одну и ту же. Очень старательно.

— И... как?

— Она очень красивая, — признает Дамиан.

— Да? И... она тебе понравилась?

— Нет.

Пауза. Все, не могу больше смотреть на небо, глаза слезятся.

— Дамиан, почему? Я видела, как вчера она пыталась пригласить тебя, а ты ей отказал. Очень грубо. Почему?

Дамиан молчит. А я теперь смотрю на его руки — они крепко сжимают перила, как будто Дамиан боится упасть. Или... злится?

— Виола, пожалуйста, давай не будем об этом, — тихо просит он.

Ну уж нет.

— А давай будем! — Я вспоминаю, как он вчера меня (меня!) отшил (отправил искать другого партнера для танца!), и тоже злюсь. — Дамиан, я не понимаю. Я видела ее, она была красива, она к тебе подошла. Зачем ты с ней так?

Дамиан нервно дергает уголок рта — точно, этот жест у них семейный.

— А ты бы хотела, чтобы я ею увлекся? Чтобы танцевал с ней у тебя на глазах, да?

Усмехаюсь.

— Дамиан, давай ты не будешь мне лгать, ладно? Причина же была не в этом. Обо мне ты тогда думал в последнюю очередь. Да и зачем вообще было обо мне думать, если ты перед этим от меня сбежал? Это нелогично.

Дамиан бросает на меня быстрый взгляд.

— Откуда ты знаешь, что я лгу?

— У тебя глаза бегают.

— Ну и что?

— Дамиан... рассказывай.

Он снова стискивает несчастные перила. И, кажется, прожигает взглядом горизонт.

— Ты знаешь... Знаешь, сколько я на таких, как она, насмотрелся? Они всегда одинаковые: красавицы с титулом и богатым отцом, или женихом, или мужем. Что таким бывает нужно от меня, как ты думаешь, Виола? Красивый мальчик, фаворит, любовник, готовый по первому зову явиться и галантно с ней... танцевать. А они мне за это в лучшем случае заплатят. Они же все уверены, что если я красив и безроден — покупать меня даже не надо. Сам прибегу, как ручная собачка. Вот так, Виола, все эти красавицы думают. К кому еще они подойдут и нагло, в лицо, потребуют: «Танцуй»? Только к такому, как я.

— Но... — я пытаюсь подобрать слова. Выходит, мы опять друг друга не поняли? Но откуда... откуда мне было знать?! — Дамиан, но... Не все же такие. Не все же хотят... Если ты ей просто понравился...

— Вот именно, — усмехается Дамиан. — Понравился. Ты знаешь, как я ненавижу вот это. — И стучит указательным пальцем по своей щеке. — Отец все говорил, что я пошел в мать, а придворные дамы восклицали: «Какой милый ребенок!» Я тогда, дурак, гордился. Потом только сообразил, что они за вот этим, — снова пальцем по щеке, — меня не видят. От этой красоты одни проблемы. Знаешь, сколько я предложений стал получать

после смерти отца? Представляешь, как это унижительно... фаворит, — последнее слово он будто выплевывает. — Я всегда мечтал о путешествиях, о приключениях, да я б в солдаты пошел, если бы меня пустили, а не комнатной собачкой сидел у ног этих придворных... куриц, — оборачивается, ловит мой изумленный взгляд. — Прости. Я не хотел, чтобы это так прозвучало. Ты не такая, Виола.

— Угу. Я некрасивая, — киваю я.

— Ты видишь меня, — тихо говорит он. — Я вижу, когда ты на меня смотришь... Между прочим, ты знаешь, что у тебя очень красивые глаза?

— Ты любишь красный цвет?

— ... И я вижу, что... что ты меня понимаешь, — заканчивает Дамиан и протягивает руку к моим пальцам, тоже держащимся за перила.

— Дамиан, ты знаешь, скольким несчастным красивым девушкам ты отказал из-за своих дурацких комплексов и глупых фантазий?

— Ни одной, — усмехается он. — Виола, ты действительно странная. Мне иногда кажется, что ты из другого мира. Тебя удивляют вещи, которые для всех нормальны. Титул определяет положение в обществе. И те, кто выше по титулу, действительно считают, что могут купить тех, кто ниже. Мой отец сделал это с моей мамой, например.

— Да? А как же любовь?

— А любовь, — усмехается Дамиан, — шла приятным дополнением. Надо же!

— Да ты циник, Дамиан.

— Жизнь такая, — философски замечает он.

— Угу. Дамиан, скажи, мы когда собираемся вернуться домой?

Он бросает на меня взволнованный взгляд.

— Я тебя уже утомил? Прости, я...

— Я имею в виду, до заката или после?

— А... Как ты скажешь, — быстро находитесь он.

— Тогда давай после. Я хочу тебе кое-что показать. Мне кажется, это немного изменит твои представления о жизни. Может быть, в лучшую сторону?

— Я уже заинтригован, — усмехается он.

— Дамиан, и еще... Только не обижайся. Из тебя бы получился очень плохой фаворит. Очень.

— Почему? — изумляется он.

— Ты слишком робкий. Возьми меня, наконец, за руку. Если не боишься, конечно, моих перепонок.

Он тихо смеется и за руку берет. Вовремя — мы начинаем снижаться,

и я снова пытаюсь упасть (не держалась за перила). А так, Дамиан меня придерживает, и да, это очень приятно.

Но только в саду, на одной из лужаек, где мы сидим на траве, едим мороженое (Дамиан его тоже любит) и разговариваем о всякой чепухе вроде «какая птица сейчас поет?» (с Дамианом, оказывается, можно и о чепухе поговорить — это тоже безумно приятно), я понимаю: а ведь сама про красивых юношей думаю точно так же, как и он. О Дамиане думала точно так же. Красивый — тщеславный — глупый — пустой. Вот примерно такая цепочка. Дамиан другой, совсем другой, но верит в то же. Да... да, пусть посмотрит на меня, ночную. Заодно и расскажу ему наконец правду. Хватит, хватит лгать.

— Может быть, потом мы поищем Розалинду вместе?..

И вот наступает вечер: тени удлиняются, но солнце еще не садится. В застывшем воздухе плывут сладкие ароматы цветов, и смех гуляющих словно становится громче. Я лежу на траве рядом с Дамианом и делаю вид, что люблю прозрачно-голубым небом, а на самом деле не могу отвести взгляда от его волос. На них так красиво играют солнечные блики...

— Виола, я хотел тебе кое-что показать. Точнее, подарить. Можно?

— Конечно, — улыбаюсь я. — А что?

Дамиан приподнимается на локтях и быстро вынимает из кармана браслет-цепочку. Серебряный, с камнями-капельками, такими же, как у Дамиана на подвеске. Правда, на браслете эти камни складываются в цветы. В малютки-фиалки.

— Вот, — смущается Дамиан, показывая мне браслет. Так вот что он рисовал тогда на уроке! — Я не знал, что ты не любишь цветы. Просто... Это амулет. Я сам его сделал. И зачаровал так же, как мой, а мой не раз спасал мне жизнь. Я подумал... если ты будешь его носить...

Наверное, я сейчас улыбаюсь, как идиотка.

— Ну конечно, буду! Дамиан, спасибо! Мне никогда еще ничего лучше не дарили. Правда.

К моей зеленой коже браслет не идет совершенно. Я посматриваю на солнце. Ничего... Уже скоро...

Дамиан светится от похвалы. И смотрит на мою руку с браслетом так, словно я сделала ему громадное одолжение и осчастливила ну просто до седьмого неба.

— Виола, а можно... Можно мне...

Мы смотрим друг другу в глаза, и Дамиан вдруг отчаянно краснеет. Или это свет заката так красит его щеки? Красиво...

— Можно мне тебя поцеловать?

— Что?

Дамиан в ответ просто смотрит — с такой отчаянной надеждой, что я лишь спрашиваю: — Ты помнишь, что я заколдована?

Не отрывая взгляда от меня, он кивает.

— И что меня расколдует только поцелуй влюбленного?

Он снова кивает.

— И ты готов рискнуть? — меня неожиданно подводит голос. — Дамиан, пойми, ты мне очень нравишься, но я боюсь, что это вряд ли взаимно, и если ты...

Он не дослушивает. Странно — а ведь обычно он робок...

Не дослушивает и целует меня. Нежно — очень нежно, никогда меня так не целовали. Впрочем... Обычно папины протезы просто хотят поскорее от меня отделаться. Тут не до нежности. Сейчас — нежно, ласково. Любяще.

Я закрываю глаза и жду знакомой золотой вспышки. Солнце еще не село, но не может же быть, что от такого поцелуя я не расколдуюсь... Это просто как «я тебя люблю», только сказанное не словами.

В этот момент я понимаю, что тоже люблю Дамиана — это огромное, безумное, щемящее чувство, которое переполняет меня всю, и мне кажется, я сейчас превращусь в воздушный шарик и улечу в золотисто-розовое небо...

Потом Дамиан отстраняется. Ошеломленно смотрит на меня. И быстро целует снова.

Ничего не происходит.

Я тоже смотрю. На свои перепончатые... лапы. А в голове одна мысль: только бы не заквакать.

Это потом приходит осознание, что ничего, совсем ничего не произошло. И вопрос, на который необходимо, жизненно важно ответить:

Почему?

— Я что-то сделал не так? — Дамиан снова краснеет и ошеломленно смотрит на меня. — Я...

— Ты все сделал правильно, — я слышу свой голос словно со стороны. — Так же, как и все. Другие. До тебя.

— Дру... Другие?

— Да, папа хотел, чтобы я поскорее избавилась от проклятия, — отстраненно говорю я. — Не обращай внимания. Серьезно. Я все понимаю, — и сглатываю, тяжело и больно-больно. Какая дура я была, что поверила! Поверила, что такой, как он, может меня полюбить. По-настоящему полюбить.

А он-то что себе придумал?

— Мы же останемся друзьями? — говорю я и спокойно смотрю Дамиану в глаза. Ему тоже больно, я вижу. Но не делаю ничего, чтобы смягчить эту боль. Мне больше не хочется его касаться. Мне больше не хочется его видеть.

За горизонтом тонет солнце...

Я быстро встаю. Озираюсь. Вон хорошая роща. Золотую вспышку увидят, но кто сейчас, вечером, в парке, где одни влюбленные парочки, будет обращать внимание на такие мелочи?

Увы, Дамиан встает следом за мной.

— Виола...

— Оставь меня! — резко (наверное, слишком резко) бросаю ему я. Оглядываюсь на горизонт и понимаю, что надо бежать.

— Виола!

И бегу. Со всех ног. Меня душат слезы, мне уже неважно, увидит Дамиан или нет. Мне просто хочется остаться одной. Дурочка, снова, снова позволила сделать себе больно. Снова на одни и те же грабли! Все они, эти писанные красавцы, одинаковые. О чем он, интересно, думал?! Что влюбился в меня без памяти? Нашел, тоже мне, родственную душу! Да с чего он взял, что знает, каково это: быть уродиной все время, всю жизнь! Получать насмешки — всю жизнь. Он что думал — влюбился? И «дай-ка поиграю в героя»?

Превращаюсь я уже в роще. Одна. Он даже не попытался меня остановить...

Дальше я бреду куда глаза глядят. Их застыт слезы, так что даже не знаю, как я вновь оказываюсь на берегу лебединого озера.

Зато плакать навзрыд здесь романтичнее. Лебеди, правда, даже не думают утешать — подплыли, глянули, что еды нет, и уплыли. Зато...

Ну почему, почему так, а? Я же думала, что сказка, я же думала, что это правда сказка! Я же сама в него влюбилась!

Шагов я не замечаю, и только когда на плечи мне опускается теплый, меховой плащ, вздрагиваю и оборачиваюсь.

Ромион мгновение сочувственно смотрит мне в глаза. И прижимает к себе. Крепко-крепко.

Я всхлипываю и плачу, уткнувшись ему в ворот рубашки. Потом его запах — пряно-травяной — будет мне сниться. Но уже под утро. Потому что уйду я опять почти на рассвете...

— Кто тебя обидел, моя принцесса? — тихо шепчет Ромион. — Скажи мне. Только скажи — я заставлю его страдать. За каждую твою слезинку,

Виола. Скажи.

— Лучше... — голос меня снова не слушается, — с-сыграй м-мне. Пожалуйста.

Он улыбается.

— Ты хочешь забыться, моя принцесса?

— Д-да. — Именно, именно забыться. Вчера его музыка унесла меня в сказку. Настоящую, красивую сказку. То, что надо сейчас.

— Мне не нужно играть, чтобы весь мир зазвучал, — шепчет Ромион. Он все никак меня не отпустит. — Послушай.

Я прислушиваюсь — и... Да, воздух, листва, вода — все вокруг поет. Волшебно, очаровательно. Завораживающе.

— Позволь, моя принцесса, — Ромион берет мою руку и нежно целует.

Озеро становится залом с полом из стекла, лебеди — парами, кружащимися в танце. Луна таинственно освещает их, мягко оттеняя белые наряды... Ромион тоже кружит меня, и на мне сейчас платье, легкое воздушное платье из лебединых перьев. Надо же, когда-то я плакала, пораженная па-де-де принца и Одетты в «Лебедином озере». А это было лишь жалким подобием настоящей сказки с настоящим принцем...

— Спасибо. — Я ловлю его взгляд и дарю улыбку. Он дарит мне взамен настоящее волшебство.

— Я боялся, что ты не придешь, — говорит он в ответ. — Виола, у меня не так много времени, но я могу подарить тебе это, — он обводит озеро и лебедей взглядом. — Я постараюсь сделать тебя счастливее. Скажи мне, кто тебя обидел?

— У тебя не так много времени, чтобы драться на дуэли, — усмехаюсь я. — Да и вызывать некого. Я сама виновата, — снова на глаза наворачиваются слезы, и Ромион прикладывает палец к моим губам.

— Чшш, Виола. Слушай музыку.

Я слушаю. Это... это...

Ромион подхватывает мою улыбку и тоже улыбается.

— Скажи, что ты придешь снова, — просит он меня перед рассветом. — Пожалуйста.

Я с улыбкой киваю.

— Да. Обязательно.

А потом позволяю проводить меня до дома и поцеловать руку на прощание. Это же так невинно. С ним я не совершу той же ошибки, что с Дамианом. Его близко не подпущу. Ни на что не буду надеяться. Просто приятно проведу это время. Сказочно. Десять дней, да? Уже девять. Или восемь?

Ромион нехотя отпускает мою руку и все смотрит, не отводит взгляда, пока калитка черного хода за мной не закрывается.

Я поднимаюсь наверх, в мои комнаты, падаю на кровать и понимаю, что мне уже не больно. Нисколечко.

И что воздух ласково шепчет мне колыбельную.

— Спасибо, — говорю я в ответ.

Мне кажется, что музыка улыбается. Это невозможно, конечно, но я вижу эту улыбку. Ромион.

Только засыпая, я понимаю, что так и не узнала, какой же он — цветок папоротника.

Глава 9, в которой я учусь плести кружева и совершаю экскурсию в мужское общество

— Доброе утро, ваше высочество.

— А-а-а? — я тщетно пытаюсь проснуться. Голова отчаянно болит, глаза не открываются, и больше всего на свете хочется забраться под подушку целиком, свернуться клубочком и сделать вид, что я «в домике».

— Ваше высочество, вы в школу опаздываете.

— М-м-м! — И меня вытаскивают из-под подушки, ломают уютную одеяльную норку и куда-то несут.

Пока я вспоминаю, кто это такой наглый и бесцеремонный, успеваю снова заснуть. Мне снится, что я еду верхом на радужном пони, у которого еще забавные стрекозиные крылышки и большие синие глаза. Он несет меня в небо, к радуге, очень смешно перебирая в воздухе копытами...

А потом сбрасывает в ледяную воду.

Просыпаюсь я, естественно, моментально. И моментально же вспоминаю, кто это — наглый и бесцеремонный. И еще много чего вспоминаю, в основном нецензурное.

— Доброе утро, ваше высочество, — невозмутимо повторяет Габриэль, стоя у двери купальни и внимательно оглядывая меня, мокрую, злую и невыспавшуюся.

— Доброе?! — ахаю я. — А ну верни меня обратно в кровать! Немедленно!

— Госпожа, позвольте вам напомнить, — спокойно отвечает Габриэль, — что меня вызывал отец вашей сестры, который не хотел, чтобы его дочь прогуливала школу. А сейчас вы опаздываете. Вам сегодня нужно быть на час раньше, так что поторопитесь. Я пришлю вашу камеристку.

— Но я спать хочу!

Габриэль бросает на меня красноречивый взгляд: «Не мои проблемы». Поворачивается к двери...

— Да, и, ваше высочество, если вы в следующий раз захотите куда-то сходить одни, просто скажите мне об этом. Совсем необязательно окружать

весь дом волшебной схемой.

— Что? А-а-а. — Я тут же вспоминаю вчерашнее свидание с Дамианом, поцелуй... Настроение, и так нерадостное, падает ниже плинтуса. — И что? Ты так сразу и послушаешься?

— Нет, госпожа. Я просто стану невидимым, чтобы вас не беспокоить. И тогда мне, полагаю, не придется тратить время на то, чтобы найти в этой схеме лазейку.

«Зримо и незримо быть с вами...» — вспоминаю я. То есть у моего вчерашнего позора еще и свидетель был?

М-да, а казалось бы, что еще сильнее может испортить мне настроение?

— И ты вчера все время был рядом?

— Конечно, ваше высочество. Я же обязан вас охранять.

— Габриэль, выйди. И закрой за собой дверь.

— Как скажете, ваше высочество.

А ведь предполагалось, что Дамиан настолько хороший демонолог, что с обычным охранным духом (как он сам вчера сказал) справится легко и просто.

Прекрасно. То есть еще и этот охранный дух тоже знает, что Дамиан мне вчера вскружил голову, а потом картинно бросил. Что? Нет? Не бросил? А как еще это называется?

— Фелиция?

Моя камеристка, хлопчущая с водой в ванной, отвлекается и поднимает взгляд.

— Ваше высочество?

— Вот скажи, как назвать парня, который сначала обещает тебе достать звезду с неба, в смысле, говорит, что ты потрясающая и замечательная, а потом целует, и выясняется, что он тебя не любит.

— Подлец! — тут же отвечает камеристка.

Киваю.

— Вот и я так думаю.

— Ваше высочество? А зачем же он тогда вас поцеловал?

— Действительно, — бормочу я, не замечая, что камеристка включила кипятилок на полную мощность. Впрочем, я сижу в такой ледяной воде, что не скоро это замечу. — Зачем?

— Ваше высочество, вы о лорде Дамиане? — Камеристка торопливо перекрывает кран и выливает в ванну чуть не весь флакончик пены. Апельсиновой. К концу мытья я буду благоухать, как здоровенный апельсин и, быть может, стану оранжевой. В крапинку. Зеленую. Как

недозревший апельсин. Самое оно — идти в школу и писать контрольные.

— Ага, о нем.

Камеристка смотрит на меня, хлопает ресницами и вытягивает губы как в звуке «о». А потом на одном дыхании выпаливает:

— Он хотел отомстить брату. Точно вам говорю, ваше высочество. Об этом все королевство шепчется.

— Да? — Пены так много, что она грозит поглотить меня с головой. — И о чем еще шепчется ваше королевство?

Мою камеристку (которая пока несостоявшаяся Золушка) только спроси — она вывалит кучу информации и не закроет рот, пока всю ее до меня не донесет. Раз два, а то и три — для лучшей усвояемости.

Оказывается, Дамиан всегда мечтал насолить Ромиону (ну, это ни для кого не новость) и все бы сделал, чтобы свадьба наследника расстроилась. И когда он появился в моем доме, все — от поваренка до домоправительницы — поняли, что это не к добру. Не дело незамужней девушке приглашать к себе постороннего мужчину. А уж сбегать с ним на свидание, одной — это вообще ужас-ужас!

— Бедный принц Ромион! — восклицает камеристка, натирая меня ароматическим маслом. Уже третий раз. И с особым удовольствием проходясь по перепончатым пальцам, которые каждый раз простреливает от боли. — Теперь ему достанется обещанная невеста!

— Могу не доставаться, — бурчу я, незаметно убирая флакончик с маслом из-под руки камеристки. — И почему обещанная-то?

— Но он же вас поцеловал!

— И что?

Камеристка смотрит на меня, и в ее глазах крупными буквами читается: «Ужас-ужас!!!» С тремя восклицательными знаками.

— Но вы же теперь не будете больше благоволить к лорду Дамиану? Да? Правда, ваше высочество? — и заглядывает мне в глаза.

— Э-э-э... Ну... Нет, — задумчиво отвечаю я. А что? Подлец — думать надо было, кого целует и что для меня это значит.

— Прекрасно! — улыбается камеристка. — Я ему так и сказала, когда он на рассвете пришел и вас спрашивал.

— Пришел? Дамиан приходил?

— Да, ваше высочество, почти сразу как вы вернулись. Но мы ему ничего не сказали! Только булочками с маком накормили, свежими, повариха очень настаивала. «Какой-то ты бледный, — сказала она ему, — не иначе заболел». А я бы сказала, что не бледный, а заторможенный. Он точно вас только поцеловал? Да? Странно. И еще грустный очень был.

Оставил целый мешок мармелада, сказал, что для вас. Но мы тот мармелад выбросили, потому как вдруг там приворотное зелье? Еще просил передать, что ему очень жаль. И все. В смысле, все, больше ничего не просил.

— Ясно, — выдыхаю я, пытаюсь уложить все это в голове. Когда слова обрушиваются на тебя со скоростью пулемета, понять и осмыслить их одновременно — задача непосильная.

— Ваше высочество, — добивает меня камеристка, — а раз вы к лорду Дамиану больше не благоволите, то вы не расстроитесь, если, ну, когда он еще придет, я его... ну... утешу? — И смотрит на меня щенячьими глазами. — Вам же он больше не нужен.

— Слушай, ты правда такая дура или притворяешься? — не выдерживаю я.

— В-ваше высочество?

У меня никогда не складывалось с парнями — оно и понятно, женщин любят глазами. Но для меня всегда было загадкой, почему у меня не складывалось с девчонками. А точнее, почему они все такие зацикленные идиотки? Зацикленные на себе, на своей внешности, чувствах, на парнях... Но больше всего, естественно, на себе. Неужели и я такая же?

— Иди, — отмахиваюсь я. — Сама оденусь.

— Но прическа... ваше высочество...

— Никакая прическа мне не поможет. Иди. И да, надеюсь, те булочки, которые вы вместе с Дамианом кушали, еще остались?

— Да...

— Отлично, — я отворачиваюсь к зеркалу. Оттуда на меня глядит лягушка и, слева, красавица-блондинка — это моя камеристка.

— Ваше высочество, простите, я же не хотела... Вы меня только не отсылайте, а то я за практику неуд получу и на следующий бал не попаду, — лепечет камеристка. — А я так замуж хочу! Это же нечестно, что вы не хотите, а выходите. А я хочу и не выхожу. Правда, ваше высочество, это же совсем-совсем несправедливо. Лорд Дамиан такой... такой... А он ведь вам совсем не нужен...

— А тебе он нужен? — вырывается у меня, пока я хмуро изучаю контраст между лягушкой и красавицей.

— Ну... Он, конечно, без титула... И наследство у него отберут... Но я ведь тоже безродная, а значит, если мы просто время хорошо проведем, никто не будет про нас сплетни пускать. Вы поймите, ваше высочество...

Дура. И правда дура. А на дураков обижаться глупо.

— Фелиция. Уйди. Сейчас.

— Но, ваше высочество...

— Уйди. А то я не только отправлю тебя обратно в твою школу с неудом, я про тебя такую сплетню пушу, что ты ни в один нормальный дом больше на работу не устроишься. Никогда. Это я тебе обещаю.

Глупо обижаться, да. Но и терпеть их выходки тоже не слишком умно. От дураков вообще лучше держаться подальше... Но их так много, что это просто невозможно.

Красавица-будущая-Золушка прижимает ладонь ко рту и выбегает из спальни. Вместо нее через пять минут заглядывает невозмутимый Габриэль.

— Воюете с прислугой, ваше высочество? Тоже не очень умно. Вы же без нее к следующему балу не оденетесь.

— А ты опять подслушивал? — фыркаю я. — Какой бал, ты что! Я туда больше ни ногой... Ну, чего стоишь? Веди меня в тюрьму. В смысле, в школу.

— А завтрак, ваше высочество?

— А я злая и обиженная. Буду еще и голодной. Очень гармонично.

Габриэль в ответ только пожимает плечами. Позже, уже в школе — за контрольными работами, — я узнаю, что он взял для меня целый пакет булочек. И кувшин молока. И даже мармеладки — те, что повариха с камеристкой якобы выбросили («В них не было яда, ваше высочество, и я взял на себя смелость вам их вернуть»).

Плюс сто к настроению.

— Позавтракай со мной, — я придвигаю к Габриэлю булочки и молоко. — Серьезно, куда ты постоянно исчезаешь, когда я ем? Или изображаешь из себя стенку. Просто неуважение какое-то к принцессе. Раздели со мной хлеб и... э-э-э... молоко.

В классе мы одни. Зевающая директриса (кто-то тоже не любит рано вставать...) принесла задания, ушла и заперла дверь. Ну а что, мы на вершине башни, прыгать из окна — самоубийство. Так что я точно никуда не денусь. А открывать некому: судя по всему, и учителя, и ученики придут только через... уже сорок минут. Как раз когда моя отработка закончится.

— Ваше высочество, — удивительно, но кажется, мне удалось Габриэля поразить. С него даже маска невозмутимости слетела. — Вы приглашаете меня к... вашему столу?

Его изумление меня стыдит: следовало пригласить его давным-давно. Почему я этого не делала? Он же носит мою сумку, достает мне удобную одежду, о завтраке вот позаботился. А я, неблагодарная...

— Ну да. Присоединяйся. Пожалуйста.

С каменным лицом — но не привычно каменным, а ошеломленно

каменным (ну правда, в мимике Габриэля разберется только настоящий специалист по языку жестов... Или тот, кто живет с ним уже почти неделю... или больше?) — Габриэль шагает к столу, берет булочку. Откусывает малюсенький кусочек — буквально клюет. Вдумчиво жует, не сводя с меня внимательного взгляда. Потом переводит его на булочку.

— Ну как? — не выдерживаю я.

Габриэль молчит.

— Да ладно, вкусно же! Наша повариха — настоящий профи. А уж я-то в булочках разбираюсь, только глянь на меня. Видишь, какая пухлая? Потому что ни в чем себе не отказываю...

— Вы ведь даже не знаете, что только что сделали? — напряженным голосом перебивает меня Габриэль.

— Поделилась завтраком? — усмехаюсь я. — А, постой. Это же ты поделился со мной завтраком. Ты же взял все эти вкусности на кухне.

— Для вас.

— Но брал ты. Ой, да какая разница, Габриэль! Угощайся. — Я склоняюсь над тестом, но краем глаза вижу, как Габриэль заглатывает оставшуюся булочку. Целиком. Прямо как змея. Жуткое зрелище, честно говоря.

Тест тут, кстати, математический. *«С какой скоростью летает виверна, если она только что совершила преступный акт, покусившись на кладку дракона, и теперь дракон ее преследует?»* Преступный акт? Серьезно? Да откуда я знаю, с какой скоростью летает виверна? Я даже слабо представляю, чем она отличается от дракона. Обе же ящерицы, дышащие огнем, нет?

Я откладываю задание на потом (вообще-то, навсегда) и читаю дальше: *«С какой скоростью летает дракон, если он вознамерился взять реванш и покусился на кладку виверны?»* И хоть бы ответы были... А то пустая строка: *«Впишите ваше решение»*. Не светит мне за этот тест высший балл... И никакой балл не светит. М-да...

— Ваше высочество, разрешите, — наклоняется ко мне Габриэль.

Я удивленно поднимаю глаза, а Габриэль забирает у меня перо... И быстро вписывает ответы. В эти и следующие задания. Причем он по ним разве что лениво пробегает глазами. Как будто это настолько легко, что даже размышлений не стоит... Тест оказывается решен за минуту — Габриэль откладывает перо, смотрит на меня, потом в окно.

— У вас еще полчаса, ваше высочество. Поспите.

— Габриэль, — осторожно зову я. — Ты меня пугаешь. Что это только что было?

Габриэль какое-то время смотрит на меня, потом, вздохнув, усаживается на соседний стол, берет еще одну булочку.

— Ваше высочество... вам не понять.

— Не-а, — ошеломленно отвечаю я. И тоже беру булочку.

Булочки сближают.

Ровно через полчаса — мы успеваем доестъ весь завтрак — дверь открывается (Габриэль торопливо спрыгивает со стола и снова становится невозмутимым, как скала). Входит директриса, берет мой тест, быстро проглядывает. Ее кот устраивается на моем столе и, высунув язык, слизывает с моих щек молочные усы. Я фырчу от неожиданности и пытаюсь отъехать подальше вместе с креслом, но дальше еще один стол, к тому же кот совершенно по-человечески протягивает лапу и тяжело кладет ее мне на плечо: «Стой».

— Отлично, — объявляет директриса, ставя на тесте высший балл. — Вижу, ты действительно вчера нашла время позаниматься, Розалинда. Это похвально. Но учти, больше одного пропуска — и я вынуждена буду сообщить твоему отцу. А теперь иди на урок.

Кот убирает лапу и бодает меня мордахой прямо в губы.

— Я тебя тоже люблю, — шепчу я, и кот подмигивает: «И я тебя».

Урок мадам Венги только-только начинается, когда я захожу в класс — все взгляды тут же устремляются на меня. Сама мадам возится с зеркалом, и я аккуратно, на цыпочках, прокрадываюсь за ее спиной. Направляюсь, как обычно, в центр «галерки», но ловлю взгляд Дамиана и резко сворачиваю к окну. Зажарюсь к концу урока, но не придется выяснять отношения, в которых и выяснять в общем-то нечего.

Дамиан, не отрываясь, продолжает смотреть на меня — пока ему не делают замечание. После этого ко мне на стол прилетает записка... Хотя какая записка? Целое послание. Дамиан прекрасно владеет письменной речью: он нашел около сотни синонимов слову «прости». Я пробегаюсь по ним глазами — как Габриэль недавно по тесту — и пишу поверх: «Оставь меня в покое». Записка тут же исчезает, а Дамиан отворачивается. Но нет-нет я ловлю его взгляд, что безумно мешает сосредоточиться на уроке о каких-то там духах. Мадам Венга раз сто, как для идиотов, повторяет, что духи питаются энергией, причем не вещественной, а абстрактной (кто б еще знал, что она имеет в виду). Я слушаю, вспоминаю, как Габриэль за милую душу умял три булочки подряд, и думаю, что где-то в записях мадам закралась ошибка. Габриэль дух — и он ест нормальную еду.

Припекает. Солнце через окно жарит невыносимо, мешая смотреть на

зеркало (которое вместо доски). А заодно и на Дамиана (на которого я героическим усилием воли не смотрю вообще). Жаль, что он притягивает взгляд, как большой и очень красивый магнит. Но я сильная, я сделаю вид, что его здесь нет. Так-то.

— Виола, пожалуйста, нам нужно поговорить, — ловит Дамиан меня у фонтана после урока.

Больше всего я сейчас хочу искупаться (а то моя бедная зеленая кожа скоро захрустит, как хорошо прожаренная корочка). И меньше всего — общаться с Дамианом. Но, похоже, у меня нет выбора.

— Дамиан, я же попросила оставить меня в покое. Нам не о чем разговаривать.

Но он меня перебивает:

— Виола, прости, прости меня, пожалуйста, я не знал...

— Что ты меня не любишь? — улыбаюсь я. — Послушай, а может, ты правда решил Ромиона позлить? Вы же на ножах. А тут я, его невеста. Отличный повод, да? Вскружил мне голову — а впрочем, нет, я сама с этим справилась. А ты просто воспользовался ситуацией. Ты когда придумал прикинуться влюбленным — до того, как я призналась, что ты мне нравишься, или после? Ладно, можешь не отвечать: сама дуручка, знала же, что с такими, как ты, мне ничего не светит.

Дамиан ловит мой взгляд.

— Ты же так не думаешь, Виола, ты же правда так не думаешь?

Я смотрю ему в глаза — в самые, черт возьми, красивые на свете глаза — и вздыхаю.

— Нет. Не думаю. Я думаю, что вчера все просто по-дурацки закончилось. До этого было отлично — спасибо тебе. Ну а потом... Ты не виноват. Правда. Я же смотрюсь все-таки иногда в зеркало, хоть по мне и не скажешь. Только, Дамиан, пойми и ты меня: я не хочу тебя видеть. По крайней мере, какое-то время.

Дамиан собирается что-то сказать, но не успевает.

— Что, бастард, отшили тебя? — усмехается Вейл, подходя к нам у фонтана — для разнообразия он один. — Лягушонок мой, Розалинда, давай я тебя утешу? Дамиан скучный, да? Гордый слишком, у него опыта в любовных делах мало, а вот я...

— А ты как был идиотом, так и остался, — усмехаюсь я. Отворачиваюсь и иду на урок. Подерутся эти двое опять — ну и пусть. Не мои проблемы.

А что — в жизни наступают моменты, когда нужно двигаться дальше. Теперь такой момент наступил. Двигаюсь. Снова к «галерке», где мне опять

будет жечь кожу, пока я окончательно не зажарюсь и не стану лягушкой фри...

— Розалинда? — окликает меня Ромион, и я, изумленная, останавливаюсь.

На принца я тоже все утро старалась не смотреть, а то сразу вспоминалось лебединое озеро и так не вяжущееся с хрупким Ромионом чувство защищенности и сказки. Ну какой из него принц! А тоже ведь, закрой глаза и... И самый настоящий желанный суженый получается. Понятно, почему около него столько девчонок. Теперь понятно.

Впрочем, сегодня одно место пустует, ближе всех к Ромиону (как раз где обычно сидит эта рыженькая маркиза, с которой у Ромиона должна быть, по версии моей камеристки, большая любовь).

— Что?

— Садись со мной, — Ромион кивает на свободное кресло. В абсолютной тишине на глазах у изумленного класса. На глазах у Дамиана, как раз заходящего вслед за Вейлом.

Я замираю у парты.

— Тебе же плохо на солнце, — спокойно замечает Ромион в ответ на мое изумление.

Мгновение я смотрю на него, потом повожу плечами (им больно, а сухую кожу стягивает — даром что прикрыта туникой). И, забрав вещи, иду к месту рядом с Ромионом. А что — он мой жених. Должен обо мне заботиться, да? Вот он и заботится. По-своему.

И хорошо, что я не смотрю в этот момент на Дамиана, потому что смотреть на него жалко. Он с таким убитым видом плетется к своей парте...

— Поссорились? — спокойно замечает Ромион.

— Не твое дело, — огрызаюсь я, напоминая себе, что Ромион ночью и Ромион днем — суть два разных человека. Наверное, так же, как и я.

Ромион оглядывается на Дамиана. Снова смотрит на меня.

— Конечно. Между прочим, как там твоя сестра?

— Отлично, — бросаю я таким тоном, чтобы он сразу понял: разговор окончен. А чтобы понял совсем хорошо, начинаю усиленно копать в сумке, хотя все, что нужно, уже лежит передо мной на столе.

— Виола, — после паузы негромко окликает меня Ромион.

— Что?

И, только наткнувшись на его взгляд, понимаю, что только что слегка... сглупила. Или не слегка. Или даже очень сильно сглупила.

— Интересно. — Ромион плевать хотел на взгляды, которые бросают

на нас со всех сторон. Особенно девочки. А уж как посмотрел на нас мастер Хэвишем, когда зашел в класс... Конечно, принц, кажется, впервые (днем) уделяет внимание исключительно мне. — Это у вас семейная традиция? Называться одним именем? Или... нет?

— Да. Семейная, — как можно более уверенно начинаю я. — На самом деле... м-м-м... все началось с нашей... матери, ну, которая фея. Она очень любит цветы... И фиалки. И вообще ее на самом деле тоже зовут Виолой...

Ромион вздергивает левую бровь.

— Отлично. Розалинда... Виола? А теперь можно правду?

Правду? Черт с тобой.

Я вдыхаю поглубже.

— А на самом деле я просто очень завидую моей сестре Виоле. Ты же с ней знаком, да? Ну вот, правда она *прекрасна*? Во всех отношениях. Хочу быть такой же...

Ромион со скептическим лицом слушает, как именно я завидую своей сестре Виоле и как верю, что, если назовусь одним с ней именем, все ее лучшие качества перейдут ко мне. Слушает, а когда я выдыхаю, замечает:

— По-моему, у вас много общего.

— Правда? — с придыханием отзываюсь я. С восторженным придыханием.

— Правда. Даже *слишком* много общего.

Тут мастер Хэвишем наконец-то начинает урок и избавляет меня от необходимости продолжать этот странный разговор.

Ха, и я думала, что на этом все закончится? Как же. Ромион все оставшееся время не отходит от меня ни на шаг. Будто решил вспомнить о супружеском долге. То есть жениховском. Короче, об уходе за мной. У него неплохо получается, хоть и как-то механически, делано. Но получается: вместо Габриэля он несет мне сумку, и он ухаживает за мной за обедом. И да, мы сидим за столиком одни. Как это мило: принц без свиты влюбленных в него девиц. Мне завтра ждать вылитого на голову сока от обиженных поклонниц или Ромион их лучше воспитал?

— Интересный браслет, — замечает Ромион, когда я, стараясь тоже не замечать удивленных и откровенно неодобрительных взглядов, пытаюсь накалывать листья салата на вилку *изящно*. — Дамиан работал?

— Да.

— Твоей сестре он сделал такой же?

— Что?

— Просто я видел его вчера на ней. Интересно... Дамиан сделал два

абсолютно одинаковых браслета?

— Ну... Да.

— Розалинда, — улыбается Ромион, — это невозможно. Это же ручная работа.

— А у Дамиана получилось! — с горячностью откликаюсь я, но Ромион только улыбается.

В конце дня директриса объявляет, что послезавтра состоится турнир. Рыцарский. В общем, все мальчики участвуют. Они ведь уже эти... рыцари. Поголовно. С детства.

Меня это абсолютно не касается, и когда девочки принимаются после занятий переглядываться и шептаться, кто из мальчиков выберет их дамой сердца и кому подарить кружевную ленту, я поворачиваюсь к Ромиону и в упор интересуюсь:

— *Радость моя*, ты же не ждешь от меня ленты?

— Нет, *любовь моя*, — улыбается принц. — Конечно, не жду.

— Ну и молодец, — бурчу я, немного обескураженная. Ну почему его так сложно подкалывать? Он даже на ослиные уши умудрился не обидеться... Точнее, обиделся не так, как я предполагала. Он вообще живой?

Живой — но, кажется, только ночью. Удивительно...

Чтобы окончательно добить, Ромион провожает меня из школы домой. Как образцовый поклонник. И неважно, что мы сидим в карете друг напротив друга и смотрим в разные стороны. И неважно, что молчим, и тишину можно назвать и безрадостной, и угрюмой одновременно. Зато Ромион улыбается чему-то своему. И у меня от его улыбки плохое предчувствие.

Оно оправдывается, стоит нам подъехать к дому. Ромион выходит из кареты первым, подает руку мне, но уезжать после этого не собирается.

— Ну и? — Я окидываю его взглядом, чтобы намек стал еще толще: «Давай, дорогой, тебе пора».

— Могу я увидеть твою сестру, Розалинда?

Да... Все к этому и шло, весь день.

— Нет. — Я бросаю взгляд на бесстрастного Габриэля за моей спиной. Ромион улыбается.

— Почему?

— Она... м-м-м... уехала.

— Правда? И куда же?

— В театр. — Если врать, то правдиво!

— Розалинда, все театры открываются после заката, — продолжает

улыбаться Ромион. — Хочешь знать, что я думаю? Ты меня обманываешь.

— Да?

— Да. Тебя заколдовали не недавно, как ты утверждаешь, а с детства. Ты двоедушник?

— Кто?

— Две души в одном теле, Розалинда. Даже ты должна знать. Две личности. Плюс смена внешности. Сильное проклятие, должно быть? Правильно?

Я мгновение смотрю на него, потом тихо смеюсь.

— Нет, Ромион. Уверяю тебя, в моем теле душа ровно одна. Моя. Тем более не странно ли, что вся Кремания считает меня красавицей? Обо мне же баллады поют, не слышал?

— Слышал, — вздыхает Ромион. — Это и не сходится. Твоя версия?

— Моя сестра. В театре, — с нажимом говорю я. — Включи свои амулеты, магию, что хочешь. Я говорю правду.

Ромион какое-то время еще с сомнением смотрит на меня. Потом кивает.

— Тогда передай ей, пожалуйста, что я жду ее сегодня вечером у озера, — и поворачивается к карете.

— Да-а-а? — тяну я. — Во-первых, не у озера, а заедешь за ней сюда. Или моя сестра потеряется где-нибудь по дороге во дворец. Или ее кто-нибудь перехватит. Кто-нибудь красивый и интересный. Так вот, приедешь и куда-нибудь отвезешь, потому что у озера вы уже были, она мне рассказала. И ей там уже скучно.

Ромион оборачивается, окидывает меня изумленным взглядом. Но говорит лишь:

— А во-вторых?

— А во-вторых, не забудь, что твоя невеста — я.

— Увы, — откликается Ромион. И захлопывает за собой дверцу кареты.

— Вот хам, — выдыхаю я, обращаясь к Габриэлю. — Нет, ты видел? Не поеду я с ним никуда! Ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра!

Габриэль только усмехается. Кажется, он меня тоже хорошо изучил и знает, что вечером я разыграю тут представление в стиле королевы и ее любовника-герцога из «Трех мушкетеров»: «Я не сказала „да“, милорд. — Вы не сказали „нет“!»

Ничего такого, впрочем, я не разыгрываю. К вечеру меня начинает донимать совесть: слишком много лжи, я виновата, хамила Ромиону весь день, на Дамиане сорвалась, веду себя плохо, ай-ай-ай, плохая лягушка!

К тому же Ромион действительно вечером приезжает. Еще до заката. Натыкается на меня, интересуется, не вернулась ли сестра. Я сбегая под благовидным предлогом: «Вернулась! Надо ей помочь! Э-э-э, одеться!»

А потом, стоя за дверью, слушаю, как милый, любезный Ромион спрашивает у моей словоохотливой камеристки, не живет ли здесь такая красавица-принцесса по имени Виола, сестра вашей госпожи, а, милая девушка?

Конечно, не живет. Камеристка в глаза никакую красавицу не видела. Еще и милая? Вы о госпоже? Да вы ее вообще слышали, ваше высочество? Она же как рот откроет — так сразу и не поймешь, принцесса она или свинопаска. Потому что какое уж тут воспитание! Вот у нас, в школе золушек, ей бы влетело...

«Рассчитаю к чертовой матери!» — думаю я, проскальзывая под шумок в спальню. Солнце гаснет за горизонтом, вовремя зашедший проверить, как я, Габриэль прячет улыбку и помогает мне надеть одно из Розалиндиных платьев. Волосы я распускаю совсем — все равно красиво. Итак — розовое видение, закат и романтическая ночь — спускаюсь в гостиную.

Камеристка глазеет на меня, как на чудо света — пока ее не уводит Габриэль. Ромион тоже глазеет — целую минуту, прежде чем встать и галантно поцеловать мне руку.

— Виола?

Я киваю, заглядывая ему в глаза.

— Да. Нам нужно поговорить.

Ромион смотрит мне в глаза — зачарованно. И мечтательно говорит:

— Моя госпожа, мне кажется... мне все равно, что ты сейчас скажешь. Позволь мне вернуть на твои уста улыбку. — И аккуратно берет меня за руку. — Поедем?

— Но... Да... Поедем, — решаюсь я. Не каждый же день мне обещают вернуть улыбку, надо пользоваться моментом. — Но нам все равно нужно поговорить.

— Обязательно, моя госпожа, — кивает Ромион. — Но сначала ты улыбнешься.

Я не знаю, что это за место, где мы в итоге оказываемся. Быть может, параллельный мир — этого не должно существовать в реальности, как мне кажется. Знаете, как обычно рисуют сказочный ночной лес? Волшебные светлячки, облитые луной дорожки, водопады, цветы со светящимися золотом сердцевинами — и все это полнится музыкой, дышит ею, как ароматным, сладким воздухом.

— В королевстве фей, в Зачарованных Садах, так же красиво? — интересуется Ромион, заводя меня в беседку и усаживая на подушки.

— Я не знаю. Я была там только в детстве.

Ромион удивленно поднимает брови.

— Как же это возможно?

— Возможно, — вздыхаю я, пытаюсь успокоиться. — Я хотела поговорить именно об этом.

— Я слушаю, моя леди, — отвечает Ромион, садясь у моего кресла из подушек на колени и не сводя с меня восторженного взгляда. «Слушает ли?» — мелькает на мгновение сомнение, но я честно рассказываю. Почти все. О себе — о настоящей Виоле, о том, что она, то есть я, из другого мира. О том, что навещаю здесь сестру, которая волнуется насчет предстоящей свадьбы. О том, что я не совсем принцесса — разве что по матери. Она, конечно, когда-нибудь станет королевой...

А дальше правда сковывает губы, зато ложь льется сама — легко и велеречиво. Никогда не думала, что я настолько выдумщица. И актриса. Роз, как думаешь, это у нас от матери? Талант к актерству?

Я рассказываю, что мою сестру действительно прокляли после гоблинов. Что она очень из-за этого переживает. Но если в нее влюбиться, она расколдуется и станет... ну совсем как я. Что я сама не живу в доме сестры, конечно, — я же из другого мира. Просто Розалинда открывает мне каждый раз портал — поэтому со мной нельзя увидеться в любое время, а только после заката: там, в моем мире, у меня своя жизнь.

Ромион интересуется, каков мой мир. Живо интересуется. Я не замечая, как обещаю пригласить его в гости и дать послушать Бетховена и Чайковского. Именно их, потому что они мои любимые композиторы. Почему любимые? Ну, во-первых, я люблю «Лебединое озеро»: раз десять была на балете...

Ромион слушает. Долго — и я долго рассказываю ему о себе, о папе (чуть-чуть), о том, что мне нравится и что не нравится... А когда замечая, что говорю только я, Ромион улыбается в ответ и заявляет, что ему интересно. А потом удивляется, почему я смущаюсь.

— Я видел много красивых девушек, Виола. Принцесс и простолюдинок, фей тоже, — говорит он потом, когда мы гуляем по тропинке, а вокруг танцуют светлячки. — Красота сама по себе не значит ничего.

— Да? — улыбаюсь я. — И ты, принц, со мной сейчас не из-за того, что я ослепительно красива?

Ромион тихо смеется.

— Ты особенная. Не красота заставляет твои глаза сиять. И не красота красит твои щеки таким милым румянцем, когда ты почему-то смущаешься, рассказывая о себе. И даже не красота заставляет тебя по-особенному улыбаться сейчас.

— Я особенная? — тихо повторяю я.

— Конечно, — Ромион тоже улыбается. — Я еще плохо знаю тебя, Виола. И, быть может, никогда не узнаю. Но мне хочется, очень хочется проводить с тобой все время, которое у меня осталось. В тебе есть загадка — я хочу ее разгадать. Почему твоя улыбка сейчас такая грустная?

— Потому что ты снова говоришь о своем проклятье. Ромион, неужели в вашем сказочном мире нет ничего, чтобы его сняло? Кроме поцелуя настоящей любви?

— В нашем мире много чего нет. — Ромион походя срывает сверкающий колокольчик и вставляет его мне в волосы. — Настоящей любви, как мне кажется, нет тоже. Но давай не будем об этом, моя принцесса.

— Я не...

— Принцесса. Не титул делает принца принцем, не так ли?

— Твой брат, как я слышала, так не считает, — усмехаюсь я.

— Дамиан, — вздыхает Ромион. — Виола, я хотел тебя спросить... Ты не знаешь, что у него произошло с Розалиндой?

— Ничего особенного, — небрежно отвечаю я. — Дамиан поцеловал ее, вот и все.

Ромион кивает.

— И проклятье не было снято. Жаль.

— Конечно, жаль, — усмехаюсь я. — Тебе же на лягушке жениться.

— Я не успею, — качает головой Ромион. — Дамиана жаль. Он верил, что влюбился. У меня очень романтичный брат, Виола.

— А Розалинду тебе не жаль? — восклицаю я. — Она тоже верила!

— Розалинда? — пожимает плечами Ромион. — Она не пропадет. К тому же мне кажется, ее нынешняя внешность не так уж сильно ее тяготит. Я думаю, Виола, твоя сестра тоже понимает, что не красота важнее всего...

— Моей сестре хочется любви и счастья. А лягушки не получают любовь и счастье. Ты же, например, в нее бы не влюбился?

Ромион внимательно смотрит на меня.

— Уж точно не с первого взгляда. И не с того момента, когда она спросила, тоже ли я проклят.

Я усмехаюсь.

— Роз думала, что ты, как и все принцы, — напыщенный индюк.

— То-то она тогда так поспешила к Дамиану. Он же выглядит, как все принцы.

— Лучше, чем все принцы, — перебиваю я. — Что? Роз так сказала. Лично я его даже не знаю. Но мне жаль сестру. Она надеялась, а ей разбили сердце.

— То-то Дамиан закрылся в своей комнате, и оттуда теперь валит дым, — усмехается Ромион. — С ним так не было даже после смерти отца. Тогда Дами, кажется, просто закрылся в комнате. Правда, на неделю. И распустил по дворцу низших духов... Малышу Томми нравилось с ними играть... Виола, я серьезно: поговори с сестрой. Дамиан такого обращения не заслуживает — пусть хотя бы объяснятся.

— Ты говоришь так, будто он твой любимый брат, — удивленно замечая я. — Разве вы не мечтаете подраться при первом же удобном случае? Роз рассказывала, что вы в ее доме устроили после поездки к королеве на семейный обед.

— Где твоя сестра наелась отравленных яблок? — усмехается Ромион. — Да, было весело... Дамиан мой брат. Он, конечно, избалованный, а уж что у него в голове творится, лучше вообще никому не знать. Но он мой брат. И я на самом деле не хочу, чтобы он в какой-нибудь прекрасный момент начертил магическую схему, призвал Хранительницу Астрала и отправился на тот свет к отцу. Не смотри на меня так, Виола, Дами может. У него как-то был неудачный роман с дочерью маркизы де Креси. Хорошо, что наши комнаты уже тогда располагались рядом, и я играл, а Хранительница заслушалась. Иначе забрала бы Дамиана, как он и просил.

— Ты хочешь сказать... он пытался умереть? — ошеломленно выдыхаю я.

— Дамиан — демонолог. Демоны приходят из потустороннего мира, куда отправляются души умерших. Так что у Дами... своеобразное отношение к смерти. Он ее не боится — это точно. Иногда я ему завидую, — Ромион снова улыбается. — Так ты поговоришь с сестрой, Виола? Пожалуйста.

— Да... — задумчиво обещаю я. — Поговорю... Послушай, Ромион... насчет смерти... Роз рассказывала, что ты вызывал для Дамиана демона и чуть его не убил. Так и было? Зачем ты это сделал? Если ты не желал ему смерти.

Ромион мгновение удивленно смотрит на меня, потом смеется.

— Я? Виола, что ты! Я очень, очень плохо разбираюсь в демонологии. Анималия призвать мне не по силам. Все, что я смогу, — это с грехом

пополам его изгнать. И то потому, что Дамиан с завидным постоянством направляет их на меня. Нет, я тогда просто проходил мимо.

— Ты в замочную скважину подсматривал. И у тебя был ключ, — вспоминаю я. — И руки в чернилах!

— А как я, по-твоему, должен был изгонять анималя? — усмехается принц. — Без чернил? А ключ, который пришлось из фонтана доставать, куда его наша любимая мачеха выкинула? — добавляет Ромион. — Да, Виола, она тоже демонолог. Послабее Дамиана, конечно, — это он у нас восходящая звезда демонологии. И некромантии, если так же пойдет и они с твоей сестрой не помирятся. Но анималя тогда призвала королеву. Я не знаю зачем: может, встретились они накануне в Астрале и что-то не поделили. Но до убийства там точно бы не дошло. Не знаю, почему Розалинда так испугалась. Наверное, она понимает в демонологии еще меньше меня. Но, Виола, поверь, я тут точно ни при чем. Да и зачем? Драться с Дамианом на плацу — одно, и совсем другое — биться с ним на магической дуэли. Мы слишком для этого разные. Да и к тому же... Отец уже мертв. А Дамиан просто слишком нерешителен, чтобы с пользой распорядиться своим даром. Жаль, но завидовать ему теперь я бы точно не стал.

— С пользой? — вздыхаю я. — Тебе хорошо рассуждать: ты принц. Ромион весело смотрит на меня.

— Какая разница! К тому же от этого титула больше проблем, чем пользы. Мы с мачехой могли бы понять друг друга, не будь я наследником. Малыша Томми, нашего брата, я мог бы продолжать учить музыкальной магии — у него нет таланта, зато ему нравится флейта. И музыка. Я мог бы жить долго и счастливо, не будь я принцем. И, быть может, найти свою настоящую любовь... А не уколоться веретеном в семнадцать и заснуть мертвым сном, потому что у мачехи паранойя. Как она может думать, что я взойду на престол и убью ее с братом?.. Не понимаю, когда я настроил ее против себя? Я бы с удовольствием вернул этот момент и проиграл его по-другому, — Ромион ловит мой изумленный взгляд и улыбается. — А что, Дамиан по-прежнему завидует? Что я принц, а он бастард?

— Учитывая, что все вокруг ему об этом напоминают...

— Потому что он им позволяет, — отмахивается Ромион. — Иногда я удивляюсь, в кого мой брат такой дурачок? В мать, наверное. Она, кстати, тоже верила в большую и светлую любовь... Теперь Дамиан уверен, что эта любовь найдет его сама. Или сорвется на него с ветки, как переспевшее яблоко. Любовь нужно строить, как строишь дом, как отношения строишь. А он, я уверен, только смотрел влюбленно на твою сестру, рассказывал ей,

какая она необыкновенная, как им вместе хорошо. И еще о демонологии. Да?

— Не знаю, — я отворачиваюсь. — Роз со мной такими подробностями не делилась.

— Твоя сестра, очевидно, думает про любовь так же, — усмехается Ромион. — Бедняга. Если бы ее заколдовали с детства, она бы тоже знала, что любовь на дороге не валяется. А так ей, похоже, кажется, что в нее должны влюбиться с первого взгляда. Наверное, раньше так и случалось, но сейчас... — он усмехается. — Зато, может, поумнеет... Виола? Тебе неприятно?

Я смотрю в сумрак между деревьями. На светлячков. Куда угодно, только не на принца. А в голове бьется: он ведь прав. Черт возьми, он же прав. Я же действительно ждала любви с первого взгляда. Ну, или со второго. А если нет... Какая еще любовь бывает?

— Извини, мне не стоило так говорить: ты же любишь свою сестру.

— Люблю, — тихо отзываюсь я.

— Улыбнись, моя принцесса, — просит Ромион, и музыка кружит меня. — Какая красивая у тебя улыбка...

Под утро, провожая меня домой, он неожиданно просит:

— Виола, я понимаю, что у тебя своя жизнь, но скажи... У нас скоро будет турнир, каждый должен выбрать даму сердца. Я бы хотел сразиться за тебя.

— За меня? — ошеломленно выдыхаю я. — Ромион, у вас турнир ночью? Потому что если не ночью, то я не смогу прийти...

— И отлично, — улыбается принц. — Мне бы только достать твою ленту. Скажу, что от прекрасной незнакомки. Какая разница? Зато хотя бы раз у меня на руке будет лента девушки, в которую я влюблен.

— Влю... Влюблен? Но, постой, ты же сказал, что не знаешь меня! И... А как же Розалинда?

— Розалинда мне свою ленту точно не даст. К тому же... попроси ее подарить ленту Дамиану. Когда они помирятся. — И невинно смотрит на меня. — Они же помирятся, да, Виола? И да, ты мне очень нравишься. Для влюбленности этого вполне достаточно. — И, бросив на меня долгий, чарующий взгляд, целует мою руку. — Пожалуйста, Виола. Не откажи мне.

— Но... Но... я плести не умею! Тебе за меня стыдно будет!

— Не будет, — улыбается Ромион.

«Зато мне будет», — думаю я, когда он уезжает. И что, что теперь делать? Где я ленту достану?

Две ленты?!

Но я достану. Даже не потому, что Ромион меня попросил, и даже не потому, что робкому Дамиану это нужно (после свидания с Ромионом я на его несчастного брата больше не злюсь). Просто... Дело в том... Я сама не до конца это пока понимаю, но эти несчастные ленты могут что-то изменить, в лучшую сторону. И... И я хочу видеть, как недоверчиво улыбнется мне Дамиан. И благодарно — Ромион.

Удивительно, как быстро эти двое и их мир с его странными традициями (плести ленты, самой?!) стали мне небезразличны.

Но прийти на следующий день в школу пораньше для меня подвиг. С этими ночными свиданиями я совершенно не высыпаюсь! Уже молчу о том, что домашнее задание не делаю — его за меня нынче выполняет Габриэль. Я говорю ему спасибо, удивленно смотрю, но Габриэль — покер-фейс. Я не понимаю, что происходит...

Так вот, прийти — приключение. Найти девочек из моего класса, а точнее, ту, которая, по словам Габриэля, лучшая рукодельница, — еще сложнее. «У нее дар, ваше высочество, если вы хотите, чтобы вам помогли, спросите Мелиссу». Мелисса красивая и нежная, почему-то напоминает мне Русалочку — такой, какой я ее представляла, когда читала эту сказку Андерсена в первый раз.

И эта красивая и нежная оглядывает меня долгим, очень долгим взглядом с ног до головы — мы в школьной столовой, где сейчас завтракают только девочки (мальчики готовятся к турниру). На меня вместе с Мелиссой смотрят и остальные — презрительно, возмущенно, зло. Я стою перед ними и думаю, что зря не взяла сменную одежду. Кто-нибудь сок мне на голову все-таки выльет.

— И что же вам нужно от меня, ваше высочество? — сладким голосом интересуется Мелисса.

Я смотрю в ее нежные голубые глаза и говорю, что мне очень-очень необходимо просто научиться плести кружева. До завтрашнего турнира. Говорю и уже знаю: откажет. Даже думать нечего.

— Принцесса, которая не умеет плести! — восклицает кто-то.

— Глянь на ее руки, — вторит другая. — С такими-то пальчиками!

Ясно... Зря я это затеяла, но не простила бы себе, если бы не попыталась. Надеюсь, у Габриэля есть план «Б»?

Но не успеваю я уйти, как Мелисса встает. Берет меня за руку.

— Пойдем.

— Куда?

— Плести. У нас час. Прогуляем мастера Хэвишема — он не будет против, раз завтра турнир. Он наверняка тоже тренируется. За это время,

думаю, успеем.

— Т-ты... серьезно? Час? А я успею?

Мелисса окидывает меня спокойным взглядом:

— Я помогу.

Мы успеваем. Две ленты, не такие замечательные, как у Мелиссы, конечно, но подарить уже не стыдно. Не это меня удивляет: всю мою жизнь такие, как Мелисса и ее подруги, надо мной только смеялись. Всю мою жизнь я была для них лягушкой и огородным пугалом.

Так почему она согласилась мне помочь?

— Пугалом? — удивляется Мелисса. — Никогда о тебе так не думала. Роз — могу я так тебя называть? — ты же сама с самого начала не желала с нами общаться. Это было видно. Мы не хотели тебя беспокоить.

Я понимаю, что она говорит, скорее, о себе, а не о своих подругах. Что большинство из них за глаза зовут меня лягухой. Но что, если... Что, если правда я виновата? Я, а не мое проклятье?

— Садись завтра на турнире с нами, — говорит мне напоследок Мелисса.

— Мне рядом с вами места снова не найдется, — усмехаюсь я и вспоминаю, что даже в столовой никогда не ем за общим круглым столом. От их взглядов мне кусок в горло не лезет.

— Найдется, — улыбается Мелисса. — Я займу.

Она милая, думаю я. Хоть и красивая. И, кажется, ей тоже плевать, что я лягушка...

На занятиях Дамиан не появляется. Впрочем, не он один: мальчишки все сейчас на плацу. После обеда я спрашиваю себя, хочу ли искать Дамиана по всей школе только для того, чтобы картинно вручить ему ленту и объявить, что буду его дамой на турнире?.. Как-то это даже звучит глупо.

Поэтому я просто устраиваюсь у своего любимого фонтана с лягушкой и ем самолично скрученный ролл с курицей. Вкусная еда — залог здоровья. Знакомство с поварами — залог вкусной еды. Габриэль, кстати, весь день сегодня предпочитает быть невидимым. Как привел меня, так и испарился. «Пожалуйста, ваше высочество, так надо». Ну, надо так надо. Приходится одной есть...

— Розалинда!

Я в панике проглатываю последний кусок и запоздало напоминаю себе, что Розалинда на Ромиона реагирует как на надоедливое насекомое. И что Ромион на нее реагирует так же. И менять это не стоит. Да?

— Чего тебе?

— Розалинда, пойдем со мной. — Ромион выглядит взволнованным, и

на щеке у него отпечаток сажи. Странно.

— Куда?

Но он уже хватает меня за руку.

— Просто пойдем!

И тащит по дорожке вдоль рощи, мимо учебного корпуса, даже мимо карцера и мимо пруда — к похожему на маленький дворец зданию с колоннами в виде великанов. На великанах почему-то ничего, кроме набедренных повязок и венков из виноградных лоз. Смотрится это... пикантно.

Мы пробегаем мимо колонн, мимо группки каких-то парней — дальше в холл, где тоже только парни. Ромиона окликают, пытаются заговорить, но он только тащит меня, крепко держа за руку, куда-то по лестнице, по галерее, в коридор...

Мы останавливаемся перед дверью, обычной дверью — мы с десяток таких только что пробежали. Ромион стучит. Потом пинает дверь и совсем уж раздраженно кричит, что если ему не откроют, он ее высадит. В ответ раздается что-то ленивое, но... очень знакомым голосом.

— Дамиан? — удивляюсь я. — А, так вот ты где! Открой сейчас же, мне ленту тебе отдать надо!

За дверью воцаряется изумленная тишина. Ромион снова дергает за ручку, и на этот раз дверь поддается.

— Я буду здесь, — предупреждает принц. — На всякий случай.

Дамиан лежит на полу, в центре пентаграммы и смотрит на меня так, будто он до этого уже выкурил много, очень много розовой пылицы, а я — его розовый бегемотик в балетной пачке.

— Привет! — жизнерадостно восклицаю я. И спотыкаюсь о ближайшую свечу. Пентаграмма синееет, а из темного угла комнаты на меня кто-то шипит. — Как у тебя тут... э-э-э... мило...

— Виола? — неверяще шепчет Дамиан.

— Ага, — я снова спотыкаюсь. На этот раз о чью-то кость. По размерам она могла бы принадлежать динозавру. — К тебе... м-м-м... можно как-нибудь пройти и не сломать ногу?

Дамиан торопливо вскакивает, быстро-быстро вытирает руки о сорочку (на той остаются маслянистые пятна) и, ловко перешагивая свечи, вмиг оказывается подле меня. А потом так же вмиг поднимает меня на руки (я успеваю только возмущенно вякнуть), быстро озирается, подносит к окну, сметает с подоконника нечто (не хочу даже знать что) и усаживает меня туда.

— Спасибо, — хмыкаю я. И распахиваю окно. Свежий воздух! — Как

ты умудрился тут не угореть? Ладно, не мое дело. Короче. Завтра турнир, ты знаешь?

Дамиан, продолжая смотреть на меня, как на привидение, медленно кивает.

— Отлично. Вот. — Я вынимаю из кармана ленту. Синюю, ту, что первой сплела. — Вот. Это тебе. Я не знаю, как правильно это нужно говорить, но, в общем... Жажду стать твоей дамой сердца.

Пауза.

Я отворачиваюсь и принимаюсь внимательно глядеть в окно, во двор. Оттуда мне машут какие-то странные парни. Они же кричат что-то взволнованно-успокоительное. Что-то вроде: «Держись, мы тебя сейчас спасем!» Не знаю, что они имеют в виду?

— Ты же сказала... что не хочешь меня видеть? — говорит наконец Дамиан.

Я оборачиваюсь.

— Ну, сказала. И что? Я передумала. Ты мне нравишься, забыл? К тому же друзьями мы ведь все равно можем быть.

Дамиан смотрит на ленту в руке.

— Это... не знак дружбы.

В этот момент за дверью раздается громкий голос Ромиона. Вроде бы он кого-то успокаивает, уверяя, что «с ней все в порядке». Вроде бы ему не верят.

— Послушай, Дамиан, если не хочешь, ты мне ленту отдай. Я ее, конечно, сегодня целый час с потом и кровью мастерила... Но я переживу.

Дамиан сжимает ленту в кулаке.

— Нет. Ты мне ее уже подарила. Не отдам.

— Ну и отлично. — Я спрыгиваю с подоконника. — Тогда до завтра.

А забавная у него комнатка. Как у гота. Сказочный принц — гот. Класс!

За дверью Ромион убеждает группу спасателей, что с загадочной «ней» все хорошо. О ком он? Спасатели — парни со двора — гомонят, размахивают руками, потом видят меня, дружно выдыхают:

— Живая...

— Как это удивительно! — фыркаю я.

— Ага...

Я поворачиваюсь к Ромиону:

— У вас тут что, мертвецы по коридорам бродят?

Принц оглядывается на дверь в комнату Дамиана.

— Мертвецы? *Еще* нет...

Потом на пороге появляется сам Дамиан, и «спасатели» в слаженном порыве подаются назад. Не обращая на них ровно никакого внимания, Дамиан смотрит только на меня.

— Виола, давай... Давай я тебя провожу?

На свету он выглядит ужасно. Точно ночью не спал. И чем-то нехорошим занимался...

— Лучше отдохни. — Я хлопаю его по плечу.

— И переоденься, — бросает Ромион, подавая мне руку. — Пойдем, Розалинда. А то ты и правда заблудишься.

Я успеваю обернуться и улыбнуться Дамиану. Он как замороженный смотрит мне вслед. Странный...

Мы снова идем по коридорам, только теперь с Ромионом никто не пробует заговорить. Все смотрят на меня. И шепчутся. Только что пальцами не показывают.

— Теперь ты — знаменитость нашего общежития, — усмехается принц.

О боже, они тут все странные...

— Почему?

— Потому что мой дорогой братец решил начать подготовку к новому эксперименту, для которого ему понадобились девственница и дохлая кошка. Дохлую кошку он раздобыл...

— А на роль девственницы подошла я?

— Именно. Теперь все удивляются, как ты выжила.

Я смеюсь. Но это правда смешно! Дамиан? Девственницу?

— Он же пошутил, да? Серьезно, Ромион, он же шутил!

— Сомневаюсь...

Угу. Дамиан, робкий, милый, нерешительный Дамиан — даже не представляю, чем он собирался заниматься с девственницей!

Я смеюсь, и Ромион оглядывается. Кажется, он тоже считает меня странной.

— Держи. — Отдаю ему вторую ленту. — Виола просила передать. Цени, она специально для тебя научилась плести. — И это почти правда! — Между прочим, сегодня вечером можешь ее не ждать. Она будет высыпаться. — Ну серьезно, сколько можно! Я скоро буду спать стоя. — И тебе это же советует... А спорим, мой Дамиан тебя сделает?

Ромион мгновение просто смотрит на меня, почти как вчера ночью. Потом смеется.

— Сомневаюсь. Но он постарается.

И уже у учебного корпуса, сдавая меня с рук на руки Габриэлю, вдруг

говорит:

— Розалинда. Спасибо.

— За ленту? Пожалуйста. Это для сестры. Ты ей, кстати, тоже нравишься. Только не говори, что я тебе сказала...

— За Дамиана.

— Какая они странная семья, — говорю я Габриэлю уже в карете. — Нет бы жить долго и счастливо. А они сначала дерутся, а потом выясняется, что за глаза друг о друге заботятся.

Габриэль молчит. Кажется, он думает о чем-то своем. Ну и ладно!

К турниру я готовлюсь тщательно: высыпаюсь, одеваюсь ярко, беру пуховки, мастерю транспарант с именем Дамиана, запасаюсь орешками, жареными в пряностях. Это мой первый турнир, буду смотреть с удобством.

Мелисса действительно занимает мне место (другая девушка, слева от меня, косится удивленно, но вроде не пытается отодвинуться). С орешками почти сразу предстоит попрощаться — почему-то никто, кроме меня, ничего подобного взять не додумался. Зато вырядились, как на бал. И дружно обсуждают, явится ли на турнир прекрасная незнакомка, которая, кстати, была на балу. И «ах, наверное, она и прекрасная незнакомка принца Ромиона — одно лицо». И косятся на меня.

— Тебе, наверное, неприятно это слушать? — шепчет мне Мелисса. — Хочешь, я попрошу их замолчать?

— Да нет, все в порядке, — беззаботно откликаюсь я. Не неприятно. Просто странно. Как будто у меня действительно раздвоение личности.

Потом на арену выходит распорядитель и что-то кричит. Я сравниваю его с юркой ящерицей и мечтаю, чтобы он, наконец, заткнулся.

И он затыкается. Потому что проваливается в огромную воронку.

Трибуны замирают.

— Ух ты, — в полной тишине говорю я, доедая остатки орешков. — Крутые у вас спецэффекты.

И тут от воронки, под землей, под трибуны начинает тыкаться и извиваться не то червь, не то что-то очень на него похожее и громадное (может, очередной демон?). Мой браслет сияет, трибуны орут.

А я падаю.

Ну а что — и впрямь крутые спецэффекты.

Ловит меня не Габриэль, которому вообще-то это по должностным обязанностям положено, а смутно знакомый зеленый хмырь верхом на бронированном черве. Хмырь тоже бронированный по самые уши, и его

совершенно не смущает, что сверху на него (и червя) падают комья земли, веера и мои орешки. Он обнимает меня — очень нежно, точно боится раздавить. И визгливо восклицает (прямо в ухо!):

— Розалинда, любовь моя, наконец-то!

Тут-то я его и узнаю. По голосу. Точно, это он немелодично ругался, когда мы с Роз в него горшки с геранью кидали.

Император гоблинов собственной персоной.

Глава 10, в которой я беседую с двумя королями, совершаю заплыв по подземной реке и помогаю старушке донести корзину с яблоками

— Ваш-ш-ше уж-ж-жаснейш-шее велич-чество, — гоблины всегда спотыкаются на шипящих звуках, а придворный маг «уж-ж-жаснейшего велич-чества» с ними совсем не в ладах. — Мой король, это не она.

— Это не я!

— Как это — не она? — недоумевает император гоблинов.

Он молод, подозреваю, лет тридцать — сорок — почти мальчишка по меркам гоблинов. Это бросается в глаза: кожа без морщин, нежно-зеленого цвета, рога еще только проклюнулись, и на ногти он надевает специальные серебряные когти, потому что свои еще не отрастил. А еще, для гоблина, он очень даже ничего. Высокий (опять же — для гоблина), ростом не ниже меня (но и, конечно, не выше). Глаза золотистые, неожиданно яркие (гоблины живут под землей, потому видят за редким исключением плохо, а глаза у них или серые, или молочно-белые). Уши не торчат, как у остальных, а красиво прижаты к голове. Нос... ну, почти не сломан (гоблины — народ задиристый, чуть что не по ним — сразу в драку). Рот, конечно, мелковат... Но если император гоблинов удивляется (вот как сейчас) и округляет его — то очень даже ничего.

Ничего, да. Ничего особенного. Для своих этот гоблин наверняка красавец писанный. Меня даже удивляет, как он умудрился стать императором? У гоблинов же монархия весьма и весьма странная. Абсолютная — это да. Но по наследству власть никогда не передается. Скажи гоблину о наследстве — он покрутит пальцем у виска. Твой папа — император, а ты, следовательно, принц? Ха! Будешь копать в шахтах на равных правах с сыном поварихи. А если хочешь трон — изволь за него сразиться. Раз эдак десять... двадцать... Или больше. По сути, до бесконечности. Вожак, считают гоблины, должен быть сильным, чтобы все его боялись. И это, кстати, работает: с гоблинами предпочитают дружить все вменяемые «солнечные» короли (как они называют тех, что правят на

поверхности).

А следовательно, и этот гоблин добыл себе каменный венец (вместе с каменным молотом — если не ошибаюсь, он тут вместо скипетра) потом, кровью и железными кулаками. Хотя руки у него почти как у Ромиона: пальцы длинные, изящные, а ладонь почти девичья. Не работал он никогда в шахтах — сразу видно.

И как тогда стал императором?

— То есть как — не она? — взвизгивает он, когда гоблинский маг молчит. Всем император хорош (для гоблина), но как пискнет что-нибудь на ультразвуке, так хоть уши зажимай. Орал он на соперников, что ли? У гоблинов уши очень чувствительные.

Маг молчит, а я тем временем пытаюсь вспомнить, как их нынешнего императора зовут. Какой-то там Майяр — это точно. Но это тронное имя уже лет сто как прижилось, так все никак не отлипнет. Считается, приносит удачу. Но именовать им императора вне церемоний вроде бы невежливо. Тогда как? Величать? Их величество меня, между прочим, похитил, так что величания не дождется.

— Не она, — глубокомысленно повторяет наконец маг. Он старый: кожа серая, и весь седой как лунь. Еще и глаза молочно-белые. Жуткое зрелище, чем-то слизня напоминает. И руки у него узловатые, тонкие, как корни, кстати, липкие.

— Не я. — Не знаю, о чем они, но точно надо все отрицать. Когда так внимательно смотрят — лучше идти на попятный.

Я, забывшись, действительно пячусь — на меня шипит не то кот, не то мохнатая ящерица с треугольными ушами. Ростом она с добермана. Страшно.

— Но как же так? — потерянно вздыхает император, и мне даже становится его жаль. Готовился, наверное, организовывал похищение... А там — «не она».

— А можно, я тогда уйду? Ну, если это не я? — шагаю в сторону от ящерицы к выходу из пещерного зала. Увы, у него тут же вырастают охранники: две штуки и в броне от пяток до ушей. — А что? Я же вам не нужна?

— Ну нет! — взвизгивает опомнившийся император. — Сначала ты скажешь, куда вы ее дели! Ты и твой дух! И как ты посмела назваться ее именем, самозванка?!

Я жду, когда эхо от его визга уляжется, тру многострадальные уши и вежливо интересуюсь:

— Чьим именем?

— Ее! — визжит император.

— Ах, ее! — фыркаю я. — Тогда конечно, — поворачиваюсь к магу. — Папаша, растолкуйте, чего этому блаженному от меня надо? — Помните, я, когда волнуясь, сразу хамить начинаю. Потом страдаю...

— Нет, — категорично качает головой маг, — не она...

— Ясно, — вздыхаю я. — Император, твой маг завис. Может, раз уж мы выяснили, что мы друг друга не знаем, то познакомимся?

И тут же задыхаюсь, потому что император гоблинов толкает меня к стене и легонько (наверное, ему так кажется) встряхивает.

— Я тебе сейчас познакомлюсь. Я тебе сейчас так познакомлюсь! — визжит он. — Говори, где принцесса Розалинда?!

— В театре! — машинально отвечаю я. Сложно не ответить, когда тобой стучат о стену. Больно так стучат.

— В каком театре? — изумляется император.

— Не она... — тут же отзывается маг.

Меня начинает разбирать истерический смех. От обиды, злости и страха.

— Не знаю в каком, но она решила стать актрисой и уехала.

— Как актрисой? — изумляется император. — А я?

— Не она...

— А ты в планы не входишь! — перекрикиваю я мага. — Пусти меня!

— Лжешь! — визжит император. — Розалинда не могла меня оставить! Мы клятву принесли! Говори, где она?! — и снова меня трясет.

Розалинда? Клятву? Этому?! Если только под розовой пылью...

— Да откуда я знаю! Пусти меня! — Ха, с таким же успехом я могла бы пытаться сдвинуть гору. Ладно-ладно, я уже начинаю догадываться, как он стал императором, только зачем эту силу на мне демонстрировать?

— Я тебя брошу в самое дальнее подземелье, и ты солнца век не увидишь, солнечная девчонка! — шипит мне в лицо император. — Почему ты назвалась ее именем? Говори, или я с тебя кожу сдеру! Ты видела людей без кожи?

Нет, но даже я знаю, что они обычно не разговаривают. А значит, все эти угрозы... Но, черт, император-гоблин, кажется, настроен серьезно.

И я не хочу, чтобы меня снова трясло, как Тузик — грелку.

— Роз — меня — попросила! — Меня встряхивают последний раз, и я больно ударяюсь о стену затылком. — Уй! Пусти, гад! Розалинда — моя сестра!

— Что? — вздыхает император. И выпускает меня. Я тут же падаю на пол, еще и больно ударяюсь коленками.

— Точ-ч-чно! — восклицает маг. — Сестра!

— Конечно, точно. — Я пытаюсь встать и одновременно тру коленки — по очереди. — Хватит меня трясти, или я буду молчать, как партизан!

— Ты — Виола? — выдыхает вдруг император гоблинов, снова толкая меня к стене и вглядываясь в мое лицо.

— Да!

Гoblin еще пару мгновений смотрит на меня, потом морщится.

— Ничего не понимаю.

— Взаимно, — бросаю я. — Может, тогда объяснимся? Только, чур, больше не орать.

Император отпускает меня и кивает на кресло у ярко-алого камня, заменяющего, наверное, здесь очаг.

— Ну, хорошо, Виола. Но ты рассказываешь мне всю правду. Мой маг узнает, если ты солжешь.

Сомневаюсь: маг выглядит повторно зависшим. Но я послушно прохожу (пошатываясь и шипя от боли) к креслу и падаю в него.

— Так где же твоя сестра?

Я рассказываю. Правду. Всю: гоблины народ суровый, если что — меня и правда могут кинуть в дальнее подземелье и содрать кожу. Оно мне надо? Прости, Роз, но я не подписывалась выгораживать тебя на допросе. Тем более ты какие-то клятвы этому императору принесла. И мне ничего не сказала.

Император с каменным лицом выслушивает и, когда я заканчиваю, поворачивается к магу.

— Она говорит правду?

— Да, ваш-ш-ш-ш... — И он начинает шипеть, как поющая игрушка, у которой сели батарейки.

Император отворачивается.

— Я не понимаю...

— Я тоже, — вставляю я. — Не понимаю, почему вы меня тут все еще держите. Мой отец не король, значит, никакой выгоды вы от моего плена не добьетесь. Если, конечно, вы не ставите на мою мамочку, потому что тогда вы полный...

— Замолчи! — отмахивается император. Морщится, чешет бровь. И неожиданно интересуется: — Ты любишь молоко?

— Да...

— И ненавидишь цветы?

— Да.

— Твой любимый цвет?

— Сиреневый.

— Любимое лакомство?

— Смородиновый мармелад. Только из красной смородины, а не из черной, потому что из черной...

— Хватит. — Он поворачивается, щелкает пальцами. Откуда-то выбегает мальчишка-гоблин с подносом. На подносе красуется кувшинчик молока и мармелад в фарфоровой чашечке. — Ты и правда Виола. Угощайся.

Я с сомнением гляжу на лакомство. Да, а вдруг там яд?

Император усмехается и, словно читая мои мысли, говорит:

— Будь там яд, твой браслет бы тебя предупредил. К тому же я не собираюсь травить сестру моей невесты. Роз мне этого не простит.

— Невесты? Роз? — Я все-таки наливаю себе молока. Ледяное — как я люблю. — Но мне казалось, Роз — невеста Ромиона, принца Сиерны. Собственно, поэтому я здесь.

Император гоблинов устало качает головой. Он смотрит на огненный камень и вдруг чем-то напоминает мне Ромиона. Грустью? Усталостью? Или руками?

— Розалинда и я принесли клятву верности друг другу. Моя магия спит с тех пор, точно так же, как и магия Розалинды. Мы принесли ее в жертву, чтобы быть вместе. Роз — моя невеста. Она отправилась на поверхность, чтобы рассказать об этом отцу и чтобы отпраздновать официальную церемонию.

— Но связь магией... — Я знала про этот ритуал, Роз рассказывала. К нему редко прибегали, и он действительно лишал магии. То есть супруги могли колдовать, но только вместе. — погоди, твое ужасное величество. Как же тогда Роз открыла портал в мой мир?

— Вот и мне интересно: как? — Гоблин устало трет переносицу. — Ты уверена, что это была твоя сестра?

— А кто? — фыркаю я. — Только Роз знает, как меня найти. Даже наша мать... Неважно. И к тому же только Роз могла бы попросить меня сорвать ее помолвку. Мы раз сто так делали — кстати, один раз был с тобой! Знаешь что, вашество? Я думаю, Роз тебя просто обманула. Погостила и сбежала от тебя домой. А там отец посватал ее Ромиону. Она обратилась за помощью ко мне, а теперь играет в театре. Так-то.

— Это невозможно. — Хм, а улыбка у этого ужаснечейства довольно приятная. — Розалинда не любит театр. Ты-то должна знать, Виола. Роз много о тебе рассказывала. Вы очень близки.

— Да... — Я забрасываю в рот мармелад. М-м-м, ледяной —

действительно как я люблю! — Но откуда это знать тебе? Ты Роз похитил. Ты угрожал поместить ее в свой гарем. Давай скажи, что это неправда.

Гоблин поднимает на меня внимательный взгляд.

— А ты совсем на нее не похожа... Гарем, Виола? Мне призналась в любви сама фея...

— Полукровка, твое ужаснейшее, — вставляю я.

Император отмахивается:

— Неважно. И так даже лучше. Так вот, она призналась мне в любви — ты думаешь, гарем меня еще интересует? Я его распустил. И раздарил. Мне никто, кроме твоей сестры не нужен. И я хочу знать, где она.

— Проверь театры. Потом ярмарки. Не знаю, я понятия не имею, куда она могла деться.

— И тебя это не удивляет? — Гоблин внимательно смотрит на меня, и мне под его взглядом становится неуютно. — Твоя любимая сестра исчезла, и тебя это совершенно не волнует?

— Ну... — Волнует, конечно, но это же Роз! С нее станется пропасть на месяц, чтобы потом триумфально вернуться... но не окольцованной! — Я...

— Меня волнует. — Гоблин прищуривается. — Я слышал, что Розалинда в Сиерне, хотя должна быть дома и готовить свадьбу. Я слышал про проклятье, решил, что она попала в беду. Что ее заколдовали.

Угу. Поэтому тут же, как похитил, исцеловал меня всю. А потом изумился, почему поцелуй не сработал.

— И раз это оказалась ты, — гоблин нехорошо улыбается, — то ты же мне кое в чем поможешь.

— И... в чем?

— Ты свяжешься с отцом Розалинды. И все ему расскажешь.

— Я? — Отец Роз — суровый король. И я не очень хочу говорить ему, что его дочь... м-м-м... в театре. — Почему я?

— Потому что меня он точно слушать не будет. — Император встает. — Я похитил его дочь.

— Угу. Твое ужаснейшее? Как тебя зовут-то?

Гоблин подходит к моему креслу, вздергивает меня вверх, больно сжав запястье.

— Ульрик. Можешь звать меня так. Идем.

— Ульрик, да пойми! — Я ковыляю следом за ним. — Да пойми ты, Роз тебя обманула. Ты правда решил, что она тебя любит?

— Мы поклялись.

— Ну и что! Поклялись — и ладно, а Роз сбежала. И поверь, даже если

ты ее найдешь, она к тебе не вернется...

Мы идем темными коридорами, мимо прячущихся в сумраке гвардейцев, мохнатых ящеров и чего-то еще, тоже страшного и неприятного. Но больше всего меня смущает не это, а влюбленный (явно влюбленный) в мою сестру гоблин. Уж конечно, Роз в ответ уверила его, что любит. Чтобы выбраться на волю из этих пещер, еще и не так совершить.

— Ты так думаешь, потому что я гоблин, а она — фея?

— Она полукровка!

— Неважно.

— Нет, важно! Это значит, в голове Роз есть, кроме цветов, мозги, и она ими думает! К ней сватаются принцы — по пять штук за месяц (и это еще в неудачный месяц). И она всех отвергает, потому что — внимание! — свобода ей дороже. Она не хочет замуж!

Мы заходим в другую пещеру, Ульрик снова щелкает пальцами, и всех гоблинов, которые там находились, словно сдувает ветром. Они проносятся мимо меня черными теньями, и я вздрагиваю. Император гоблинов тем временем зажигает пару светящихся рубинов — подозреваю, для меня. Ему-то и сумрака наверняка хватало.

— Розалинда любит меня, — убежденно говорит он. — Я это знаю. Я понимаю, почему ты не веришь: я гоблин, а она фея... полукровка. Но мы любим друг друга. И сейчас она в беде, и я ее спасу. Чего бы мне это ни стоило. Садись. — Он толкает меня в кресло перед громадным зеркалом. Я знаю, что это такое: волшебное зеркало, примерно как в школе. Только там оно служит вместо доски, а здесь наверняка как «Скайп». Я даже помню, как Роз по такому с кем-то однажды общалась. Может, с очередным поклонником?

— Ульрик? Ульрик, погоди. Почему ты думаешь, что отец Розалинды...

Но гоблин уже жмет на какие-то камни в оправе, и вместо моего испуганного отражения появляется кабинет отца Розалинды. Король Кремании вместе со смутно мне знакомым советником играют в кости. Наверное, зеркало у них на стене светится, потому что король после очередного броска поднимает голову и упирается взглядом в меня.

— Э-э-э... Здравсьте, ваше величество.

— Виола? — вяло удивляется король. — Где это ты?

Я смущаюсь. Впрочем, это нормально, я всегда смущаюсь, когда приходится общаться с отцом Роз. Просто он очень напоминает мне моего папу, и я никак не могу избавиться от этого ощущения. Потому порой веду себя странно.

— Я... м-м-м...

— Виола, не тяни. Розалинда рядом? Скажи, чтобы возвращалась. Согласен я, согласен на ее свадьбу. Хоть с гоблином, хоть с троллем, хоть с землекопкой. Пусть возвращается, благословлю.

Что?

Ульрик подходит к моему креслу и напряженно начинает:

— Ваше величество...

На что креманский король делает большие глаза и перебивает:

— За Виолу платить не буду! Учти! Вы меня с этой свадьбой и так разорите. Послушай, Ульрик, сходи войной на гномов, сделай будущему тестю подарок, пусть они мне пошлину снизят...

— Ваше величество! — перебиваю я. С отцом Розалинды надо помнить о манерах, это я знаю, потому что именно он когда-то учил меня придворному этикету. — Пойдите. Вы же устроили помолвку Роз с принцем Сиерны.

— С Ромионом? — искренне удивляется король. — А что, мальчик уже подрос? И мачеха его еще не съела? Так, погоди-ка... Вилена умерла а... А прошло... Ну да, ему сейчас должно быть семнадцать. Если, конечно, Изабелла еще не запекла его в пироге... Но зачем мне устраивать его помолвку с Розалиндой?

— Чтобы получить договор с Сиерной!

— Я и так его получил, — пожимает плечами король. — Зачем же отправлять Роз в их крысятник? Чтобы она его окончательно развалила? Виола, ты бы знала, о чем говоришь! Их королеву в сватьи? Чтобы она накормила меня своими знаменитыми яблочками, если ей что-то не понравится?

Ч-черт... Черт-черт-черт!

— Ну ладно, Виола, дай мне поговорить с Розалиндой...

— Ваше величество, — тихо начинаю я, а Ульрик заканчивает:

— Она пропала.

— Да? — ничуть не смущается король (ну конечно, это же Роз! Ее вечно куда-то несет). — И куда пропала? В смысле, Ульрик, не волнуйся, вы же клялись. У девочки просто предсвадебная горячка. Вот ее мама...

— Папа, она совсем пропала! — перебиваю я. — Ой, простите, ваше величество. Но это правда. Послушайте...

Рассказываю «на бис», но слушают меня так же внимательно. А потом долго молчат. Я тоже молчу и, оттого что волнуюсь, ем смородиновый мармелад, который стащила под шумок, когда Ульрик меня уводил.

— Я сейчас же связываюсь с королевой Сиерны, — говорит наконец

отец Роз. — И пусть только посмеет не ответить, куда она дела мою дочь!

— А я собираю армию, — отвечает Ульрик. — И пусть только посмеет не отдать мою невесту!

— А я... что делаю? — слабым голосом вставляю я.

Оба короля одновременно смотрят на меня.

— Я за нее платить не буду! — восклицает креманский король.

— А я ее и не продам, — усмехается Ульрик. — Она пригодится моим магам. Чтобы найти Розалинду, нужна будет ее кровь.

— Эй! А моя голова им не нужна? — вскрикиваю я.

Но королям уже не до меня. Они совещаются по важным вопросам политики, войны и мира. Я сижу... Сижу и думаю. Странно, но это же Роз меня привела в Сиерну. Зачем? Если выясняется, что помолвки не было... И если не было, то как же Ромион? Он же уверен, что Роз — его невеста. Допустим, принц мне лжет. Но Роз... Роз бы никогда меня так не подставила. Зачем ей?

Есть и еще один вопрос, который мне срочно надо решить.

— Ваше величество, скажите, а вы посылали с Роз охранного духа, Габриэля? — спрашиваю я, когда короли уже прощаются.

— Какого Габриэля? — живо удивляется креманский король. — Охранного духа? Зачем так примитивно, я бы послал с Розалиндой целую армию. Похоже, и так придется... Виола, да зачем? Ее дуэньи не останавливают, а ты — дух...

Прекрасно. Значит, Габриэль тоже приболудился? И в курсе всей этой лжи с помолвкой? И делал вид, что защищает меня?..

— А здесь с Роз его тоже не было? — слабым голосом уточняю я, и Ульрик усмехается.

— Я бы знал.

Удивительно, но вот эта новость — что Габриэль, кажется, чей-то шпион — ранит меня куда сильнее, чем даже исчезновение Роз. Я же думала, что мы с Габи подружились...

Еще и Роз невеста где. Не могу поверить, что она в беде. Это просто невозможно. Роз? Которую все-все любят? Вон даже суровый император гоблинов без ума...

От нее, не от меня.

— А может, ты меня все-таки отпустишь? — прошу я, когда он отводит меня в «гостевые апартаменты». Просторные, красиво обставленные пещеры. Под замком. Со стражей у каменных дверей.

— Нет, — отрезает Ульрик. — Ты сестра моей невесты, и ты должна быть в безопасности. Это во-первых. А во-вторых, ты еще можешь

пригодиться. И между прочим, отдай мне свой браслет.

Я закрываю его рукой.

— Не отдам. И лучше отправь меня домой. Или дай с твоими магами поговорить. — Не все же они такие зависающие, как этот старик — придворный колдун?

Ульрик тяжело смотрит на меня.

— Послушай, Виола. Это моя империя, и здесь мои правила. И ты слушаешься меня. А я сказал, что ты остаешься. И между прочим, попросил твой браслет.

— Да ты мою сестру затиранишь. Ай! — Ульрик больно хватает меня за руку... И тут же отпускает. Но я замечаю, как из браслета высовывается какая-то страховидна, а потом тут же всасывается струйкой дыма обратно.

Ульрик отходит от меня подальше, задумчиво глядя на браслет Дамиана. Потом снова щелкает пальцами, и, как по волшебству, перед ним возникают еще гоблины. Я почти не успеваю их рассмотреть: они кружат вокруг меня, трогают руку с браслетом (очень аккуратно), а потом объявляют его ужаснейшему, что браслет лучше не трогать. А то из него полезут демоны. Очень много. И они все будут защищать меня.

— А можно их оттуда как-нибудь вызвать, чтобы они меня наружу отправили? — вставляю я, но мне не отвечают.

Ульрик трет переносицу, смотрит на меня и раздраженно машет рукой. Гоблины исчезают.

— Хорошо, браслет остается, — говорит император гоблинов. — Но, Виола, если ты...

Видимо, в этот момент на поверхности солнце исчезает за горизонтом, потому что я свечусь золотом и оборачиваюсь красавицей. Ульрик, заслонившийся от света, опускает руки... И потерянно смотрит на меня.

— Розалинда?..

— Мы с сестрой, конечно, похожи. Но не настолько. — Я сажусь в кресло. Ноги устали... — Так что там с «если»?

Ульрик торопливо отводит взгляд.

— Ты тоже фея-полукровка...

— Ну да. Мы же с Роз сестры.

— Просто я... Ничего. — Он старательно на меня не смотрит и пятится к двери. — Не пытайся выбраться отсюда, Виола. Ты нужна мне здесь.

— А ты не хочешь знать, что нужно мне? — Но Ульрик уже исчезает в коридоре, и тяжелая каменная дверь за ним закрывается. На замок.

Отлично. Меня заперли, меня предал мой рыцарь-дух, а моя сестра

невесть где. Замечательно. Что мне теперь делать?

Через час я успеваю облазить все отведенные мне пещеры, поужинать, снова проверить каждый угол. Окончательно умяться. Лечь спать.

Утро вечера все-таки мудренее.

Это смотря какое утро... Выглянув из-под шерстяного (очень колкого!) одеяла, я смотрю на суесящихся по комнате гоблинов. Смотрю и засыпаю снова. Потом просыпаюсь — никого уже нет, зато меня ждет завтрак. Какая-то каша (вроде бы овсянка) и молоко с зеленцой. Мох, что ли? Гадость. Засыпаю снова...

Третий раз оказывается более удачным. Я выползаю из-под одеяла, чуть не ломаю себе шею в купальне (здесь горячие источники, так что с водой мучиться не приходится). С гардеробом, кстати, тоже: меня ждут на выбор с десятков платьев наподобие тех, что висят в доме Розалинды. Или мой вчерашний костюм, чистый и выглаженный. Я надеваю его, выпиваю молоко, игнорирую кашу и долго смотрю на браслет Дамиана. Если внутри духи или демоны, то, наверное, их можно как-то оттуда выгнать, а потом убедить мне помочь.

Видите, не каждое утро мудренее... Вечером мне бы в голову такое не пришло. Вечером я бы пыталась с разбегу высадить дверь или протиснуться в вентиляцию. А может, утонуть в бассейне, ища, откуда там текут источники. Заодно бы наверняка сварилась. Но утром — не-е-ет, утром я уговариваю браслет: «Сим-сим, откройся». Про себя костерю Дамиана: хоть бы сказал, как этой штуковиной пользоваться! Жизнь она ему спасла? Мне, может, тоже, но на фиг мне жизнь в подземелье? А потом Ульрика и правда озарит: отпилить мне голову во благо Розалинде, например. И что? Отпилит. Нет, я этот благой момент ждать не собираюсь. Я сбегу — все равно тут больше делать нечего. К тому же у меня сестра пропала, и я не верю, что армия во главе с женихом сможет ее найти. Как будто Ульрик знает Роз так, как знаю я!

Браслет не уговаривается. Я пробую бить подвески камнем, выковыривать их из оправы — не-а, без толку. Мне приносят обед, но я не обращаю внимания. До тех пор, пока не умудряюсь поцарапать ладонь о каменную резьбу стола, у которого сижу. И пока капля крови не попадает на одну из подвесок.

Струйка дыма вырывается оттуда, окутывает мою ладонь. Мгновение — и никакой царапины. Еще мгновение — и струйка всасывается обратно в подвеску...

— Стоп-стоп-стоп! — вскрикиваю я. — А ну-ка, давай обратно! Давай, а то я себе снова ладонь порежу! И что-нибудь еще такое же сотворю.

Давай!

Струйка замирает, потом расплзается в маленькое облако и поднимается на уровень глаз.

— Чудненько, — улыбаюсь я. — Значит, так. Мне надо отсюда выбраться. Желательно на поверхность.

Облако вспухает, снова превращается в струйку и плывет к двери. Я — за ним.

Дух, демон или кто это — не знаю. Но ему требуется ровно секунда, чтобы справиться с замком и открыть мне дверь. Потом, правда, его замечают стоящие на страже гоблины. Удивительно, они правда хотят справиться с дымом своими громадными топорами?..

Я выскакиваю наружу, пробегаю мимо клубка мутузящих друг друга гоблинов, над которыми клубится туман, и успеваю бросить:

— Спасибо!

Куда дальше — не знаю, но вот в такие моменты очень удобно быть лягушкой. Меня тянет к воде. А вода в подземельях, если не знать дороги в туннелях, обязательно выведет на поверхность. Когда-нибудь.

Беда только в том, что она ледяная. А я, хоть и теплокровная лягушка, но все равно мерзну (ну хоть в спячку не впадаю). Мне удастся зацепиться за какую-то лодку, похожую на гондолу, и изобразить из себя бревно. Знаете, как Горлум плавал во «Властелине колец»? Наш человек, он понимал, как остаться незамеченным. Спросить бы у него еще, как согреться...

Увы, гондола, за которую я уцепилась, верткая — меня мотает, как щепку. А потом мы приплываем в озеро — и вот здесь самое время выбраться из воды, потому что озеро в этих подземельях — примерно как главная площадь в городе. Я мало что успеваю рассмотреть (к тому же вокруг царит сумрак, лишь иногда мелькают светящиеся камни). Но лодок по озеру плавает очень много: они снуют туда-сюда, как ореховые скорлупки, и мне приходится очень постараться, чтобы не попасть под весло.

А на берегу тут что-то вроде ярмарки. Сотня гоблинов в хаотичном движении мечутся от прилавка к прилавку, торгуются, визжат, вопят. Здесь я своим уродством не выделяюсь, но, увы, вижу и слышу куда хуже всех. И постоянно с кем-то сталкиваюсь. Ладно, когда с торговцем — успеваю отпрянуть и извиниться. Но когда передо мной вдруг вырастает очень мрачный гoblin в броне, я понимаю, что он наверняка как-то связан со стражей. И что меня, наверное, ищут.

— Солнечная девочка! — ахают гоблины, когда я пячусь.

— Ква! — отзываюсь я и, увернувшись от лапищи бронированного, бросаюсь в озеро.

Ура — гоблины плохо плавают. Особенно когда на них броня...

В следующий раз я пристраиваюсь бревном на какой-то плот. Здесь всем заправляет престарелый гоблин, тоже седой, как и придворный маг, но еще очень даже живенький. Он что-то гнусаво рассказывают другому гоблину, моложе, и, судя по тону, это лекция. Очень нудная. Прислушиваюсь: действительно, рассказ о ценах на дерево. Эти двое везут товар в соседний поселок и обсуждают, как выгодно продать. Точнее, обсуждает старик, а гоблин помоложе его угрюмо слушает.

Я успеваю отдохнуть, забившись между бревен на продажу. А когда мы снова оказываемся в подземном озере, ныряю в воду. Здесь лодок, слава богу, меньше, и уже можно не бояться, что меня зашибут веслом. Зато, когда нахожу реку и плыву по течению, оно выносит меня к водопаду. Чудом я успеваю ухватиться за камень, выбраться на берег и, стараясь не глядеть на ревущую где-то в темноте воду, бреду, прихрамывая, по каменному туннелю. Заблужусь, как пить дать.

Снова царапаю браслет. На этот раз он только тускло светится, но никакого дыма из него не выползает. Обидно. Но ладно, хоть свет есть. Пойду куда глаза глядят...

Через полчаса я начинаю понимать, что стоило бы вернуться к реке. Еще минут через десять я пытаюсь это сделать, но у меня не выходит. А спустя какое-то неопределенное время панического метания по пещерам я просто сажусь на пол и прикидываю, когда Ульрик и его стража найдут здесь мой бранный скелетик. Наверное, Ульрик его тогда просто где-нибудь спрячет, а сестре что-нибудь наврет. Чтобы она не расстраивалась. М-да...

Вот почему, стоит в темноте забрезжить рубину, я вскидываюсь и встречаю отряд бронированных гоблинов чуть не с распростертыми объятьями.

Понять, что их послал не Ульрик, мне удастся почти сразу: ребята искренне мне удивляются. И так же искренне радуются. А потом очень быстро меня связывают, закидывают на спину самому, наверное, немытому бронированному и куда-то несут. А когда мои возмущения им надоедают, меня просто хорошенько встряхивают. Наверное, я теряю сознание, потому что бронированные даже делают привал и начинают хлопотать вокруг меня, переругиваясь («Солнечные люди такие нежные!»).

Из их разговоров я успеваю понять, что это местные Робин Гуды. Они против Ульрика, они против монархии и вообще они любят подраться. А император заставляет их соблюдать какой-то там закон. Ребятам закон не

нравится, они хотят драться, когда хочется им, а не какому-то императору. А еще они хотят жить весело. Но на это нужны деньги. Поэтому ребята под шумок занимаются работоторговлей. Да, в подземельях есть рабство. Особенно ценятся солнечные люди. Особенно такая красotka, как я. Эти ж солнечные поголовно белые, а я — зеленая. Плюс сто очков к моей красоте.

Кошмар.

Пытаюсь договориться и обсудить права заколдованных принцесс, но меня не слушают. Зато снова закидывают на спину и несут до очередного привала...

У меня, конечно, уже есть план: как только от этих недоумков избавлюсь, надо сказать, что я сестра невесты Ульрика... Лучше сидеть у него под замком, чем заблудиться в пещерах. Почему эта мудрая мысль раньше не пришла мне в голову?

Но все, конечно, происходит не так, как я рассчитывала.

Помните, я говорила, что у гоблинов чувствительные уши? Так вот, от музыки гоблины звереют. А от песни их просто колбасит, честно-честно! Представьте с десятков молодцов в экипировке — этакие тумбочки в броне, вооруженные топорами. Суровые ребята — точно вам говорю. Не из тех, кого хочешь встретить в темном туннеле.

Так вот, останавливаемся мы на привал, я дергаю связанные за спиной руки, гоблины вокруг с каким-то диким акцентом обсуждают мою продажу, смеются, поглядывают на меня, кто-то делает ставки: освобожусь я или нет. А воздух постепенно наполняется мелодией. Скрипка, знакомая мне, сладко шепчет, музыка вьется, закручивается спиралью, и от нее становится тепло даже онемевшим рукам. Я закрываю глаза и улыбаюсь. А вот гоблины скрипке совсем не рады: когда музыка делается громче, они вскакивают, суеются, закрывают уши, орут и топают, лишь бы заглушить скрипку. Я на всякий случай отползаю подальше и удивленно наблюдаю.

А музыка тем временем наполняет воздух гуще, становится громче, сбивает гоблинов в кучу, точно пастух овец. И голос — волшебный, самый красивый на свете — бьет, словно мечом. Не знаю, что он поет, но мне кажется, что стены пещеры светятся, а на полу расцветают голубые розы...

Когда все заканчивается, бедные гоблины в отключке. Я недоуменно озираюсь и, честно говоря, почти ожидаю увидеть Ромиона со скрипкой. Он и правда спокойно стоит перед гоблинами, но без с скрипки, а с коротким мечом наголо. Ловит мой взгляд, кивает и склоняется над кем-то из моих похитителей.

А мне тем временем освобождают руки.

— Виола, — выдыхает Дамиан на ухо. — Ты жива!

— Да что мне сделается-то? — усмехаюсь я, разминая руки. — Привет, Дамиан.

Тот хватает мои руки и принимается быстро-быстро их растирать, а я удивленно смотрю, какой он, бедняга, бледный, как у него глаза горят, точно у сумасшедшего, и губы дрожат... Что это с ним?

— Дамиан, это все, конечно, очень романтично. — К нам подходит Ромион. Собранный, спокойный и невозмутимый — как обычно. И меч уже в ножнах на поясе. — Но не мог бы ты наконец открыть портал?

— Да. — Я забираю руки и незаметно вытираю их о тунику. — А то мне страсть как хочется отсюда выбраться. Вы портал откройте, а потом идите куда шли, ладно? Я вам спасибо скажу.

Дамиан странно смотрит на меня, но спохватывается, вытаскивает из кармана что-то пишущее (уголь, кажется) и принимается быстро-быстро, сноровисто рисовать им на полу пещеры волшебную схему.

— Розалинда, мы здесь за тобой, — говорит Ромион, садясь на пол рядом. Очевидно, порталы открывать — прерогатива Дамиана.

— Да? — удивляюсь я. — Что — и ты за мной?

Ромион тихо смеется.

— Как видишь, ради тебя мы с братом даже нашли общий язык. — В этот момент Дамиан поднимает голову и бросает на Ромиона гневный взгляд. — Впрочем, это временно, — заканчивает принц. — Но я рад, что ты в порядке. Между прочим, почему ты не во дворце Майяра Третьего? Это же он тебя похитил?

Я в ответ смотрю на него. И отодвигаюсь.

— Между прочим... Между прочим, этот Майяр сказал мне, что... — Я натыкаюсь на внимательный, оценивающий взгляд Ромиона и замолкаю.

— Что он сказал?

— Сказал... Ромион, а ты уверен, что я твоя невеста?

— То есть? — Кажется, мне впервые удалось принца удивить.

— Ты уверен, что я должна выйти замуж за тебя? Просто я тут вспомнила... Я принесла клятву императору гоблинов. То есть мы вместе принесли. То есть...

— Не говори глупостей, Розалинда, — Ромион расслабляется и снова улыбается. — Не приносила ты никаких клятв. Это было бы видно по твоей ауре. И к тому же — император гоблинов? Ты, конечно, странная, но не настолько же!

— Угу. — Отодвигаюсь подальше. — Конечно...

— Розалинда? Все в порядке?

— Да... В порядке...

— Розалинда, а где твой охранный дух?

Угу. Мне тоже очень интересно, где он. И не ты ли, Ромион, его послал? А может, это Дамиан? Он же здешний спец по духам? Может, братья только делают вид, что ссорятся, а на самом деле спелись за моей спиной?

— Готово, — говорит между тем Дамиан, и Ромион встает, берет меня за руку и тоже заставляет встать.

— Идем, Розалинда.

— Мальчики, по-моему, нам надо поговорить...

— Конечно, Розалинда, — ласково кивает Ромион, — только сначала мы выберемся отсюда. Смотри, становись сюда...

— Ромион, прекрати с ней так разговаривать! Она не дурочка, — встревает Дамиан.

— А ты настраивайся, братец, настраивайся, — бросает ему Ромион, не отпуская моей руки. — Или сюда придут еще гоблины — и мне опять для них петь?

— Я вызову охранного духа! — вскидывается Дамиан.

— Угу, ты уже вызвал. Не этот ли дух мечется сейчас по дворцу императора гоблинов и орет похабные песни?

— Я случайно с плетением ошибся, — оправдывается Дамиан, поглядывая на меня, — но...

— Ну так сейчас не ошибись.

— А ты мне не приказывай!

— Дамиан, ты можешь хоть что-то сделать по-человечески? Переноси нас!

— Да я тебя сейчас!..

Не знаю, что хочет сказать Дамиан, но я к этому моменту успеваю себя накрутить (вокруг одни предатели! Никому нельзя верить! Особенно мужчинам), осторожно высвобождаю руку и шагаю в сторону... задев какую-то линию. Схема тут же сияет алым, Ромион бросается ко мне, Дамиан что-то кричит, но меня уже кружит... кружит... кружит...

А потом выбрасывает на поляне какого-то очень мрачного леса. Ну очень мрачного: деревья здесь похожи на скелеты самих себя, листьев нет, зато ветвями кроны сплелись так основательно, что свет почти не виден, а стволы покрыты не то мхом, не то паутиной. Надеюсь, что мхом, — не хотела бы я познакомиться с пауком, который ее плел...

— Мальчики. — Я оглядываюсь, но вокруг только жуткие деревья. И тишина... — Вы где? Вернитесь, я все прощу.

Кое-как встаю. Топчусь на месте. Где я? Что делать?

— Ну правда прощу! Пусть даже ты, Ромион, меня обманываешь. А ты, Дамиан, ему помогаешь. Габриэль! Ну ты-то! Мы же булочки вместе ели, помнишь? Ау! Люди! Духи! Есть тут кто?

Никого... Мой крик умирает в зачарованной тишине.

Ладно. Ну ладно... Ладно же! Сидеть тут не буду, браслет... Опять, чтоб его, не работает! Светится только. Ну тогда... Тогда...

Следующий час я развлекаюсь тем, что пытаюсь взобраться на ближайшее дерево и посмотреть, куда идти. Тут же выясняется, что стволы здесь еще и шипастые. Оцарапанная, злая и уставшая, я иду наугад, натываюсь на тропинку и безумно радуюсь. Чем-то все это напоминает мне «Красную Шапочку» (в моем случае, «Красные Шароварчики»), только волка и не хватает. Волка... Эта мысль сильно мотивирует: теперь по тропинке я не иду, а несусь сломя голову. И все мне чудятся за спиной чье-то дыхание и взгляд... А стоит остановиться и осмотреться, как словно сотни ярких глаз следят за мной из-за деревьев...

Так что когда тропинка заканчивается и передо мной возникает заброшенный дом, я стучусь в закрытую дверь так старательно, что она в итоге выпадает внутрь. Там темно, что-то шевелится в клубах пыли, мне снова чудятся глаза... морда... Почему-то в чепчике.

Я с визгом отпрыгиваю на крыльцо.

— Девочка... милая девочка, помоги донести корзинку.

Я оборачиваюсь, встречаюсь взглядом со старушкой — божьим одуванчиком — и визжу похлеще императора гоблинов. Старушка от неожиданности отшатывается.

— Девочка... что с тобой?

— Ничего. — Я по стене пробираюсь подальше, подальше от нее. — А вы кто?

— Я торговка. — Старушка поднимает огромную корзину, прикрытую полотенцем в желтую клетку. — Иду на ярмарку в Занту.

— Ясно. А эта Занта, она где?

— Да здесь, рядом, — старушка кивает куда-то в сторону деревьев, которые будто по волшебству отодвигаются, и между ними появляется тропинка. — Ты заблудилась, девочка? Пойдем со мной. Поможешь корзинку донести...

— Ага. А потом вы меня зажарите и съедите, — шепчу я, но старуха слышит.

— Что ты, девочка. Зачем мне тебя есть?

В этот момент дом вздрагивает, фырчит, воет — я бросаюсь в сторону, падаю и закрываю руками голову. А когда все наконец затихает и я рискую

осмотреться, милая старушка стоит над грудой серого меха и чем-то, напоминающим кухонный нож, вырезает у этой груды клыки. При этом бормочет что-то вроде: «Продам их на черном рынке... Когда еще так повезет... Не выгонишь же...» Замечает мой изумленный взгляд, быстро прячет нож за спину (клыки исчезают там же) и улыбается:

— Ну что, милая, пойдём?

— А... А... Это что?

— А это, милая... — Старуха смотрит на грудку меха с таким выражением, с каким Роз может смотреть на малиновый торт. — Это оборотень. Луна нынче полная, их тянет на невинных девочек...

— Ясно. — Я пчусь к тропинке, но она исчезает прямо у меня под ногами. — Бабушка, а вы того... ведьма?

Старуха вздыхает. Смотрит на меня. Роняет корзинку.

— Милая моя. Давай начистоту. План такой: я веду тебя по тропинке, как образцовая ведьма, а в награду даю тебе что-нибудь. Что-нибудь вкусное. И ты больше не задаешь вопросов. Или я оставляю тебя здесь, где любой оборотень может тебя скушать. Ясно?

— Ага. А зачем вам отводить меня по тропинке?

— Чтобы сделать доброе дело, дурочка! — Кажется, еще чуть-чуть, и я старуху окончательно доведу. Тогда она возьмет свой тесачок... — За добрые дела мне проклятье скостят. Так мы идем?

— Да. Давайте вашу корзинку.

Выбор у меня все равно невелик: тут съедят, или эта старуха поужинает... А у нее из печи я еще, быть может, выпрыгнуть сумею. С обратным же шансом точно нет.

Минут пять мы идем молча. Я тащу корзинку, она тяжелая, как...

— Бабушка, а у вас там кирпичи?

— Нет, у меня там яблоки, — отзывается старуха. — Ты неси-неси. А то еще и меня сверху потащишь. Ой, что-то у меня сердце!.. — И картинно стонет.

Идем еще метров сто молча. Тропинка начинает петлять, потом неожиданно выводит нас к ущелью. Горбатый мостик перекинут через реку, а дальше живописная полянка, ничем не похожая на ту, где я из портала вывалилась. Мигают светлячки, стрекочут кузнечики, покачивают головками сиреневые колокольчики...

— Здесь и прощаемся. — Старуха забирает у меня корзинку. — Тебе дальше во-о-он, к ущелью.

— А вы... со мной не пойдёте? — удивляюсь я.

Старуха хмыкает и достает тесачок.

— А я пойду на оборотней поохочусь. Раз уж так удачно зашла... Вот тебе, в благодарность. — И сует мне яблоко.

— Спасибо. — Яблоко я беру и тут же пытаюсь придумать, куда б его деть, пока эта ведьма на меня смотрит.

— Что ты, девочка, даже не попробуешь?

— Да знаете, бабушка, как-то не хочется. Но спасибо. И что вывели, и...

— Так ты, может, яда боишься?

— Нет, бабушка, что вы...

— Тогда давай я тоже откушу, — и, выхватив у меня яблоко, кусает в ту половину, что желтая, почти белая. — Видишь? Я живая.

Угу. Теперь-то я его точно выброшу...

— Ну ладно, милая, пойду. А то все оборотни узнают, что я здесь, и опять сбегут. Они ж пугливые бестии. А где честной ведьме нынче раздобыть порошок из их клыков?..

Я тоже прощаюсь, мы обмениваемся любезностями. Потом я смотрю ей вслед и мечтаю: чтоб мне быть такой же боевой в ее возрасте. Оборотней разделявать... Весело, наверное.

Потом поворачиваюсь к полянке... И понимаю, что дико, просто безумно хочу есть. С утра одно молоко... Так совсем отощаю. А из еды у меня только яблоко. Надкусанное, но... А, черт с ним!

Но не успеваю я с удовольствием в него вгрызться (ароматное, с одного бочка алое, почти пурпурное — прелесть!), как яблоко выбивают у меня из рук, а саму меня роняют на траву.

— Розалинда! Не смей! — кричит Ромион, пока Дамиан пытается с меня встать. — Ты с ума сошла? Оно отравлено! — И пинает мое честно заработанное яблоко в кусты.

— Сам ты отравлен! — Я смотрю на яблоко: на него налипли мелкие травинки, и еще им собрался подзакусить какой-то жук. Правда, этот жук почему-то тут же падает замертво. Наверное, поражен крутизной вкуса и аромата моего яблока.

Дамиан подает мне руку, но Ромион отталкивает его и, схватив меня за запястье, заставляет встать.

— Куда тебя опять понесло?! Зачем ты сместила портал?

— Не смей на нее кричать! — тут же отзывается Дамиан.

— А ты молчи, идиот, из-за тебя... Розалинда, да куда же ты?!

— От вас подальше, — я пытаюсь отбежать, но Ромион снова ловит меня за руку. — Деритесь сколько влезет, только без меня.

Ромион вздыхает, переглядывается с затихшим Дамианом.

— Все хорошо, Розалинда. Сейчас мой брат начертит еще один портал... И на этот раз все сделает правильно!

— А что сразу я? Это ты!..

Я пытаюсь вырваться, но Ромион держит крепко.

— А я с вами никуда не пойду!

Это заставляет их замолчать.

— Розалинда? В чем дело?

— А знаете, что я думаю? — Я перевожу взгляд с одного на другого. — Я думаю, что вы мне врите. Оба.

— Я тоже? Виола, нет...

— Оба?! — всхлипывает Ромион и наконец выпускает меня. — Да я этого идиота ни в одну интригу не возьму! Розалинда, успокойся, если кто здесь и врет, то только ты.

— Я? Это вы... Ну-ка, Дамиан, скажи, где мой дух?

— К-какой дух?

— Габриэль где?

— Я не знаю! Откуда я...

— Да! Откуда ему? — подхватывает Ромион и идет за мной, пока я пачусь. — Розалинда, послушай, я не знаю, что ты себе придумала, но...

— Стойте!

Поздно. И я, и Ромион, да и бросившийся за нами Дамиан уже наступаем на что-то, и это что-то вспучивается зелеными побегами и оплетает нас буквально с ног до головы, как щупальцами.

— Вейх, — в унисон выдыхают братья. И тут же, хором: — Розалинда, не шевелись!

Я замираю.

— А чего? Надо успокоиться и получать удовольствие?

— Как-то так, — отзывается Ромион, тоже затихший в стеблях. — Дамиан? А давай мы с тобой еще один договор заключим? Как у тебя с магией?

— Сейчас, — Дамиан осторожно освобождает руку и тут же вскрикивает, потому что особенно юркий побег ее туго захлестывает.

— Ясно, — вздыхает Ромион. — Значит, мы тут до рассвета. Если, конечно, нас до этого никто не съест.

— Я... сейчас... что-нибудь... придумаю, — пыхтит Дамиан, но его уже спеленали так, что он при всем желании не может пошевелиться.

И тут до меня доходит:

— До рассвета?!

— Да, Розалинда, рассвет — это когда солнце встает, — саркастично

отзывается Ромион, а мою руку с браслетом обжигает.

Половина стеблей падает, остальные отползают, но не отпускают до конца: за руки и ноги я все равно оказываюсь скована, точно цепями. И то же самое у братьев.

— Это ненормальный вейх, — выдыхает Дамиан. — Он уже должен уползти...

— Вижу, — огрызается Ромион. — Розалинда, кто дал тебе яблоко?

— Не знаю... Старуха какая-то.

— Королева Изабелла, — выдыхает Дамиан.

— Угу. — Ромион висит в побегах тоже совершенно спокойно и невозмутимо, но взгляд его гаснет. Как...

Солнце!

Я снова бьюсь.

— Розалинда, успокойся. Королева ничего тебе не сделает. Она и яблоко-то дала, чтобы нас привести, — успокаивает меня Ромион. — Просто подожди...

— Не могу я ждать! — Солнце все ниже... — Дамиан, пожалуйста, из этой штуки можно как-то выбраться? Мне очень нужно!

На Дамиана и раньше было жалко смотреть, а теперь и вовсе — он краснеет, мою руку снова обжигает, но ничего не происходит.

— Розалинда, прекрати! — встречается Ромион. — Королева наверняка поставила барьер. Так, Дами?

— Д-да, — пыхтит Дамиан.

— Вот видишь. Дами, успокойся. Если ты продолжишь, тебя это убьет.

— Но Виола...

— Виола тоже успокоится. И подождет королеву.

Я с тоской смотрю на гаснущее солнце.

— Да... Дамиан, правда. Не надо. Я не хочу, чтобы ты умирал.

Дамиан вскидывает на меня полный надежды взгляд.

— Правда?

— Правда...

— Розалинда, а о чем ты хотела с нами поговорить? — встречается Ромион.

Я сглатываю, и в этот момент солнце окончательно проваливается за горизонт.

Золотая вспышка...

И одинаково изумленные взгляды братьев. И слаженное:

— Виола?..

— Я так и знал, — выдыхает потом Ромион, отворачиваясь.

А Дамиан, наоборот, в упор смотрит на меня.

— Виола... ты... ты... Это ты была?..

Я повожу бедрами — чтобы хоть так подтянуть сползающие шаровары.

— Да... Вот, собственно, об этом я и хотела с вами поговорить.

Глава 11, в которой со мной играют, как с мышкой, а потом пытаются съесть

— Ну, в общем... Я как бы... Это... Ну...

— Ты как бы, ну, в общем нам лгала, — ядовито передразнивает Ромион.

Я почти не обращаю внимания ни на его тон, ни на издевку в словах. Мы с Дамианом смотрим друг на друга: Дамиан — на меня... всю, с ног (очень стройных в это время суток) до груди (высокой и пышной), там ненадолго задерживается, потом скользит к моему лицу (помните Барби?). Но в глаза не глядит, хотя я так пытаюсь поймать его взгляд!

— Итак, Виола, — не унимается Ромион. — Расскажи нам, что тебе пообещала наша мачеха? Вечную молодость? Вот эту красоту? Или вы с ней что-то пооригинальнее придумали?

— Что? — вскидываюсь я. — Мы?! Какие еще «мы»? Да не обещала она мне ничего!

Дамиан бросает на брата короткий взгляд и снова принимается разглядывать меня. И, судя по его лицу, лучше мне было оставаться лягушкой. Не так, совсем не так должен смотреть влюбленный (хорошо, хотя бы заинтересованный) юноша на свою девушку, превратившуюся в красавицу девяносто — шестьдесят — девяносто, подвешенную за зеленые «цепи», беззащитную и виноватую.

— Не обещала? — смеется Ромион. И тоже поворачивается к Дамиану. — Братец, эй, очнись! Скажи что-нибудь от себя. Или мне одному выражать наше общее недовольство?

Дамиан часто-часто моргает, потом вовсе отворачивается. И горестно выдыхает:

— А я тебе верил!..

Пауза. Я пытаюсь справиться с дрожью и быстро-быстро стучащим сердцем. Дамиан упорно на меня больше не смотрит. Не держи его побег, наверное, сбежал бы подальше и от меня, и от брата, и от всего белого света — рисовать волшебные схемы и вызывать демонов. Вместо того чтобы выслушивать мои объяснения.

Ха, но я тоже какова: самой духу не хватало признаться и не лгать. Обоим. Теперь они имеют полное право на меня злиться. И хорошо, что

никто из нас уже не сбежит от этого разговора...

— Ясно, — усмехается Ромион. — Это все, на что мой братец способен. Предсказуемо. Что ж, Виола, тогда я скажу за нас двоих: ты лживая дрянь.

Я вздрагиваю. Не от обиды, а от неожиданности: чтобы безукоризненный принц так выразался... Кажется, я его сильно задела. Очень сильно.

Ромион тем временем продолжает:

— Ты играла нашими чувствами, а сама за нашими спинами сговорила с королевой Изабеллой. Скажи хоть, за что ты нас продала? Надеюсь, это было что-то дорогое, раз уж ты позволила ей тебя проклясть. Или тебя с детства так? А ухажерам король-отец платил, а? Ну да, наверняка. Значит, кто-то из нас должен был это проклятье с тебя снять? Погоди-ка... Ну конечно, Дамиан! Ты же после его поцелуя прибежала ко мне вся в слезах! Не вышло у тебя с братцем, да? Бедняжка!.. — На мгновение в его взгляде пробиваются жгучее сожаление и гнев. Но принц быстро успокаивается и уже невозмутимо повторяет: — Так какова наша цена, Виола?

Мы смотрим друг на друга в упор — и Ромиону очень повезло, что меня держат побеги. Ох, как бы я ему сейчас врезала!.. Ладно, лгала — но... э-э-э... «играла чувствами»? А моими чувствами никто не играл?!

— Ты закончил? Мне уже можно говорить?

— Ну конечно, милая Виола. Мы все — внимание. Дамиан, очнись! Послушай, как наша красавица на этот раз выкручиваться станет.

Дамиан бросает на меня колкий взгляд, и я не выдерживаю:

— Да, я вам лгала! Да, я с вами обоими встречалась... Но по очереди! И вообще — при чем тут королева? Свет клином у тебя, Ромион, на ней сошелся? Нет, молчи! Слушай теперь меня. — Глубокий вздох... Не мямлить! Не оправдываться! — В общем...

Рассказываю. Наконец-то рассказываю все, от начала до конца: от Розалинды, попросившей меня сорвать ей свадьбу, до императора Ульрика, уверенного, что Роз до этого принесла ему клятву, и короля Кремании, утверждающего, что никакой помолвки с принцем Сиерны не было и быть не может.

После того как я заканчиваю, снова наступает тишина. На этот раз задумчивая. Ромион молчит — какое счастье! — и внимательно разглядывает меня: наверное, следил за каждым жестом во время рассказа, за выражением лица, взглядом. Так он поймет, лгу я или нет?

Дамиан, наоборот, закрывает глаза. Наверное, представляет себя где-

нибудь в другом месте, подальше от нас. Похоже, он теперь нас обоих ненавидит.

Мне неожиданно неприятна эта мысль. Глупости — ну какая разница, что этот Дамиан чувствует? Его мои чувства не волновали, когда он меня целовал. Почему его чувства должны волновать сейчас меня?

Но волнуют.

— Похоже на правду, — говорит наконец Ромион. — Пожалуй...

— Конечно, похоже! — Я дергаюсь в побегах-цепях от избытка чувств. Стебли в ответ сильнее сжимают мои запястья. — Это и есть правда!

— Да, — задумчиво протягивает Ромион. — Ложь бы ты придумала более складную.

— В смысле?

— Кое-что не сходится. Например, зачем твоей сестре так подставлять тебя, если, как ты утверждаешь, вы ладите. Нет, Виола, это странно: все знают (и даже я слышал), что принцесса Кремании души не чаёт в своей сводной сестре. Что же, выходит, и это ложь?

— Нет... Нет, Роз бы никогда меня не предала!

— Вот видишь. И все-таки благодаря ей ты здесь. Ты же уверена, что к тебе приходила именно Розалинда? Не кто-то на нее похожий?

— Конечно! Уж Роз-то я узнаю!

— И все-таки, Виола, как же получается, что твоя любящая, заботливая сестра тебя обманула и завела в ловушку?

Я смотрю на Ромиона: он явно собой наслаждается. Умненький, хитрый принц. Удивительно, его как будто совсем не смущает, что он, как и я, скован по рукам и ногам побегами, висит в воздухе и ждет ведьму-охотницу-на-оборотней. Или этот умник уже придумал, как нам (или только ему, с него станется) выбраться?.. Или мне стоит восхититься его самообладанием.

— Виола?

— Я не знаю, Ромион. Ты же у нас самый умный — ты и скажи.

Принц усмехается, снисходительно глядя на меня. И я вдруг понимаю: это же маска. Как и собранность с самоуверенностью. Тоже маска. Под ней принц, быть может, дрожит от страха, но мы этого не увидим. Над нами он будет смеяться, и чем страшнее ему, тем громче и обиднее будет этот смех.

Мне очень жаль Ромиона...

— Получается, что твоя сестра в беде, Виола. Скорее всего, она у королевы Изабеллы. И тогда я Розалинде не завидую: ее величество ненавидит красавиц. Наверняка Розалинде уже подарили вкусное спелое яблочко, и принцесса Кремании спит мертвым сном, — Ромион поднимает

голову, ловит мой взгляд и, помедлив, добавляет: — Спроси у королевы, когда она вернется за добычей... то есть за нами. Может, она просто превратила твою сестру в лягушку? Так ведь тоже может случиться.

Я криво улыбаюсь. Да, конечно, лягушка предпочтительнее мертвого сна. Лягушка же, безусловно, живая. И если так, то где мне тогда искать Роз? По всем болотам этого мира? И как узнать? Впрочем, узнать труда не составит: Роз будет той лягушкой, что станет громче всех квакать. И около которой соберется больше всех лягушек-поклонников. Это уж точно.

— Хорошо, — Ромион кивает чему-то своему. — Есть еще одна странность. Погоди-ка...

— Габриэль, — тихо вставляет Дамиан. — Охранный дух.

— Да, — Ромион встречается с братом взглядом. — Охранный дух. Ты утверждаешь, Виола, что отец Розалинды его не посылал? Кто же тогда?

Но, прежде чем я успеваю огрызнуться (откуда мне в самом деле это знать!), Дамиан добавляет:

— Он не дух.

— А кто же? — удивляюсь я.

— Брат, у тебя есть что нам рассказать? — поднимает брови Ромион.

Дамиан опять немногословен:

— Он высший демон.

— Правда? — спустя изумленную (в моем случае — непонимающую) паузу усмехается Ромион. — Надо же! А я тогда звездная лисичка. Дами, ты там в порядке? Голова не болит? Галлюцинации не начались? Сколько меня ты видишь?

И по тому, что спокойствие принца снова оставляет, я понимаю: высший демон — это что-то нехорошее. Кажется, даже очень нехорошее.

Дамиан бросает на Ромиона усталый взгляд.

— Он действительно высший демон. Я только сейчас это понял. Мне каждый раз было... странно в его присутствии. Только высший демон может закрыться от демонолога.

— Только их вы не заставляете себе служить, — кивает Ромион. — Дами, поправь меня, если я ошибаюсь: последний раз, когда высший демон выбрался из Астрала, эльфы не досчитались Вечного леса. Вечный лес, Виола, — поворачивается он ко мне, — это такой... большой лес. Очень большой.

— Я в курсе. — Да что такое! Снова меня за дуру держат! Что, раз я из другого мира, то ничего не знаю? — В нем появились первые феи. Мама рассказывала.

— Вот, и этой громадины не стало, потому что эльфы тогда не

поделили землю с гномами и додумались призвать на помощь высшего демона. Они почему-то думали, что смогут его контролировать. Как ты, наверное, догадываешься, в итоге досталось и эльфам, и гномам. А демон, закончив свой танец, отправился обратно в Астрал. И вот, Дамиан утверждает, что твой душка-охранник — высший демон. Дами, ты точно хорошо себя чувствуешь?

— Отлично я себя чувствую! — рывкает Дамиан. — И я знаю, что говорю. Габриэль — высший демон. Я не представляю, как он сюда попал и почему изображает из себя охранного духа... Но нам всем сильно повезло, что он почему-то это делает, вместо того чтобы просто нас уничтожить.

Я вспоминаю душку Габриэля, как он готовил за меня домашнее задание, помогал с гардеробом, ел булочки... У меня не получается представить Габи опасным монстром, каким его изображают Ромион с Дамианом. Но вместе с тем...

— Дамиан, а духи питаются булочками?

— Виола, — отвечает мне вместо брата Ромион, — даже я, хоть и не демонолог, знаю, что духи не способны поглотить материальную пищу.

— Дамиан? — зову я.

Тот качает головой, не глядя на меня.

— Нет. Никогда.

Значит... Но зачем Габриэлю этот маскарад? Зачем терпеть меня? Прислуживать?

— Ха, но и высшему демону булочки тоже не нужны, — усмехается Ромион. — А этот твой Габриэль их, похоже, ел, да, Виола?

Дамиан наконец-то снова смотрит на меня — тоже ждет ответа.

Мне становится неловко.

— Я предложила. Позавтракать со мной. Он мне булочки принес, а я угостила... Что?

Тишина. Дамиан изумленно открывает и закрывает рот. Ромион снова усмехается.

— Это невозможно! — восклицает наконец Дамиан. — Ты снова лжешь! Ни один демон не станет есть с человеком!

— Я? Лгу?! По-твоему, я только и делаю, что лгу?!

— Похоже, что да.

— А сам-то!..

— Дети, не ссорьтесь, — кривит губы Ромион. — А то сейчас придет страшная ведьма... Кстати, вон она.

Мы с Дамианом одновременно умолкаем и смотрим туда, куда глядит

принц. Ничего там нет. Разве что дымка какая-то колыхнется.

— Это ведь был Зачарованный лес? — спрашивает вдруг Ромион. — Мы сейчас на его границе?

— Да, — отвечает Дамиан, щурясь. — Ромион, но там нет никого. Там, — он кивает туда, куда глядит принц.

— А это неважно, — весело откликается Ромион. — Я тут еще вспомнил, что на границе Зачарованного леса время идет быстрее, чем в остальном мире.

— И... что? — уточняю на этот раз я: Дамиан снова с тяжелым вздохом зажмуривается. Наверное, медитирует: ищет путь в нирвану.

— Ничего, — отмахивается Ромион. — Просто мой день рождения, кажется, наступит неожиданно раньше. Великолепно!

Я успеваю вспомнить о его проклятье (за всеми этими нервными объяснениями совсем вылетело из головы), испугаться и подумать, что так не бывает. И даже по глупости сказать об этом Ромиону. В сказках же всегда побеждает добро.

Ромион отворачивается от дымки на краю леса, смотрит на меня, как на дурочку, и смеется.

— Добро? Не знаю, как в сказках, Виола, но в жизни побеждает сила. А ты законченная наивная оптимистка.

Я уже придумываю, что сказать ему в ответ — что-нибудь обидное (я же его поддержать хотела, зачем он так?), но побеги вдруг нас отпускают, и мы падаем... По ощущениям — в кроличью нору. Только, наверное, быстрее, чем летела Алиса. И мимо ничего не проносится. Только темнота... которая в конце концов сменяется тусклым серебристым светом, и я снова вываливаюсь на что-то твердое, больно ударяясь головой. Вторая шишка за день...

Но на этот раз Дамиан с Ромионом хотя бы рядом.

Мы не в лесу, мы в какой-то комнате: маленькой, очень пыльной (сразу тянет чихать) и пустой, если не считать потускневших гобеленов на стенах. Лунный свет пробивается через грязное окно слева от меня. Двери не видно. Может, я просто не замечаю ее в сумраке?

— Где мы? — спрашиваю я шепотом — просто вокруг стоит такая тишина, что нарушать ее страшно.

Дамиан подает мне руку (и снова не смотрит в глаза).

— Это старая часть королевского дворца, — его напряженный голос разбивает недовольную тишину. — Странно, что королева перенесла нас именно сюда. Тут же ничего нет... Может, ее портал тоже сбился? Ромион... Ромион, что с тобой?

Принц зачарованно смотрит на гобелен: на нем чахоточного вида дева вцепилась в единорога, а вокруг нее то ли гномы, то ли непропорционально изображенные люди. Наверное, художник курил что-то покрепче розовой пыльцы. Единорог у него точно получился бредовый: здорово напоминает обалдевшую козу с витым рогом между налитыми кровью глазами.

— А? Нет. Ничего, — Ромион тоже встает, но медленно, словно заторможенно. — Давайте выбираться отсюда, пока наша любимая мачеха нас не нашла.

— Погоди, — Дамиан снимает с ворота сорочки подвеску-амулет. — Вот, возьми, — и сам крепит ее изумленному Ромиону на ворот.

— Дами, но это же твой талисман, — выдыхает принц. — Он твой! Ты с ним никогда не расстанешься.

— Тебе он сейчас нужнее, — отвечает Дамиан, и странно: это не звучит избито или пафосно. — Если сейчас и правда время твоего семнадцатилетия...

— То он мне не поможет, — заканчивает Ромион, но подвеску снимать не спешит.

— А вдруг? Я-то королеве не нужен. Мне она ничего не сделает. Я здесь, как обычно, в довесок к тебе, — говоря это, Дамиан первым идет к двери — она действительно прячется в сумраке. Ромион смотрит не на нее, а на брата и, кажется, собирается что-то сказать, но Дамиан его опережает: — Идемте. Может быть, еще успеем до того, как королева опомнится и подсунет тебе веретено.

И мы идем: по длинному пыльному коридору, где темно, а свет дает только мой браслет да подвеска у шеи Ромиона. Я пару раз спотыкаюсь: здесь, оказывается, широкие щели в полу между паркетинами. Ромион, идущий позади, подхватывает меня под руку. Я тихо говорю ему спасибо, но принц не отвечает.

— Что будем делать, когда выберемся? — бросает через плечо идущий впереди Дамиан.

Ромион молчит, поэтому отвечаю я:

— Можем вернуться ко мне домой...

Братья так дружно усмеваются, что мне становится обидно. Я их, между прочим, пригласила, несмотря на то что в прошлом они этот дом чуть не разнесли.

— А ты бы что делал? — спрашивает Ромион у Дамиана. — Ты прав: ты не нужен королеве. Фактически ты свободен. Уезжай из Сиерны. Ты же давно об этом мечтаешь.

— Отец хотел, чтобы я закончил обучение, — качает головой

Дамиан. — Он сказал мне это перед смертью. Я не нарушу последнюю волю короля.

— Наш отец свихнулся перед смертью, — неожиданно зло говорит Ромион. — Ты так и будешь выполнять последнюю волю старого идиота?

— Он наш отец! — вскидывается Дамиан.

— Что не отменяет того, что он старый идиот, — огрызается Ромион.

Интересно, они могут хоть пять минут не рычать друг на друга?..

— Неправда! Если ты им недоволен, это еще не значит...

— Дами, он женился на этой гидре-королеве! Ты думаешь, человек в своем уме на такое способен?

— Она его приворотила!

— Вот я и говорю: старый идиот — связаться с ведьмой. Неважно, Дами. Просто подумай, что она устроит здесь, когда ее короне больше ничто не будет угрожать. Сейчас поцапается с гоблинами, потом с королем Кремании, наверняка выйдет за него замуж, а то и за императора гоблинов тоже, с нее станется. Обоих отравит — и в перспективе захватит весь мир.

— Ром, это уже слишком. Зачем ей весь мир?

— У нас очень деятельная мачеха!

Они смеются, оба. Как нормальные братья.

— Я все-таки за то, чтобы ты уехал, — говорит потом Ромион.

— И оставить здесь тебя? И Виолу?

— Попробуй провести Виолу к креманскому королю, пока он тоже не свихнулся от любви к нашей мачехе. У него наверняка есть маги, способные отправить Виолу домой.

— У меня еще и мама есть, — вставляю я. — Она, конечно, не ахти, но поможет, если попрошу. Давайте все вместе поедem к ней?

Братья сначала смеются:

— К феям? О да!

А потом Ромион, резко оборвав смех, вдруг говорит:

— А что — хорошая мысль. Езжайте к ней. У фей вы точно пока будете в безопасности — от Сиерны Сады далеко...

— А ты? — в унисон с Дамианом спрашиваю я.

Ромион усмехается.

— А я засну мертвым сном. Вы же слышали проклятье. И тогда мне будет уже все равно где: в Сиерне или у фей. Но вы лучше меня здесь оставьте, потому что тащить мертвеца к феям...

Дамиан резко останавливается.

— Почему ты вечно это делаешь?

— Что делаю?

— Сдаешься. Ну, прокляли! Проклятье можно снять! Любое проклятье можно снять! А ты даже не пытался!

— Спроси у Виолы, легко ли найти настоящую любовь, — парирует Ромион.

— Но должен же быть способ!

— Какая тебе разница, братец? — шипит вдруг принц. — Ты же хотел, чтобы меня не было.

Дамиан вздрагивает, точно его ударили, и кидается к брату, но я вовремя становлюсь между ними.

— Почему вы всегда это делаете?

— Что? — в унисон, но не слишком дружелюбно отзываются они.

— Вы же братья. Вы же любите друг друга. Обязательно драться?

— Я?

— Его?

И хором:

— Ненавижу!

Я улыбаюсь. Ненависть просто плещет через край!

— А вам это не кажется странным? — говорит вдруг Ромион. — Этот коридор не заканчивается.

Подвеска на его ворота вспыхивает сильнее, а Дамиан раздраженно бросает:

— Ну конечно!

— Что? — волнуюсь я. — Что это значит?

Ромион стискивает мою руку.

— Виола, помолчи. Не мешай.

Дамиан в это время оглядывается, по-собачьи принюхивается и вдруг толкает стену слева от себя. Его рука проваливается сквозь нее — волшебство, да и только! Дамиан водит рукой, потом поворачивается и исчезает в стене весь. Откуда-то слышится только его приглушенный голос:

— Все. Пришли.

Ромион ведет меня к стене, которая выглядит совершенно нормально и очень твердо. Я моментально понимаю, что чувствовал маленький Гарри Поттер, когда пытался попасть на свою платформу.

— Виола, не бойся, это всего лишь иллюзия.

— Ты думаешь, мне от этого легче?

Ромион тихо смеется.

— А если я предложу тебе остаться здесь?

Я усмехаюсь.

— Да. Теперь мне намного легче.

Но зажмуриваюсь, прежде чем вслед за Ромионом оказаться в еще одной пустой пыльной комнате, но побольше и аж с тремя грязными окнами. Дверь маячит рядышком, Дамиан уже ждет нас у нее.

— Наверное, здесь еще с десятков подобных ловушек, — говорит он и рукой ощупывает ближайшую стену. — И хорошо, если только таких. Странно, зачем... Ромион?

Принц отпускает мою руку и идет к окну.

— Ромион, в чем дело? — спрашиваем мы в унисон.

— Все хорошо, — голос у принца странный — тихий и как будто мечтательный. — Я... сейчас... — И еще Ромион зачем-то сжимает правую руку в кулак, а потом принимается тереть указательный палец. Меня пробирает дрожь. Что-то подобное чувствуешь, когда смотришь фильм ужасов, только сейчас, конечно, страшнее. Не смотришь, а участвуешь в нем.

Мы с Дамианом переглядываемся. И почти одновременно бросаемся к принцу — правда, Дамиан меня отталкивает, да так сильно, что я падаю и больно ударяюсь бедром о пол. Ромион ничего этого не замечает — он идет, точно лунатик, и, словно видение из сна, перед ним появляется прялка — единственная вещь, на которой пыли нет. Кончик веретена слабо поблескивает в лунном свете, хотя веретено должно быть из дерева, разве нет?

Дамиан ловит брата, прежде чем Ромион успевает подойти к прялке, и оттаскивает к двери.

— Ром, Ром, очнись. Ну же! — Пощечина Ромиону не помогает, взгляд у него все такой же мечтательный. — Виола, идем отсюда!

Я подавляю дрожь, поскорее встаю и помогаю Дамиану вывести обмякшего принца за дверь.

— Ну теперь понятно, зачем этот лабиринт, — выдыхает Дамиан. — Здесь, конечно же, на каждом углу по прялке. Ром, просыпайся! Ты еще не коснулся этого проклятого веретена!

— Да, — шепчет Ромион и кое-как встает, держась за брата. — Спасибо...

Дамиан хватает его за руку и решительно тащит вперед по коридору. Я за ними еле поспеваю. Сейчас бы Габриэль мне по привычке помог... Нет, нельзя его вспоминать, он же наверняка где-то здесь и наблюдает за нами. Может, даже вместе с королевой. Предатель...

Ромион, как пьяный, с трудом переставляет ноги, но Дамиан как будто этого не замечает. Мы почти бежим, еще несколько раз проваливаемся в похожие пыльные комнаты, все, естественно, с прялками. Один раз Дамиан

вырывает веретено у принца из рук буквально в последний момент.

— Это не может так долго продолжаться, — выдыхает он, снова таща Ромиона за руку. — Она же с нами играет!

Мне хочется сказать ему что-то успокаивающее, но добавить нечего: мы заперты в лабиринте пустых комнат, везде по прялке, и, пока Ромион не коснется веретена, нам отсюда не выбраться.

— Пусти, — шепчет принц, наверное, прокрутивший в голове то же самое. — Пусти, Дами, она меня все равно достанет. Лучше сейчас... Мне сейчас почти не страшно...

Дамиан только стискивает зубы и ускоряет шаг. Но то ли королеве надоело ждать, то ли так и было задумано с самого начала, в следующей комнате мы оказываемся посреди какой-то схемы на полу. Я в ужасе цепляюсь за Дамиана, тот шипит что-то ругательное, а Ромион дергает рукой и на этот раз ему удастся вырваться. Дамиан не может его остановить — барахтается в чем-то невидимом. В паутине, как я понимаю, потому что сама застряла в такой же штуке. И, что еще хуже, она не только нас парализует, она еще и лишает голоса — всех нас, кроме Ромиона.

В сказках всегда бывает такой момент, когда героя настигает беда. В той же «Спящей красавице» принцесса все-таки касается веретена, несмотря на все ухищрения ее отца. Только, когда читаешь, это воспринимается как неизбежное. Ведьма же сказала: ты заснешь. И да, принцесса засыпает. Так должно быть. Мне всегда казалось, что это вовсе не трагедия: впереди же обязательно будет прекрасный принц, который найдет и спасет принцессу.

Ромион медленно, как зачарованный, подходит к прялке, поднимает руку... Я вижу его и одновременно бледное, отчаянное лицо Дамиана. И вспоминаю, как сам Ромион говорил, что никакой настоящей любви не будет, что ему предстоит спать вечно. В этот момент мне становится страшно: я смотрю на Ромиона, который обреченно, как марионетка, протягивает руку, и понимаю, что чуда не будет. Сказка или нет, спасатель не явится. Не выпрыгнет сейчас прекрасная дева из-за иллюзорной стены с криком: «Ромион, моя настоящая любовь, дай я тебя поцелую!» Принц действительно заснет. Навсегда.

Но маленькая, малюсенькая надежда во мне все еще теплится — ведь так же быть не должно! Какая же это тогда сказка?!

А потом Ромион касается веретена. Выдыхает — в наступившей тишине это как последний вздох.

И падает замертво.

А тишину нарушает совершенно безумный злодейский смех...

Над ним принято смеяться, над таким смехом. Злодеи всегда хохочут: «Муа-ха-ха!» Только это совсем не смешно, когда ты не можешь пошевелиться, а принц, чьим самообладанием ты восхищалась, лежит перед тобой и не дышит.

Нет, это совершенно не смешно. Это страшно. Я настолько испугана, что когда невидимая паутина вдруг исчезает и я снова больно падаю на пол, то встать не получается. Я парализована страхом: это такой момент, когда понимаешь, что надо быстро-быстро убегать — и не можешь. Ничего не можешь, даже рта раскрыть. И на этот раз дело совсем не в магии.

Зато я могу смотреть. И я смотрю, как довольная королева Изабелла, появившаяся словно из ниоткуда, улыбается, глядя на Ромиона. Как за ее спиной стоит привычно невозмутимый Габриэль. Как Дамиан, поднявшись, не обращая ни на кого внимания, бросается к брату. Хватается за свою подвеску, та радужно мерцает, но ничего не происходит. И бледный, кажется, тоже испуганный Дамиан дрожащими руками водит в воздухе над принцем. Но ничего не происходит. Ничего.

Я вздыхаю — в наступившей тишине это как всхлип. Дамиан вздрагивает и, словно очнувшись, поворачивается к королеве.

— Расколдуй его!

Королева улыбается. Прекрасная, милая королева со змеиной улыбкой.

— Дамиан, дорогой мой, зачем? Разве так он не хорош? Мне всегда казалось, что ты мечтаешь, чтобы он замолчал. Навсегда. Да, я помню, ты даже однажды сказал это ему в лицо. И поверь мне, теперь наш милый принц будет молчать — вечно.

Дамиана словно подбрасывает. Он срывает с Ромиона подвеску, сжимает в руке — и между ним и королевой в воздухе пролегает черта из золотых сверкающих не то рун, не то символов. Красиво — будь это картиной, ею можно было бы наслаждаться. Сейчас же становится только страшнее.

— Ты можешь снять проклятье, — угрожающе говорит Дамиан. — Сделай это — или ляжешь здесь, рядом с ним.

Королева наклоняет голову к левому плечу — волна черных волос красиво падает ей на грудь.

— Дамиан, не делай глупостей. Он мешал нам обоим. Мне казалось, ты ненавидишь принца Ромиона.

Дамиан вскидывает руку, золотая линия закручивается в спираль — королева отступает на шаг, но тут Габриэль небрежно, лениво щелкает пальцами. Золотая спираль исчезает, а в кулаке Дамиана гаснет подвеска. Дамиан, ахнув, роняет ее, точно она жжет ему пальцы.

— Спасибо, — королева мило улыбается Габриэлю и снова поворачивается к Дамиану. — Милый мой, зачем так нервничать? Ну-ну, я понимаю, ты еще просто не осознал, что для тебя значит его, — она кивает на Ромиона, — смерть. Позволь, я объясню. Ты по-прежнему побочный сын короля, но ты по-прежнему очень одаренный юноша. И очень красивый, — улыбка королевы вмиг становится хищной. — Я знаю, что ты всегда хотел стать принцем. И мы оба понимаем, что, даже несмотря на любовь короля к твоей матери, твое желание никогда бы не исполнилось. Но, Дамиан, сейчас это неважно. Я предлагаю тебе стать королем.

Дамиан, открыв рот, смотрит на королеву. У меня, несмотря на панику, вырывается совершенно идиотский смех. В отличие от Дамиана, я уже все поняла. Это до него пока не доходит.

— Что? К-к-как?

Королеве тоже смешно. Ну конечно, боевой запал пропал, а Дамиан такой милый, когда вот так удивляется!

— Все просто, дорогой. Женись на мне. Я сделаю тебя своим королем. Мы будем править Сиерной вместе — мы будем всем миром править вместе. — Я присвистываю, но на меня никто не обращает внимания. Королева продолжает: — Если мы объединим наши силы, с твоим даром да еще и с моим умом мы действительно сможем все. Все наши мечты осуществляться. Только подумай, Дамиан: ничего невозможного не будет! И все, все, кто втапывал тебя эти годы в грязь, будут ползать перед тобой на коленях. Любая красавица, любая фея, — кивок в мою сторону, — которая тебе понравится, будет твоей. Ты только представь!

Дамиан представляет, и лицо у него становится совсем по-детски изумленным.

— Но почему...

— Что, милый? — А королева, похоже, мысленно замуж за него уже вышла. — Что такое?

Дамиан моргает и смотрит на нее в упор.

— Почему я?

— А почему нет? — смеется королева. — Ты мне идеально подходишь: красивый, одаренный, милый, неамбициозный мальчик. Ты будешь хорошо смотреться рядом со мной на троне. И у тебя не появится желания его забрать.

— Я буду хорошо смотреться на троне, — повторяет Дамиан и тоже смеется. — Ну конечно! Тебе нужна красивая кукла, милая мачеха, а не король.

Королева пожимает плечами и снисходительно отвечает:

— Мне нужна одаренная кукла. Бесполезного красавца я всегда смогу найти, а одаренных мало. Дамиан, соглашайся. Я с тобой предельно честна. Такие, как она, — снова кивок в мою сторону, — споют тебе про настоящую любовь. Но ее не существует. Есть только красивая ложь, в которую верят глупцы, неудачники и отчаявшиеся проклятые. А я тебе не лгу. Честность очень важна в отношениях.

Я закрываю глаза. Мне тоже, как некогда Дамиану, хочется оказаться подальше отсюда. Желательно дома, где папа так же говорил мне про честность, но я оказалась слишком слаба, чтобы не лгать.

— Да, — медленно кивает Дамиан. — И вы очень честно однажды отравите меня. Когда я перестану красиво смотреться на троне.

— О, не волнуйся, — отмахивается королева. — Я подарю тебе вечную молодость. Это несложно.

Я снова смеюсь, и Дамиан бросает на меня короткий взгляд.

— Спасибо, ваше величество. Но, как вы сказали, я неамбициозен. Мне не нужен трон. Но я польщен. — Это у него получается почти так же ядовито, как у Ромиона.

Королева долго смотрит на него, потом вздыхает.

— Жаль. Но ты же понимаешь, что если не рядом со мной на троне, то ты мне не нужен? И понимаешь, что ты мне отказал. Догадайся, что чувствует отвергнутая женщина?.. Хочешь яблочко?

Дамиан удивленно моргает, а королева уже протягивает ему яблоко.

— Ешь, милый. И ложись рядом с братом. Или кинжал в спину. Только предупреждаю, я в жизни лишь пару раз била человека в спину и не уверена, что сразу попаду в сердце. Есть шанс, что умирать ты будешь долго. И мучительно.

Дамиан переводит взгляд на бесстрастного Габриэля. Потом почему-то на меня.

Я не выдерживаю:

— Да отпустите вы его! Вы уже одного принца убили, вам мало?!

Королева поворачивается ко мне и одаривает снисходительной улыбкой.

— Принцы хороши, дорогая, лишь когда они мертвые. Только тогда они не могут прийти и помешать моим злодейским планам. И ты скоро к ним присоединишься. Эх, жаль, что ты красива — я уже почти решила, что нашла в тебе родственную душу. Жаль, жаль...

— Да вы спятили!.. — Я пытаюсь встать, но Габриэль снова щелкает пальцами, и меня как будто приклеивает к полу. Еще и язык отнимается.

Дамиан бледнеет.

— Если я соглашусь на вас жениться, — спрашивает он у королевы, — вы отпустите Виолу?

Королева качает головой — как будто бы с сожалением.

— Нет. Девочка — одаренная фея. Она опасна. К тому же красива. Мне же нужны красавицы... Нет, не отпущу.

Ха, и мне раньше было страшно?..

Дамиан кивает, смотрит на спящего Ромиона и вырывает у королевы яблоко. Я зажмуриваюсь и только тогда понимаю, что по моему лицу текут слезы. Но нет, так же не должно быть, не должно!..

Смеха на этот раз нет. Я открываю глаза, вижу Дамиана рядом с братом — точно такого же бледного, неподвижного и спокойного. Мертвого.

Королева склоняется над ним, отводит упавшую на лоб прядь.

— Жаль... А какой был мальчик... Томми его обожал...

— Зачем? — вопрос срывается с губ сам, я даже не сразу понимаю, что могу двигаться и говорить. — Габриэль, зачем? За что?..

Но отвечает мне королева:

— О, Виола, все просто: Габриэль... ты же так его называешь? Милое имя для высшего демона. Так вот, он поклялся служить принцессе Кремании. И освободится, только когда эта принцесса умрет. Твоей сестре осталось недолго. Тебе... тоже.

Я смотрю на спокойного рыцаря и плачу от бессилия. Все это... чтобы меня убить? Глупо...

Где же наконец добро, которое победит?!

— Моя... сестра? Она у вас?

— О да. — Королева помогает мне встать. — Идем. Покажу ее тебе. И... — Она поворачивается к Габриэлю, что-то быстро говорит на непонятном мне языке. Габриэль кивает.

Наверное, это снова портал, но «мягкий», без полета: просто стены комнаты тают, Габриэль и принцы исчезают...

А я вижу Розалинду. Сестра безумно худая, одета в жуткое тряпье, спутанные волосы падают на грудь, когда она склоняется над какими-то ледышками.

Я бросаюсь к ней:

— Роз!

— Ви. — Роз мечтательно улыбается и снова возвращается к своим ледышкам. — Погоди, погоди... Я должна, должна...

— Роз. — Я ощупываю ее лицо, заставляю смотреть на меня. — Роз, очнись! Это же я, ты ничего не должна, Роз!

— Нет, я должна... собрать слово... «вечность». У меня не получается! Но я соберу...

Я поворачиваюсь к королеве.

— Послушайте, это уже не смешно! Что вы сделали с моей сестрой?!

Королева улыбается.

— Как видишь, ничего страшного. Ее отец и ее милый жених мне пригодятся. Поэтому принцесса Розалинда проживет чуть дольше своей сводной сестры. А вот ты, Виола, в этом мире никому не нужна. Идем.

И снова стены тают, а Роз исчезает. Я не успеваю, совсем не успеваю ничего сделать... Да и что я могу?

— Если я не нужна, тогда отпустите меня. Зачем убивать?

Королева удивленно смотрит на меня и останавливается.

В комнате, пустой и тоже пыльной, нет ничего, кроме огромного зеркала.

— А ты еще ничего не поняла, милая? Нет? — она усмехается. — Да, жаль, что ты фея. И жаль, что в этом мире ты никто — Томми ты тоже понравилась, и стала бы хорошей для него невестой. Тоже бы неплохо смотрелась на троне... по ночам. Милая моя, мне очень нужно было избавиться от наследного принца Ромиона. Он мешал мне занять трон. Его любят аристократы и даже простой народ! И только он мешал мне стать настоящей королевой, а не регентом. Вот только как от него избавиться, если этот принц хитер и достаточно умен, чтобы пить противоядия от всех зелий, которые я успеваю придумать. А наемники! Даже за огромную плату — а я была щедра — отказывались принимать заказ. Хоть сама берись за меч... Я провела ритуал и узнала, как убить мальчишку. И знаешь как? Он заснет мертвым сном, если ты будешь рядом.

— Я? Но почему я? При чем тут я?

— Это магия, милочка, — усмехается королева. — Тебе не понять, но при определенных ингредиентах результат зелья всегда предсказуем. И, как видишь, все получилось: ты здесь — и мне подворачивается проклятие, которое я накладываю на принца, а он тратит все время на такую дурочку, как ты, вместо того, чтобы очаровать какую-нибудь... Золушку, чтобы та его потом оживила. Прекрасно. И, благодаря тебе, поймать его оказалось тоже проще. Благородный принц бросился за своей пропавшей невестой! Бедный Ромион, если бы он сразу знал... Так что да, дорогая, ты очень помогла его убить.

Я сажусь на пол — ноги не держат. Все это абсурд, чепуха, этого просто не может быть. Это не со мной...

— Это вы. Это правда вы... Вы Роз для этого...

— Да, милая. Если ты о том, что я внушила твоей сестре пожаловаться тебе и открыла для нее портал, — да, это я. Ты сама пришла в наш мир, охотно согласилась сделать все так, как я запланировала. Отвлекла и наследника, и настоящего жениха твоей сестры. Тобой даже управлять не пришлось.

— Они вас убьют, — тихо говорю я. — Император гоблинов и отец Роз. Вам с ними воевать.

— О, они ничего не сделают, пока твоя сестра у меня. А потом... потом уже будет поздно. Ты знаешь, Виола, ты ведь мне приносишь удачу. Твоя сестра чудом привязала к себе высшего демона — представь, приняла его за духа. Этот Габриэль попался, как мальчишка. И он, конечно же, с удовольствием помог организовать все это, чтобы освободиться от креманской принцессы. Тебя. Твоей сестры. Я пообещала ему убить вас обоих. А он же тут как бы дух, — королева улыбается. — Твоя сестра брала с него клятву как с духа. А дух не может помешать злой королеве-ведьме. Так что, как видишь, в любой клятве найдется лазейка... Ох, ну ладно, хватит об этом. Подойди-ка сюда.

— Но убивать-то зачем? — выдыхаю я. — Я поняла, Габриэлю... это нужно. Но вам?

Королева подводит меня к зеркалу.

— Вообще-то незачем. Но ты красива. Я ненавижу красавиц. Я бы вас просто так убивала, но могу использовать, чтобы сделать мою красоту еще ярче.

— Зачем?!

Королева становится рядом со мной, и я вижу в зеркале рядом с отражением красавицы Барби... уродливую, горбатую ведьму. Она действительно мерзкая: длинный нос в бородавках, глаза-щелки, серая прыщавая кожа, редкие волосы... Горб.

— Я знаю, что такое быть некрасивой, как видишь, не понаслышке, — улыбается рядом со мной красивая милая королева. И ее отражение-горбунья улыбается тоже.

— Я тоже, — добавляю я. — И если вы думаете, что красота стоит чьей-то смерти...

— Красота — это тщеславие, моя милая. Я добыла ее, я научилась ею пользоваться. Вместе с ней я получила власть над мужчинами. Ты полагаешь, это не стоит чьей-то смерти? — Она поворачивает меня за подбородок к себе. — Я думала, ты уродлива всегда, а не только днем. Пока не увидела тебя на балу. Жаль, не будь ты красавицей по ночам, я бы пальцем тебя не тронула. Даже отдала бы тебе этого мальчишку Дамиана,

если он так тебе нравится. Ты бы сделала все, что мне нужно, и я бы предложила тебе стать моей ученицей. Но, — она вздыхает, — ты к тому же глуповата...

Я мотаю головой. И замираю перед зеркалом, скованная.

— Твоя красота и жизнь, — продолжает королева, — будут моими. Через зеркало. К рассвету все будет кончено. Ты станешь очень старой — лягушки столько не живут. — Она запускает пальцы в мои волосы, словно приценивается. — Хороши... Что ж, спокойной ночи, милая фея. Жаль, что так получилось. Мне действительно жаль. Я хотела убить сегодня только Ромиона.

Я смотрю на себя в зеркало, не в силах пошевелиться, и вижу, как горбунья-королева ковыляет к волшебной схеме-порталу.

— Но так ведь не должно быть... Где же добро?! Все не может закончиться именно так!

Королева оборачивается ко мне, прежде чем исчезнуть в портале.

— Может. И закончится. Потому что я так хочу. А я умнее, сильнее и, — она улыбается мне, — красивее вас, добрых.

Глава 12, в которой я отказываюсь стареть, снова встречаюсь с императором гоблинов и вспоминаю про мою ведьму-крестную

Осколок зеркала... Осколок зеркала троллей попал Каю в глаз, но, когда мальчик увидел Герду, он заплакал, и осколок вытек вместе со слезой...

Я закрываю глаза и кусаю губу почти до крови. Боль позволяет сосредоточиться. Ладонь ногтями я уже исцарапала. Наверное, тоже до крови.

Нужно было заставить Розалинду плакать. Нужно было, чтобы она рыдала. Почему, почему я не додумалась до этого тогда, когда королева так удачно показывала мне Роз?! Сестру наверняка заколдовали этим, как его... троллячьим зеркалом — как в «Снежной королеве». Вот и собирает слово «вечность». Не дай бог соберет — останется с королевой навсегда?

А теперь уже поздно, я застряла тут, перед другим волшебным зеркалом (у королевы просто пунтик на зеркалах!), и вроде как должна медленно стариться. Наверное, очень медленно, потому что никаких изменений в отражении я пока не вижу. Но еще не вечер, да? В смысле не утро. Я по-прежнему прекрасна, по-прежнему молода... Скована каким-то заклинанием и даже пошевелиться не могу!

Сколько времени прошло? Ну королева, хоть бы часы мне оставила! На худой конец, песочные. Я что, должна стоять тут навтыжку и ждать невесту сколько? Не-е-ет, я хочу умереть в комфортных условиях! Хотя бы с часами. Ну уж точно не парализованная. Ай, нос чешется... Сейчас чихну... И даже пальцем не пошевелить.

Нет, я протестую! Запихнули меня в какую-то пыльную каморку, двигаться нельзя, ничего нельзя — жди себе, Виола, смерти. Да щас! Ну-ка, а если пальцем... Так, палец на руке не работает. А на ноге? Черт, теперь еще и под коленкой чешется. А королева тут давно насекомых травит? Может, меня уже блохи атакуют?

Ну что такое — никаких условий для комфортной смерти! Если действительно умру (так, кажется, палец на ноге все-таки шевелится), то королева обзаведется личным привидением. Я буду выть ей каждую ночь

про права человека, Гринпис и ювенальную юрисдикцию. И никакая магия ее величеству не поможет — это я обещаю!

Ну вот, руки немеют. Это от натуги? Или это я уже старею? Ничего, сейчас я пальчиком-то пошевелю...

О, еще и перед глазами вспышка. Чудесно, то есть я ослепну перед смертью? Ну королева, ну стер... Эй, а это еще что? Оно мне чудится или... Дамиан? Но Дамиан же лежит, заколдованный, вместе с Ромионом!

Голову повернуть не получается, поэтому я смотрю в зеркало, где отражение Дамиана бесшумно перелезает через подоконник, ступает на пол, подняв облако пыли, и начинает обходить меня по широкой дуге, зачем-то внимательно рассматривая пол.

Я пытаюсь открыть рот, поинтересоваться, что он делает — но моргание, похоже, мой предел. Шевелиться я все еще не могу.

Дамиан тем временем вынимает откуда-то из кармана уголек, наклоняется и что-то рисует. Это что-то таинственно мерцает синим, а потом исчезает.

Ничего больше не происходит, только Дамиан кивает чему-то своему и подходит ближе. Я изумленно гляжу, как его отражение около моего замирает, протягивает руку... Ай!

Дамиан возвращается обратно к тому месту, где рисовал мерцающий знак. Сжимает в руке волос, который только что у меня вырвал (между прочим, мог бы аккуратнее!) и что-то шепчет. Снова наклоняется, опять что-то рисует...

И снова шагает ко мне, легко (как и раньше) подхватывает меня на руки и относит к окну. А тем временем вторая я (ничем не отличающаяся от настоящей) стоит, замерев, у зеркала.

— Что ты сделал? — выдыхаю я и только сейчас понимаю, что — ура! — снова могу двигаться. — Как ты... Ты живой?!

На этом даме в беде полагается спасителя расцеловать, но Дамиан уже перегнулся через подоконник и, кажется, что-то к стене прикрепляет. А я снова чихаю. Это от пыли.

— Виола, ты высоты боишься?

— Нет... А что?

Дамиан выпрямляется и становится передо мной.

— Хватайся и держись крепче. И лучше закрой глаза. Мы будем спускаться по стене.

— Что, как кошки? — фыркаю я. — Ладно-ладно, все. Держусь. А зачем глаза закрывать?

Дамиан перелезает через подоконник, опускает руки, и — мамочки! —

у него когти растут!

— А ты точно Дамиан? — шепчу я ему на ухо.

— Точно, — шипит он в ответ. — Я тебе лгать не стану!

— Да?

— Да, я не такой, как ты.

— Дамиан, ну я же извинилась. И вообще, будешь меня пилить, я руки отпущу...

— А ты летать умеешь, фея?

— Нет, но я зла и расстроена. Так что это не проблема. Ну-ка, сколько там до земли?..

— Не смотри!!!

— Мама!!! — в унисон кричу я. — Дамиан, ползи обратно! Ползи, я туда не хочу! Дамиан, кто это? Дамиан, ну пожалуйста, ползи обратно! Ладно, я сейчас сама поползу. — И я пытаюсь отпустить шею Дамиана и переползти через него наверх, обратно к окну, которое уже сильно выше нас, а ползем мы по отвесной стене без каких-либо выемок в камне, удобных бортиков или резных завитушек, за которые можно было бы ухватиться.

— Виола, прекрати! — Дамиан как-то по-кошачьи изворачивается и, держась одной рукой за стену, второй цепляет меня. Боже, какие у него когти! А глаза!.. — Пожалуйста, не мешай!

— Ты переродился и стал демоном! — испуганно шепчу я. Правда, одни его глаза теперь чего стоят: желтые, светящиеся и с вертикальными зрачками.

— Нет, это частичная трансформация. Виола, успокойся. Будешь громко кричать, нас услышат.

И я вспоминаю, что там, внизу, нас ждет.

— Дамиан, я не хочу вниз. Дамиан, я серьезно! У них когти еще длиннее, чем у тебя. Дамиан, верни меня обратно!

— Тебе больше по душе остаться у зеркала и постареть для королевы?

— Ну... — Я снова вспоминаю тот ужас, что ждет нас внизу. У них клыки — во! Когти — во-во! А морды какие — кошмар просто. — Да!

— Ты ненормальная, — выдыхает Дамиан. — И почему ты мне до сих пор нравишься?

— Да? До сих по-о-ор?

— Виола, умолкни. Я пытаюсь сосредоточиться, — огрызается Дамиан. Милый, робкий Дамиан, который слово поперек мне сказать боялся?

Хм, а такой он мне даже больше нравится...

— И еще: как только мы спустимся, молчи и делай все так, как я скажу или покажу. Точно так. Поняла?

— Угу...

А когда приказывает — вылитый Ромион. Который, бедняга, спит сейчас заколдованным сном... Я вспоминаю, как он касался веретена, как он говорил, что уже почти не боится, как он... А-а-а!

— Виола, ну что такое?!

— Ромиона... жа-а-алко...

Дамиан тяжело вздыхает.

— Ему я уже ничем помочь не могу, — сквозь зубы, нехотя, отвечает он. — Вытащу отсюда хотя бы тебя. И пожалуйста, ты можешь просто держаться за меня и молчать?

— Могу...

Держусь и молчу. Держусь и молчу. Держусь и... Мама! Там монстр на меня смотрит! А-а-а, я хочу домой, обратно — куда-нибудь подальше отсюда!

Но Дамиан уже ступает на землю, я, чуть погодя, тоже — и мы оказываемся в окружении таких монстров, что в кошмарном сне не приснятся. Они огромны, мохнаты, клыкасты и с жадностью глядят на нас, а из открытых ртов капает слюна...

Я очень надеюсь: Дамиан думал, что делал, когда спускал меня сюда.

Демоны или духи. Наверняка, потому что обличья они постоянно меняют, но клыки-когти остаются неизменными. А когда мы проходим мимо, еще и обрастают шипами. Но все-таки медленно отступают в сторону, дают дорогу.

Я держусь за руку Дамиана, стараюсь идти рядом и вижу, как по его лицу капельками стекает пот (хотя здесь совсем не жарко), глаза прикрыты, а губы шевелятся. Ну да, если эти, вокруг нас, демоны, а Дамиан же демонолог, то, наверное, он их заколдовывает? Да? Как-то так.

И все идет более-менее хорошо, пока черное небо над нами не начинает сиять, а я в ответ тут же свечусь золотом. Наверняка где-то не здесь, в нормальном мире, наступает рассвет.

Дамиан поворачивается ко мне, щурится... И наверное, сбивается.

Монстры дружно рычат, их глаза загораются ярче.

Дамиан шипит что-то неразборчивое, и небольшое пространство у нас под ногами огибает, как барьером, золотая линия. Монстры подступают, останавливаются у нее и рычат еще яростнее.

Дамиан выхватывает откуда-то кинжал, озирается, и я ясно вижу по его лицу, что как-то не так он планировал отсюда убраться. И что он

напуган, но всеми силами пытается этого не показывать.

Что мы в полной...

— Виола, стань ближе ко мне.

— И чем это поможет? — Это несправедливо, но я на него злюсь. Вечно у Дамиана все планы рушатся. Хотел меня поцелуем расколдовать — провал. Хотел меня из башни с помпой вытащить и по двору монстров эффектно провести — облом.

— Встань. Ближе. — И сверкает на меня своими желтыми глазищами. Кстати, желтый ему не идет.

М-да, похоже, в минуту смертельной опасности я становлюсь паникующей идиоткой...

— Ну встала. — Ближайшие монстры пытаются пересечь черту, и тут выясняется, что мы с Дамианом стоим в защитном куполе, который мерцает всеми цветами радуги и переливается заковыристыми символами.

— Почему я раньше не замечал, что ты такая? — вздыхает Дамиан, обнимая меня и... О, мы летим. А почему раньше было так не сделать?

Я лягушка-путешественница...

И монстры за нами косяком...

Этот бред когда-нибудь кончится?

— Что ты не замечал? — Я снова цепляюсь Дамиану за шею и думаю: а прилично будет еще и ногами обнять, а то я соска-а-а-альзую!

Какая-то странная у него трансформация... Уродует моего Дамиана. Вот, уже и чешуей покрываться начал. Если так пойдет, то он в дракона превратится?

Но Дамиан остается Дамианом, и через пару секунд чешуя исчезает, плечи возвращаются, и он ловит меня на руки сам.

— Что ты такая упрямая. И что иногда меня это бесит!

— Ах, тебя бесит!..

Развить эту тему мы не успеваем, потому что монстры нас догоняют, а Дамиан снова закатывает глаза, покрывается чешуей и роняет меня.

Я лечу вниз — мы далеко уже забрались, к самым облакам, и лететь мне до-о-олго. Заодно пересматриваю свои взгляды насчет высоты. Кажется, я ее уже боюсь.

Это странно, но у меня в голове проносится сакраментальное: «Рожденный ползать...» — я на это обижаюсь и напоследок раскидываю руки-ноги так, будто парю. А чего — свержусь в замковый двор в позе звезды. Красиво?

И-я-а-а-а-а!

— Ваше высочество, вы вышли на тропу войны?

— Габриэль, сколько раз я просила: прежде чем меня хватать, хотя бы спроси разрешения. Как я теперь узнаю, красиво буду смотреться в позе звезды на каменной плитке или нет?

— Отпустить, ваше высочество?

— Нет. Чего уж, неси. А! Постой-ка! Ах ты преда-а-а-тель!

У Габриэля делается такое лицо, что меня просто безумно тянет смеяться: такое чувство, что он хочет улыбнуться, но все равно пытается остаться серьезным.

— Ваше высочество, вы очаровательны.

— Да-а-а, я така-а-ая... В смысле, ах ты преда!..

— Вас спасает высший демон, — все-таки улыбается Габриэль, поднимая меня все выше и выше к облакам, — который до этого поклялся вашей сестре в верности, и все, что вы можете по этому поводу сказать...

— Я много чего могу сказать! Сейчас я тебе все скажу!..

Габриэль смеется. Громко, долго и заливисто. Кажется, впервые на моей памяти.

Может, у него истерика?

Нет, серьезно, он не останавливается.

Так что, когда мы приземляемся куда-то на утес (вид, кстати, открывается красивый: утро, солнышко, облака золотистые — и море трав внизу колышется...), я выворачиваюсь, встаю на ноги и влепляю Габриэлю пощечину.

Смех резко стихает.

А я — тоже резко — вспоминаю, что Габриэль ведь высший демон и его тут все боятся.

И на пощечину он может обидеться...

М-да, нехорошо получилось.

Я заглядываю в потемневшие глаза Габриэля и совершенно по-идиотски улыбаюсь.

— Это я любя.

Габриэль вздергивает бровь.

— А если я любя сейчас сдачи дам?

Все еще улыбаясь, я подставляю щеку.

— Давай.

Но вместо пощечины он очень аккуратно, кончиками пальцев касается моей щеки.

— Ты удивительная, Виола. — Я хмурюсь, и он добавляет: — И очень красивая.

— Демоны любят лягушек? — усмехаюсь я. — Жареных, печеных, в

кляре?

— Живых, — улыбается Габриэль. — Таких, как ты, только живых. Ты ведь ничего о нас не знаешь, Виола? Совсем ничего. Это в тебе и очаровательно. И еще ты совсем меня не боишься. Такая маленькая, такая глупенькая, хрупкая — и такая смелая.

— Потому что глупая, — смеюсь я. — Габриэль, раз уж мы так друг друга ценим... У меня там Дамиан с монстрами сражается. Ты не мог бы...

— И такой... человек, — вздыхает Габриэль. — Дамиан очень скоро будет здесь.

И действительно, секунды не проходит, как из ниоткуда передо мной возникает всклоченный Дамиан с подбитым глазом и в тлеющей одежде. Видит меня — выдыхает, потом видит Габриэля — вздрагивает. И становится так, чтобы закрыть меня от... хм, ну да, демона. Он же демон, Габриэль.

— Молодежь, — вздыхает Габриэль, отмахиваясь от золотой плети, — нервные, лишь бы подраться!..

— Не трогай Виолу! — кричит в ответ Дамиан.

— Да он меня и не трогает. — Я хлопаю Дамиана по плечам, сбиваю на нем маленькие огоньки, которые он, похоже, даже не замечал. — Ты не волнуйся, Габриэль на самом деле за нас. Да?

— Виола, — шипит Дамиан, — он высший демон!

— А я большая зеленая лягушка. И что?

— Успокойся, демонолог, — вставляет Габриэль. — Принцесса права: я помогаю.

Дамиан непонимающе смотрит на него, а я вспоминаю:

— Роз! Габриэль, раз уж ты тут самый крутой, ты не мог бы...

— Нет.

— Виола, помолчи, ты что!..

— Да ладно тебе, Дамиан, Габриэль — наш друг. — Я стараюсь забыть, как бесстрастно этот «друг» стоял за спиной королевы и заколдовал Дамиана, а потом и меня. — Ну а Роз — моя сестра, и очень нужно, чтобы...

— Нет, Виола, — тихо, но решительно отзывается Габриэль. — Тебя я клялся защищать, и эту клятву я исполню. Но из-за твоей сестры я здесь.

— Но...

Габриэль уходит от спора. В прямом смысле: он тает в золотистом рассветном тумане, и мы с Дамианом остаемся на утесе одни.

— Он клялся тебе? — изумленно выдыхает Дамиан.

— Наверное. — Здесь, на утесе, так тихо и спокойно, что на меня

наваливается дикая усталость. Всю ночь не спала... Да и день до этого у меня выдался насыщенный... А еще я ничего не ела... — Не помню. Кажется, да.

— Ты действительно из другого мира, — качает головой Дамиан. — И правда не понимаешь, что значит клятва высшего демона?

Плевать мне сейчас на эту клятву и всех демонов разом! Дамиан понимает это — наверное, на лице у меня написано, — потому что отворачивается и бросает через плечо:

— Идем, Виола. Мы почти у самой границы Сиерны. Порталы я сегодня больше ставить не смогу, придется идти пешком.

Я молча иду за ним. А что еще остается?

Мы спускаемся с утеса и вступаем в то самое разнотравье, что я видела сверху — луга, мирные, стрекочущие, пряно пахнущие, разноцветные луга. Странно представить, что каких-то пару часов назад я видела изможденную сестру, мертвого Ромиона и даже готовилась умереть сама.

Дамиан молча идет впереди — довольно быстро. Я, спотыкаясь, ковыляю за ним. Трава, трава, зацепившийся за складки моих шаровар чертополох, прыгающий от нас прочь кузнечик, снова трава, до колен трава, ромашки и колокольчики...

Я оседаю в них, а перед глазами бегают мушки и расцветают алые цветы... Трава скрывает меня — высокая, от нее до ярко-голубого неба, кажется, только руку протяни...

— Виола? — зовет меня откуда-то Дамиан. — Виола!

Глаза слипаются... Даже нет сил ответить...

Но Дамиан и так меня находит, обнимает за плечи, заставляя сесть.

— Виола, отдыхать не время. Нужно уходить отсюда, и немедленно! Ну же, давай...

— Не могу, — шепчу я. — Иди сам, я не встану. Правда. Дай мне хоть минутку поспать...

— Виола! Ты всю эту кашу заварила, я же не оставляю тебя одну ее расхлебывать!

— Я? — От обиды у меня даже силы появляются. — Я?! А ваша чокнутая мачеха? Она тут ни при чем?! Но ей ты это, конечно, в лицо не скажешь — а вдруг она обидится?!

Дамиан смотрит на меня в ответ, бледный, с запавшими глазами. Я вспоминаю, как он, мертвый, лежал рядом с братом. Как сестра, сломленная, склонялась над ледышками...

— Виола? Ну... что ты... Ну прости, я только хотел тебя расшевелить.

Виола, не плачь, прошу тебя!

Я утыкаюсь Дамиану лицом в грудь — от него убойно пахнет гарью — и рыдаю не то от усталости, не то от бессилия, не то от всего разом.

— Он-на ее теп-перь у-убьет? М-м-мою сестру-у-у у-убьет?

— Настоящую Розалинду? Да нет, конечно, ей нужна твоя сестра, королева не захочет бросаться в битву с гоблинами и Креманией. Чш-ш-ш, Виола, пожалуйста, успокойся. Соберись. Нам надо выбраться отсюда. — Дамиан тянет меня вверх за руку, я кое-как встаю. И иду дальше, держась за него.

— Д-думаешь? А если у-убьет? К-к-как Ромиона?

— Мы подумаем об этом потом, — откликается Дамиан. — Когда ты будешь в безопасности.

Я успокаиваюсь — долго плакать сил нет. И тащусь за Дамианом, обуза, глупая лягушка, которая только и умеет, что жаловаться да просить помощи! Еще и неблагодарная.

— Спасибо, — вытирая щеки, говорю я Дамиану. — Спасибо, что не оставил меня там, в башне с зеркалом. И что терпел меня все это время. Я несносная глупая лягушка...

Дамиан поворачивается ко мне и устало улыбается.

— Да, это так. Однако... ты мне тоже очень нравишься, Виола. Только не лги мне больше, хорошо? Почему ты мне сразу не сказала правду?

— Роз... моя сестра. — Дамиан обнимает меня, позволяя опереться на него. — Она меня просила. Я же не знала... Я думала, это правда. Я такая дура! Роз же никогда, совсем никогда не интересовалась театром!

— Но откуда тебе было знать, — Дамиан гладит меня по плечу. — Не вини себя. Ты же совсем ничего не смыслишь в магии. Как ты могла понять, что твоей сестрой управляют?

— Но она же моя сестра! И она вела себя как обычно... Только этот театр... Почему театр?

Дамиан усмехается.

— Мачеха всегда хотела стать актрисой.

У меня вырывается нервный смешок.

— Актрисой? Она же королева!

— Насколько я знаю, — устало говорит Дамиан, — в королевы она подалась, когда ее из театра выгнали. — Он ловит мой изумленный взгляд и добавляет: — Хозяин тогда сказал, что у нее нет таланта к актерскому мастерству. Конечно, долго он после этого не прожил — хозяин театра, я имею в виду.

— И она стала королевой? — удивляюсь я. — Серьезно?

Дамиан кивает, а я не сдерживаюсь:

— Какая женщина!.. Скажи, мы действительно не можем вернуться за моей сестрой? Дамиан, я знаю, что о многом прошу...

Он качает головой.

— Мы еле сбежали. Если ты, конечно, не убедишь своего Габриэля нам помочь. Виола, я сильнее королевы — это правда. Но она хитрее меня. Она снова затянет нас в свой «карман», и что, если мне снова придется умереть?..

— Снова? Погоди, Дамиан, я думала, ты просто прикинулся мертвым...

Дамиан тихо смеется.

— Виола, понимаешь, я в некотором роде бессмертный.

— В некотором... роде?

— Видишь ли, однажды во время эксперимента я так далеко забрался в Астрал, что не смог вернуться, и мое тело осталось в склепе на кладбище, а дух отлетел куда ему и положено — к Хранительнице. Изумительная оказалась женщина, очень не любит демонологов почему-то... — Дамиан мечтательно смотрит вдаль и улыбается. А я вспоминаю, как мне про эту Хранительницу рассказывал Ромион. Значит, зря он за брата боялся? Дамиан же продолжает: — За месяц я ее так достал, что она сама меня отвела в этот мир и держала портал, пока я вселялся обратно в тело. Хорошо хоть, никто не додумался прийти в тот склеп и стереть мою схему — магия сохранила тело. С тех пор я еще раз пять балансировал на грани жизни и смерти: Хранительница, кажется, не очень хочет, чтобы я оставался в ее царстве, — Дамиан усмехается. — Нужно только, чтобы тело оставалось нетронутым. Не раненым, ну и так далее. Поэтому, когда королева предложила нож в спину, честно говоря, я испугался: представляешь, ходить потом с дыркой в спине?..

Я стараюсь не смотреть на него слишком уж безумно, но, думаю, у меня не очень-то получается. Бессмертный? Из царства смерти выперли? С ума сойти! И это я удивительная?

— Ага... Ясно... А что за «карман» ты упомянул?

Дамиан удивленно смотрит на меня, потом спохватывается:

— Точно, ты же не знаешь... Это... м-м-м... как бы личный мир королевы в Астрале. Уголок ее реальности. Там она практически всесильна. Если уж попал туда, выйти можно, только если хозяин отпустит или отвлечется, — поэтому я не мог просто начертить портал, чтобы мы переместились куда нужно. Да и... честно говоря, я и так не мог. Слишком много сил потратил, пока искал тебя, — Зачарованный лес фонит, как...

Я слушаю его и с удивлением понимаю, что, в сущности, ничего о нем не знаю. Что он за человек, Дамиан? Благородный — да (меня спасает, брата спасает — просто всеобщий спаситель, прямо-таки герой), романтический — тоже да (настоящая любовь за пару свиданий?), увлекается демонами, каким-то Астралом и засыпает в склепе на месяц. А, и неубиваем. Грустит, потому что считает, что его не ценят. Завидует брату. При этом любит его. Вот, в сущности, и все. Хм, мне одной кажется, что в нормальной сказке Дамиан был бы романтическим злодеем? Этаким страдающим лермонтовским Демоном? Впрочем, для Демона Дамиану не хватает харизмы, но это дело наживное...

Забавно, а кем бы в настоящей сказке была я?

— Тебе неинтересно, — Дамиан ловит мой взгляд. — Тебе на самом деле не нравится демонология?

— Э-э-э... Нет, — решила говорить правду — буду говорить правду! — Я в ней ничего не смыслю. И потом, это как... как-то очень... м-м-м... немое.

Дамиан со странной улыбкой смотрит на меня.

— Знаешь, Виола, а я ведь в сущности... Я почти ничего о тебе не знаю. Что из рассказанного тобой было правдой? Ты из другого мира (между прочим, расскажешь о нем, когда все это закончится?). Ты любишь сводную сестру. Твоя мать — фея. О ней ты говоришь скорее снисходительно, чем с любовью.

— Но, Дамиан, она же фея...

— Вот и я о том же. Что еще?.. Да, ты не любишь цветы. Обожаешь смородиновый мармелад. И ягодное мороженое. Не клубничное ни в коем случае (не понимаю, какой нормальный человек не любит клубничное мороженое?). Да, платья, кажется, тоже не любишь. И ты одаренная фея, если верить мачехе.

— Угу. Только проклятая. Ты забыл, что я проклята.

— Проклятье мешает тебе колдовать?

— Наверное...

— Тогда после того, как оно будет снято, ты наверняка сможешь...

— Дамиан!

— Сможешь... О звезды!

Ага. Звезды. Перед нами встает громадная стена колючек. Заросли колючек, точнее. Помните, в «Малефисенте» такие были? Так вот, эта — толще. И шипы сверкают на солнце, как посеребренные. А самое прискорбное: она пухнет. Точнее, конечно, растет. Но выглядит так, словно ее изнутри распирает.

— Дамиан. Это граница? — невинно интересуюсь я.

— Ага...

— Дамиан. А когда ты сможешь нарисовать портал?

— Завтра... Только это все равно не поможет: когда эта штука закончит расти, Сиерна станет недостижима даже через Астрал... — Дамиан хмыкает. — Это странно прозвучит, но наша королева удивительно предприимчивая женщина.

— Угу. Жаль, что ее из театра турнули, да? Пусть бы там что-нибудь предпринимала.

— Да...

Мы отходим подальше — тень от колючек растет, наползает на солнечный луг... К полудню, наверное, луга не будет совсем. Да, если королева не хотела воевать с Креманией и гоблинами, то это она толково придумала-а-а-а!

(Просто земля под нашими ногами тоже вспучивается, из туннеля высовывается пара бородавчатых рук и тащит меня в яму.)

Пауза.

(Я несусь на бронированном черве по земляному туннелю.)

Пауза!!!

(Это моя голова протаранила чью-то нору.)

...Пауза...

(Я падаю в знакомую пещеру императора гоблинов.)

— Сколько еще вы сможете держать ограду? — слышится визгливый голос Ульрика. Я сажусь на пол, трясую головой. С волос падают комья земли. Ульрик проходит мимо, шелестя плащом до пола, и совершенно не обращает на меня внимания. — Что насчет южных туннелей? Корни там из чего?..

Рядом падает Дамиан — этот долго не лежит, сразу переходит-перетекает в стойку... Утыкается взглядом в меня, потом смотрит на императора гоблинов. Выдыхает, расслабляется. И тоже принимается счищать с себя землю.

Ульрик мельтешит рядом, но его больше заботят собственные маги, чем свалившиеся с потолка «гости».

И слава богу!

— Дамиан, — шепотом зову я, — а давай, пока мы тут никому не нужны, потихонечку уйдем?

Дамиан поднимает бровь и тоже шепотом мне отвечает:

— А это разве не жених твоей сестры?

— Да... Вот поэтому и уйдем!

— Разве он не должен тебе помочь?..

— Идем!

— Стоять! — Ульрик нас наконец-то замечает. Но ненадолго: он делает знак страже. — Увести. Обоих.

— В темницы, сир? — простодушно интересуется кто-то из стражников.

— В гостевые покои, — с сожалением отвечает Ульрик. — И на демонолога надеть сдерживающий браслет. Мне здесь духи и другая живность не нужны. Ее, — он кивает на меня, — с лихвой хватит.

К Дамиану бросается сразу трое гоблинов-магов, а я возмущаюсь:

— Эй, не трогайте моего друга! Ульрик! А законы гостеприимства?! Может, и на меня тогда наручники наденешь?

— На цепь посажу! — огрызается гoblin, а Дамиан вымученно улыбается:

— Виола, все в порядке. Так надо.

— Ничего не...

— Да уведите же их! — визжит Ульрик. — И если вы не удержите мне южные туннели, я вас самих на этой шипастой траве повешу!..

Суровый мужик этот Ульрик — и не смотри, что визжит на ультразвук. Затиранил он Роз, ох затиранил...

Нас отводят в гостевые пещеры — побольше, чем те, в которых я останавливалась прошлый раз. Две спальни, двери которых выходят в общую гостиную, а уже она — в холл (или прихожую?). Симпатично и удобно, если вы любите пещеры, круглые комнаты, низкий потолок и сумрак (потому что даже со всеми горящими рубинами в гостиной все равно темно).

Маленькие гоблины — в половину меня ростом — суетятся и несут нам ужин и сменную одежду. Я исследую свою спальню, узнаю, что рядом имеется купальная, и надолго там остаюсь (кожа ужасно сохнет без воды, да и костюм не мешает сменить). Потом в гостиной вижу переодетого и посвежевшего Дамиана, который сидит у здорового рубина, что заменяет очаг в центре комнаты, и внимательно рассматривает свой браслет. Я оглядываюсь: ужин, нетронутый, стоит на низеньком столе.

У гоблинов специфическая кухня. Готовят они вкусно, это да, но совершенно неаппетитно все это на тарелке выглядит. Размазня-каша и суп в закрытой чашке. Рыбный... вроде бы.

Я отношу Дамиану поднос с его порцией.

— Поешь.

Дамиан, не отрывая взгляда от браслета, качает головой:

— Я не голоден.

— Да? А вы что, вчера, пока я по Зачарованному лесу ходила, заглянули куда-нибудь в ресторанчик и перекусили?

Дамиан выпрямляется и удивленно смотрит на меня.

— Конечно, нет!

— Тогда ты тоже вчера весь день не ел. Значит, голодный. Давай, Дамиан, или с ложечки накормлю.

Дамиан морщится и забирает у меня поднос.

С супом мы расправляемся молча. Кажется, он все-таки не из рыбы... Дамиан клюет носом, и я наконец не выдерживаю:

— Может, пойдешь поспишь?

— Нельзя, император гоблинов может прийти в любую минуту, — Дамиан зевает, закрывает рот рукой и пытается сфокусировать взгляд на мне.

— Ну и что? Как придет, так и уйдет.

Дамиан сначала бросает на меня удивленный взгляд, потом улыбается.

— Виола, но он же император.

— И что — мы должны, как собачки, ждать его у двери? Оставь, Дамиан, если хочешь, я его покараулю. Лучше скажи, тебе этот браслет... ну, не мешает? А то я им такой концерт устрою — они сразу снимут.

Дамиан улыбается шире и в ответ спокойно снимает браслет с руки. Потом снова надевает.

— Нет, Виола, не мешает. Но пусть они думают, что могут меня контролировать. Впрочем, с ним или без него — я слишком устал, чтобы хоть что-то путное сделать... Наверное, ты права: надо поспать...

— Конечно, надо. Только ты мне еще скажи: когда ты сможешь нас отсюда вытащить? Портал или что там? Потому что Ульрик меня точно запрет...

— А меня заставит помогать его магам, — кивает Дамиан. — Завтра, Виола. Как только выплусь, мы отсюда уйдем. Если ты хочешь. Только скажи куда. Я не уверен, что найду дорогу в твой мир. Нужно провести пару экспериментов, а потом...

— Дамиан, — перебиваю я, — скажи... Ты же тоже хочешь разбудить Ромиона? Только честно.

— Да, но на роль его настоящей любви я уж точно не гожусь, — смеется Дамиан, а потом вдруг затихает и внимательно на меня смотрит. — А... ты?

— Вот и я хочу. Не знаю насчет настоящей любви, но я уверена,

должен же быть другой способ снять это проклятье! Дамиан, что? Что ты так на меня смотришь?

— А может, ты его просто поцелуешь? — тихо говорит Дамиан. — И Ромион проснется. Ты его любишь?

— Нет! — тут же отзываюсь я, а в голове стучит подленькая мыслишка: «А зачем тогда ты так хочешь его разбудить? Почему тебе так тоскливо от того, что он спит? И почему тебе так не хватает его музыки, его уверенности, сарказма и... улыбки?»

Дамиан хмурится, но говорит лишь спустя минуту:

— Тогда как же ты хочешь его разбудить? Виола, я честно признаюсь: не знаю, как ему помочь. Возможно, если бы у тебя была знакомая черная ведьма, причем очень сильная, то она бы подсказала...

— Вот! Я как раз об этом. У меня есть такая ведьма. Если я правильно понимаю, то чернее вашей мачехи раза в два, а то и в три. Поэтому я и хочу тебя спросить: ты меня к ней не подбросишь? Она точно должна сказать, как еще можно снять проклятье с Ромиона. Дамиан? Пожалуйста.

— Я клялся тебе служить, Виола, — медленно отзывается Дамиан, — поэтому да, я сделаю что ты хочешь. Но объясни мне, с какой стати ведьме тебе помогать? О ком ты?

— Виллинда Черная...

— Кто?! — вскидывается Дамиан. — Ты с ума сошла?! Не пущу я тебя к ней! Ты знаешь, что она в крови девственниц купается? Что у нее сад из каменных статуй странствующих рыцарей? Что ее частокол — из костей...

— Ой, Дамиан, хватит, — отмахиваюсь я. — Нормальная Вилла ведьма. Ну разве что кошек очень любит. А сад... Да, был какой-то сад. Но я же не рыцарь. А про кровь ничего не знаю.

— Вы... знакомы? — выдыхает Дамиан, глядя на меня так, словно я только что призналась, что дружу с дьяволом.

— Ну да. Это же она меня прокляла.

— Виола, кажется, я уже совсем ничего не понимаю, — вздыхает Дамиан. — Если это она тебя прокляла, то почему ты говоришь о ней, как о подруге?

— Ну, не совсем как о подруге, нет, просто, понимаешь, она все еще любит моего папу, а подруга она, кстати, мамы... Короче, слушай.

И я вкратце рассказываю ему историю моего рождения, после чего Дамиан долго молчит, вертит в руке браслет, который по рассеянности снял. Замечает это, надевает снова.

— Кажется, мне действительно нужно поспать, — говорит он наконец. — Кажется, это самая безумная история из всех, которые я

слышал.

— Кажется, ты просто слышал очень мало безумных историй! — воодушевленно замечаю я, и Дамиан со вздохом ставит поднос с пустыми тарелками на стол.

— Виола, если ты не возражаешь, я отдохну, и мы потом поговорим о Виллинде со всеми ее кошками. Хорошо? — И уже себе: — Это какой-то бред...

Угу. Сказал демонолог, доставший саму смерть.

— Хорошо, — радостно отзываюсь я. — Только учти, что если ты меня не отправишь к моей крестной ведьме, я сама к ней пойду. И может быть, по дороге заблужусь. Или нет. Как повезет. А мне последнее время не везет.

Дамиан закатывает глаза.

— Ты только сейчас никуда не уходи, хорошо?

— Хорошо. Дамиан, постой-ка. Еще пару минут. Ты знаешь, я должна тебе сказать... Насчет Ромиона...

И я вкратце рассказываю, что встречалась с Ромионом по ночам. Что мы гуляли в волшебных садах, слушали музыку, и мне это нравилось. И слушать Ромиона тоже нравилось. Он же никогда не разговаривал со мной о том, чего я не знаю (например, о демонологии).

Да, я же теперь за честность в отношениях.

А еще я очень по Ромиону скучаю...

Так, что в конце рассказа у меня глаза на мокром месте.

Дамиан жмурится и берется за дверную ручку.

— Виола, прости, но я правда слишком устал, чтобы обсуждать подробности твоих отношений с моим братом.

— Да, — я вытираю щеки, — просто я подумала... Я не хочу тебе больше лгать. Так что... вот.

Дамиан отворачивается, но, прежде чем уйти, все-таки спрашивает:

— Так ты его все-таки любишь?

— Нет... Я... Я не знаю, — честно отвечаю я. — Мне было с ним хорошо. Как и с тобой. Но с ним...

— Лучше, — тихо заканчивает Дамиан.

— Нет! Просто по-другому. Он такой... Он всегда знал, что мне сказать, и еще с ним интересно... Дамиан, ты просто не понимаешь!..

— Мне кажется, ты тоже не понимаешь, Виола. Я-то знаю, каким милым может быть мой брат, — Дамиан усмехается и отворачивается. — Спокойной ночи, Виола.

— Ага... — говорю я в закрывшуюся дверь. — Спокойной ночи... То

есть дня.

Ну что такое, а?..

Если Ульрик и заходил, то я об этом ничего не знаю. Потому что я подумала — я тоже хочу спать, и что, должна ждать какого-то гоблинского императора? Много чести!

Поэтому наш с ним разговор происходит уже за полночь, когда я зачем-то выползаю в гостиную. Ульрик сидит около «очага», обложившись какими-то свитками, почти зарывшись в них, и беспрестанно зевает.

Но меня замечает. Точнее, снова таращится, как на чудо света, и я на всякий случай уточняю:

— Я Виола. Розалинда в каком-то королевском «кармане» собирает слово «вечность».

— Расскажи, — тихо, совсем по-человечески, а не визгливо, говорит Ульрик.

Я рассказываю и сама не замечаю, что принимаюсь императора гоблинов успокаивать: «Все будет хорошо, вы же Роз спасете?»

Ульрик усмехается и в ответ заверяет меня, что он уже раскалил туфельки для королевы Изабеллы, в которых она будет танцевать на его с Роз свадьбе. А потом облегченно улыбается:

— Она жива...

Он любит Роз, понимаю я. Действительно любит, а не как все остальные ее ухажеры. Те восхищались ее красотой, весельем, очарованием. Этот любит по-настоящему. Ромион, королева, посмотрите: вот она — настоящая любовь. Она существует. Видите?

Хотела бы я, чтобы кто-нибудь полюбил меня так же. Не чтобы расколдовать — плевать мне на мою внешность, я и без красоты себе приключения нахожу. А чтобы я знала: есть кто-то, кто принимает меня любой, даже лягушкой, даже красавицей, даже... самой собой.

А еще — хотела бы я так же любить...

— Ваше ужаснейшее, я от вас завтра сбегу, — признаюсь я, мне не хочется больше лгать. Даже Ульрику. — Вы меня простите, но я должна помочь...

— Виола, я понимаю, что она твоя сестра, — качает головой Ульрик, — но я не могу позволить тебе...

— Нет, не Роз, — перебиваю я. — Роз вы спасете. А мне нужно спасти одного принца... Он спит сейчас мертвым сном, и у него нет никого, кто мог бы разбудить его поцелуем настоящей любви. Так что я должна найти способ разбудить его как-нибудь иначе. Поэтому простите, ваше

ужаснейшее. Но мне придется сбежать, если вы меня не отпустите.

Ульрик смотрит на меня, долго, молча. Потом снимает одно из своих колец.

— Держи. Это твой пропуск в мои подземелья. Если тебе на поверхности вдруг понадобится быстро исчезнуть, просто коснись им земли у себя под ногами, и мои слуги тебя проведут.

— Спасибо... — Я надеваю кольцо на указательный палец — как раз впору. Надеюсь, мне, дневной, жать не будет?

— Попроси их потом перенести тебя в башню, где спит сиернский принц. Королева окружила ее своей живой изгородью, но защиту под землей пока не поставила. Быть может, ты успеешь до того, как мы начнем воевать, — Ульрик улыбается. — Не могу же я позволить, чтобы сестра моей невесты пробиралась к своему принцу через колючки, как какая-то... рыцарка.

Я улыбаюсь в ответ.

— Спасибо. То есть вы нас завтра отпустите?

Ульрик встречается со мной взглядом и поднимает бровь.

— Ну конечно, нет. Во-первых, ты должна сидеть под замком и ждать моих приказаний. Во-вторых, портал твоего друга-демонолога принесет тебя к Виллинде куда быстрее, чем мои туннели.

— Вы все слышали!..

— Это мои подземелья, Виола. Конечно, я все слышал, — усмехается Ульрик. — Иди, отдыхай. Как у вас на поверхности говорят: «Утро вечера счастливее».

— Мудренее, ваше ужаснейшее, мудренее.

— Я ошибся, ты действительно похожа на Роз, — говорит мне вслед Ульрик. — И не только внешне.

— Спасибо, ваше...

— Ульрик. Мы почти семья.

— Ага. Спасибо, Ульрик.

А может, и не затиранил он Роз. Может, я еще ей завидовать буду.

Да что там — уже завидую!

Утром я встречаю в гостиной Дамиана, который сосредоточенно чертит на полу оцетинившуюся лучами звезду.

— Я был в Астрале, — говорит он вместо приветствия, — мне подсказали вот такой рисунок.

Я смотрю и понимаю, что или подсказавшие жестоко над Дамианом посмеялись, или моя ведьма-крестная действительно такая страшная, что ее даже демоны боятся. Вся звезда буквально испещрена символами,

большими и маленькими. Ступить в нее и не стереть хотя бы один будет очень сложно.

— Виола, на всякий случай, — не отвлекаясь от рисования, говорит после паузы Дамиан, — у тебя нет ничего, что принадлежало бы Виллинде? Тогда я смогу лучше замкнуть «щиты» и...

— О! У меня есть пропуск через все ее ворота и заклинания! — радостно сообщаю я. — Вот.

И снимаю с простого кожаного браслета единственную невзрачную подвеску.

— Вилла сказала никому про нее не говорить и никогда не снимать... Дамиан, что такое?

Дамиан смотрит на подвеску, потом на свою схему. На меня.

Очень тяжело вздыхает.

Забирает у меня подвеску и мыском принимается стирать свое художество.

— Виола, ну вдруг, у тебя больше никаких амулетов нет? От каких-нибудь еще колдунов? Твой отец больше ни с кем не общался? Клятву тебе никто не приносил?

— Не-е-ет... О, Дамиан, я только сейчас вспомнила: Вилла ненавидит мужчин. То есть она их совсем, вообще ненавидит. Поэтому давай-ка я одна схожу, все узнаю...

— Даже не думай. Одну я тебя к самой страшной ведьме нашего мира не пущу.

— Самой?... Ладно, хорошо. Только поговорю я с ней все-таки одна, а то она гостей, честно говоря, не очень приветчает, особенно мужского пола, особенно рыцарей. Ну, знаешь... Комплексы, тяжелые воспоминания и все такое... У нее есть приемная дочь. В башне. В большой, в смысле высокой. Мы с Роз к ней в гости иногда заглядываем. Так вот, давай тебя там спрячем?

Дамиан вздыхает.

— Эта леди не будет против, если я испорчу ей пол волшебной схемой? Без надзора я тебя все равно не оставлю.

— Дамиан, Вилла — моя крестная ведьма! Она мне ничего не сделает. Если только булочками закормит...

— С яблоками? Виола!.. — Дамиан качает головой. — Хорошо. Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Но я буду рядом.

— Да. Конечно. Так мы идем? А, тебе надо, наверное, новую схему начертить?

Новая схема не нужна: Дамиан просто сжимает мою подвеску в руке,

обнимает меня — и стены подземелья тают, вместо них появляются деревья, под ногами — мягкая земля и хвоя, а над головой — синее яркое небо. А еще слева торчит здоровенный шест, на котором вертится череп. В глазницах у него сверкает что-то зеленое. Дамиан больно сжимает мою руку, но я улыбаюсь черепу, и он отворачивается.

— Он же тебя не видит, да? — на всякий случай уточняю я.

— Нет, — Дамиан оглядывается. — Ты знаешь дорогу?

— А все просто: три черепа прямо, два налево — и идти на башню. Вон она торчит.

Дамиан усмехается, но отпускает меня и дальше мы идем бок о бок по знакомой мне дороге. Хорошо, тихо, белки по соснам скачут, воздух такой свежий, приятный... Мне всегда нравилось у Виллы. Да, черепа — но она же ведьма. И потом, один из этих черепов мы с Роз лично мастерили из папье-маше, когда разбили любимую Виллину вазу. А что каменные рыцари у нее в саду... Ну, кто как развлекается. Хотя я никаких рыцарей не видела. Зато кошек — это да. Но они у Виллы в башне: у ее приемной дочери на шерсть аллергия. И хорошо, эта мяукающая свора так воняет!.. И вечно смотрит на меня с гастрономическим интересом. Тоже мне, поедатели лягушек...

— Виола, — прерывает мои мысли Дамиан, когда мы оказываемся на месте. — У этой башни нет двери. Как нам войти?

Я задираю голову — башня действительно высокая, и ее верхушка (жилая часть) теряется где-то над сосновым бором и даже над облаками.

— Виола, — говорит Дамиан напряженно, — если здесь портал, то мне он не подойдет: мое присутствие сразу раскроется и...

— Да нет здесь никакого портала, — перебиваю я. — Все по старинке.

И, подойдя ближе к стене, кричу что есть мочи:

— Рапунцель! Сбрось свои волосы!

Глава 13, в которой я получаю волшебное зелье от мертвого сна, моя крестная ведьма меня обманывает и я узнаю о будущем Темном Властелине

— Ви! — вскрикивает Рапунцель (она же Златовласка, она же Рапи, Леца, а после третьей кружки ликера еще и Пуся — последнее ей особенно нравится). — Здравствуй! А я тебя так... так...

Я поднимаюсь по волосам (между прочим, недавняя разработка простенького заклинания-подъемника: волосы скинуты, цепляешься за них — и никаких усилий ни я, ни Рапунцель не прикладываем), смотрю на хозяйку башни, улыбаюсь... И с недовольством замечаю, что девочка принарядилась: на голове — венок из ромашек, в косу у затылка воткнуты васильки, и на платье вышивка-котенок (вообще-то, что это котенок угадаешь раз с третьего и только по треугольным ушам, хвосту и усам, а так — размытая клякса, и все).

Рапунцель опять за старое...

А еще она дрожит и покрывается алыми пятнами, то есть ее шея покрывается. С ней всегда так, когда Рапунцель волнуется. А волнуется Рапунцель, только когда ей это выгодно, а так она очень спокойная. Правда. Просто если ей нужно выглядеть робкой маленькой красавицей — она с этим прекрасно справится.

— А я... я... — мямлит Златовласка и даже не помогает мне перелезть через подоконник.

— Не нас ждала? — помигиваю я. — А мы пришли.

— Нет, я... а-а-а-а...

В этот момент Рапунцель замечает Дамиана, делается совсем белая, открывает рот... Прищуривается — и краснеет.

— Ждала кого-то другого? — угадываю я.

Рапунцель отрывисто кивает и краснеет еще сильнее. Актриса...

Дамиан, в отличие от меня, ловко перелезает через подоконник, замечает Златовласку, тут же приветливо улыбается и склоняется в изящном поклоне.

— Моя леди.

— Ик, — отвечает Рапунцель и пошатывается. — Ви, к-кто это?

Божий одуванчик! Признаюсь, всегда завидовала ее способности прикинуться бедной овечкой: «Ах, спасите меня, прекрасный принц!»

— Это Дамиан. Он мой друг, — я подмигиваю Дамиану, когда тот выпрямляется, подхватываю Рапунцель под локоток и толкаю в кресло. — Так кого ты ждала?

— Н-никого!

— Да ладно, колись. Снова за старое?

— Чт-то? Я н-н-не... А ты к маме? А где Роз?

— А Роз сидит в плену и собирает слово «вечность», — вздыхаю я, а галантный Дамиан подает зардевшейся Златовласке бокал с водой со столика.

— К-какой ужас!

— Ага. Но ее спасут, как и должно быть в любой сказке. В общем, Рапунцель, дорогая, соберись!

Дорогая Рапунцель застенчиво посматривает на Дамиана, а тот мило ей улыбается. Мне просто так и хочется крикнуть на этих двоих, чтобы заканчивали пялиться друг на друга при мне!

Но я беру себя в руки.

— Значит, так. Надо сделать две вещи. Первая: спрятать Дамиана.

Рапунцель принимается улыбаться. Очень... мило. Черт, какая же она красивая. И дружелюбная. Истинная дама в беде. И не в курсе, что Дамиан — бастард. Черт... Ну что я как собака на сене?!

— И вторая: расскажи, мама сейчас доступна? В смысле, я могу с ней поговорить?

— Да-а-а, — кивает Златовласка, глядя на Дамиана. — Да-а-а... Иди, Ви. М-милорд? А в-вы любите п-пирожные?

Рапунцель заикается, только когда волнуется. И только когда это выглядит мило. Это значит, что сейчас Дамиан сознается в своей страстной любви к пирожным, золотым волосам, голубым глазам и имени Рапунцель, а потом они вместе станут пить чай, пока я буду выпрашивать у Виллы, как спасти Ромиона.

Ну и что меня не устраивает?

— Ладно, — я прохожу к двери. — Тогда я пошла. Рапунцель, а кого ты все-таки ждала?

Но она уже хлопочет вокруг Дамиана с чайничком — естественно, сейчас случайно его обольет, естественно, они переберутся в купальню... Рапунцель не дурочка, когда надо охмурить очередного принца. Или

рыцаря. Они часто путают башни — ее и Виллинды.

А я пойду на свидание с сотней котов. Блеск!

Башни Рапунцель и Виллы соединены мостиком. Горбатым мостиком над пропастью. Я не боюсь высоты, думаю, еще и потому, что детьми мы с Роз и Пусей, в смысле Рапунцель, часто на нем играли. Вилла за нами следила поначалу, но потом Роз стала тренировать на ней свой гламур, и ведьма пришла к мысли, что эффективнее (и спокойнее) будет поместить под мостиком что-то вроде невидимого воздушного одеяла. Работает он как батут: мы часто специально перелезали через перила и прыгали в воздухе. Очень весело!

Жаль, что сейчас на это времени у меня нет.

И жаль, что в голову лезет то спящий (мертвый) Ромион, то прекрасная Рапунцель, слившаяся с не менее прекрасным Дамианом в страстном поцелуе...

Может, стоило Дамиану заранее сказать? А впрочем... Рапунцель — душка, и они приятно проведут время. Мы ведь уже выяснили, что никакой настоящей любви между мной и Дамианом нет.

К тому же с такой внешностью Дамиан себе пару всегда найдет. А комплексы... С красотой их и потерпеть можно. А вот его брат...

Странно, я не так много общалась с Ромионом — с Дамианом куда больше. Но такое чувство, что знаю принца куда лучше Дамиана. Или просто лучше понимаю? Нет, это совсем нечестно, что он спит мертвым сном! И что из всех девиц, которые крутились вокруг него в школе, не нашлось ни одной (ведь ни одной же!), которая бы его по-настоящему любила. Ромиону эта любовь, наверное, нужнее, чем Дамиану. Или мне. Мало того что без нее он как бы мертв. Но и раньше — он же одинок, по-настоящему одинок. Я слышала это в его музыке, я читала это в его взгляде, когда Ромион смотрел на меня во время тех ночных прогулок. Почему одиночество? Почему никто вокруг принца не видел его настоящего сквозь маску уверенности и отстраненности?

Да и я ведь не видела, пока Ромион сам не пожелал мне раскрыться. А я ему в ответ лгала...

Ничего. Я добуду то, что его расколдует, и принц проснется. Справедливость восторжествует. Да?

Виллинды нигде нет. Ее кошки встречают меня громогласным мявом и хищными взглядами, трутся о ноги, задевают хвостами мои щеки, мурчат. В гостиной я замечаю на столе маленькие сапожки и шляпу с пером — все словно бы кукольное. Странно, чем моя крестная занимается, она вроде бы никогда кошек не наряжала? Или завела себе кукол?

Я оглядываюсь, прислушиваюсь и тут же замечаю на полке с книгами знакомого черного манула. Он обнимает рыженькую симпатичную кошечку (Сима, что ли?) и встречается взглядом со мной. Зыркает на сапожки. Отпускает Симу — та сонно отворачивается, — прыгает на стол, цапает кукольные сапожки со шляпой. И, глядя на меня, высовывает язык.

— Привет, Кот в сапогах, — смеюсь я. — Хозяйку не видел?

Манул принимается тарыхтеть: наверное, отвечает. Жаль, я его не понимаю — поэтому отворачиваюсь и иду к двери. Но успеваю заметить в отражении полированного книжного шкафа, как кот с заметным трудом надевает сапожки и залихватски заламывает край шляпы. Красавец!

У крестной большая башня. Я заглядываю в сад — он разбит на широком балконе, здесь даже фонтанчик есть. Но кроме птиц и кошек — никого. Черная с белым пятном во лбу Мурка что-то зарывает в клумбу анютиных глазок. Белый пушистый Король вальяжно вышагивает по ветке сливы.

Я не удерживаюсь, срываю одну из роз, которые густо оплели беседку у фонтана, и иду по дорожке дальше, когда небо надо мной вдруг чернеет, а громкий голос рычит:

— Как посмел сорвать ты мой цветок?!

Сигнализация Виллинды сработала.

— Матушка, — машу розой я, — не жадничай, твои розы рано или поздно все равно облетят. А так — украсят мою неземную красоту.

— Виола? — резко светлеет, и на дорожке передо мной возникает Виллинда. — А, это ты. Я думала, опять кто-то из рыцарей забрался.

— За розами? — усмехаюсь я, разглядывая крестную.

На самом деле она у меня красивая. Правда. Раньше, когда я была совсем маленькая, то не понимала, как папа мог отказаться от такой красивой, доброй и в целом великолепной женщины, которая к тому же так вкусно готовит!

А потом у меня впервые случилась аллергия на цветы, Виллинда вызвала маму, и я обнаружила, что то чудное видение, которое неизменно поет мне по ночам колыбельные, мне не снится. Что оно тоже доброе и раз в десять красивее Виллинды. И что это моя мама. Было странно: я расстроилась настолько, что забыла про свою аллергию (какая там сыпь с насморком, когда я не могу решить, кто лучше: мама или крестная). И меня срочно познакомили с маленькой Роз. После этого и мама, и крестная отошли на второй план. Роз всегда умела заставить себя любить, и любовь эта занимала много, очень много места — тоже всегда.

— За чем они сейчас только не приходят! — вздыхает Вилла. Потом,

прищурившись, смотрит на меня: — Ты надолго?

— Да нет, только на минутку: мне совет нужен...

— Значит, пообедать успеешь.

И меня ведут на кухню. Отказываться нельзя: не поможет, все равно накормят, но вдобавок Вилла заведется, что я худая как щепка, папа меня совсем не кормит (и, кстати, все мужики козлы), а я скоро буду падать в голодный обморок и так далее...

Кухня — единственное место, куда кошек не пускают. Вилла усаживает меня за стол, рассказывает, как она попробовала новый рецепт — чьи-то там пальчики (наверное, пальчики оближешь, да?), и поворачивается к плите.

И тут я замечаю, что на кухне мы не одни. Заодно и понимаю, почему Вилла говорила все это время шепотом: у второй плиты — огромной, каменной, с заслонкой — сидит на противне связанный парень. Веревками он опутан буквально как мумия, да к тому же еще и рот у него заткнут какой-то тряпкой. Зато взгляд у парня выразительный: на меня он смотрит, как и должен глядеть на говорящую человеколягушку — с отвращением. А вот на Виллинду...

— Матушка, — шепчу я, когда Вилла начинает накрывать на стол. — А кто это?

— А это, доченька, — громко объявляет Вилла, — наш с тобой ужин. Сейчас я его в печку засуну, испеку, и мы съедим его под новым соусом гончитто.

Парень начинает дергаться. Кажется, соус гончитто ему не по нраву.

— Рыцарь очередной, — тихо поясняет Вилла, садясь рядом. — Залез в мою сокровищницу, перепутал все шкатулки с амулетами и застрял в сундуке с тканями. Я его вытащила и за ворота выкинула. Так что ты думаешь? Вернулся, оборвал все мои сливы. Я его снова выставила. Так он опять тут — насвинячил в моей кухне. Говорит, искал заколдованную принцессу. В моей кладовке. Ну-ну. Поэтому, — уже громко, — я его сейчас точно испеку, вот только печь как следует натоплю!

— Принцессу он искал? — Я тоже поворачиваюсь к пленнику. — Так вот же я. Матушка, а давай он меня сначала поцелует, а потом ты его испечешь? Ну, чтобы я расколдовалась. Эй, рыцарь, поцелуешь меня?

Взгляд связанного бедняги становится совсем безумным.

— Думаешь, сработает? — шепчет Вилла.

— Нет, но ты же не собираешься его печь, — в тон ей отвечаю я.

— Еще чего! Он костлявый и наверняка ядовитый. Эти рыцари все ядовитые, — убежденно заявляет Вилла.

— Тогда давай ты пойдешь куда-нибудь... ну, например, за своим большим ножом, а я его пока выпущу? Ручаюсь, он больше не вернется.

Вилла с улыбкой пожимает плечами.

— Как хочешь. — И громко, зловеще: — Пойду возьму свой острый нож! А ты, дочь, соусом его полей да в печь дров подкинь!

И исчезает.

Я заканчиваю с пальчиками в кляре — на самом деле это мидии. Очень вкусные мидии под икрой в майонезном соусе. Пальчики действительно оближешь. Встаю, беру столовый нож — достаточно острый, чтобы резать мясо, значит, веревки тоже перережет? Пленник, впрочем, смотрит на меня и думает о чем-то другом — взгляд у него совсем дикий.

Убираю нож за спину и сладенько, копируя Роз, зову:

— Благородный рыцарь, я вас сейчас освобожу, только вы меня, пожалуйста, не бейте — я действительно заколдованная принцесса, злая ведьма украла меня у мамы с папой, превратила а... это, — всхлип, — и заставляет каждый день мыть полы в ее башне! А вы видели, какая огромная у нее башня? Я вас освобожу, а вы передайте весточку моим родным, они вас отблагодарят!.. Хорошо?

Взгляд рыцаря смягчается, и я аккуратно перерезаю его веревки, а потом помогаю из них вылезти.

— Скорее, рыцарь, скорее! Ведьма может вернуться в любую минуту!

И словно в подтверждение за окном сверкает молния.

Рыцарь ускоряется. Кратчайшей дорогой я веду его к portalу, прочь из башни и из леса, и... Надеюсь, Вилла ничего не меняла, и портал правда откроется в горах троллей?

Уже перед порталом у рыцаря просыпается совесть. Велеречиво поблагодарив меня, он ловит мой взгляд и вдруг впивается мне в губы. Х-х-хам! Я отскакиваю, влепляю ему пощечину. Потом вспоминаю, что хотела-то совсем не этого.

— Ах, благородный рыцарь, вы, наверное, думали снять с меня проклятье? А то я вас не так поняла...

Благородный рыцарь прижимает руку к щеке и бормочет извинения.

— Но меня не расколдовать обычным поцелуем, — рыдаю я. — Вам нужно приплыть на остров, что посреди моря-океана, сорвать там золотое яблоко, накормить им утку, приготовить ту утку, а потом в железных сапогах принести эту утку мне. И только тогда быть может...

Судя по лицу рыцаря, к черту ему такая принцесса, хоть и сто раз красавица.

— Ах, жаль, — всхлипываю я. — Ведь мой отец богат, а моя мать...

И расписываю прелести свадьбы со мной с меркантильно-материальной точки зрения. Отношение рыцаря к сапогам и утке по ходу рассказа меняется, а в конце он и вовсе глядит на меня, открыв рот.

— Я спасу тебя, моя суженая! — он шагает в портал. — Жди меня, только очень жди!

И исчезает.

— Море-океан? — смеется Вилла, появляясь рядом со мной. — Виола, ты хоть представляешь, сколько там островов с утками и яблоками?

Я пожимаю плечами. Наверное, много. У меня плохо с географией этого мира.

— Зато он еще лет семь к тебе не придет.

— Да уж, — фыркает Вилла. — Ему было бы проще, действительно испеки я его в печи... Смотри, Виола, через семь лет он явится с уткой, что я ему скажу?

— Не явится, матушка. Уже в горах троллей сдастся. Но посмотреть мне в глаза будет стыдно, так что он теперь станет обворовывать какую-нибудь другую ведьму... А у тебя еще остались те вкусные мидии? То есть пальчики?

— Так какой совет тебе был нужен, Виола? — спрашивает меня крестная чуть погодя на кухне (о боже, если я съем еще этих мидий, мне будет плохо, но как же хочется — не остановиться!). — Заодно скажи, почему от тебя фонит высшим демоном и сиернским демонологом одновременно?

— Мм, — усилием воли я отодвигаю блюдо с мидиями. Кажется, зря: вместо них чудесным образом появляется мармелад. Ма-а-атушка! — Ты... м-м-м... знаешь Дамиана?

— Солнышко, да кто ж его не знает! — усмехается Вилла. — Будущего Темного Властелина обязана знать каждая уважающая себя ведьма.

Мармелад идет у меня не в то горло.

— Чт-то?! Кого? Властелина?!

Вилла пожимает плечами и подливает мне еще лимонада.

— На роду у него написано. Любящие родители насильственно убиты, с братом не в ладах, дар демонолога крепчает, ранимая душа все принимает всерьез, и так низкая самооценка продолжает падать... Через десять лет Властелин окончательно созреет, озлобится и пойдет завоевывать мир.

Ага. «Тварь ли я дрожащая...», да? Дамиану это действительно подходит.

— Матушка, Дамиан — мой друг, и я тебе честно скажу, что мир ему не нужен. Ну... ну какой из него Властелин, матушка?

— Есть предсказание, что хороший, — улыбается Вилла. — Он принес тебе клятву?

— Откуда...

— Солнышко, это будет не первый Властелин, которого я увижу на своем веку. Я знаю, какие они, — Вилла смеется, — ранимые и тоскующие. Им просто необходимо кого-нибудь защищать. Поверь мне, у каждого Властелина есть своя возлюбленная, как у каждого дракона — своя принцесса. Так он тебе поклялся?

— Да...

— Надеюсь, ты не додумалась привести его сюда? Потому что иначе я просто обязана взять его в ученики, чтобы подробно рассказать, как и от чего тебя нужно защищать и...

— Матушка! Хватит!

Вилла усмехается. Потом, прищурившись, смотрит на меня.

— Он тебя уже целовал?

— Да!

— Хм.

— Матушка!

— Вилла, ты мне как дочь, и если этот недо-Властелин сделал тебе больно, то я сначала спущу с него шкуру, а потом возьму в ученики и...

— Ну хватит! Матушка, мне нужен совсем другой совет. Скажи, как можно снять заклятие мертвого сна?

— А ты еще и заснуть собралась? — ахает великая черная ведьма и тут же смеется. — Хорошо, хорошо, Виола. Я серьезна. А мертвый сон снимается поцелуем любви. Это просто.

— Но если... м-м-м... нет любви? А расколдовать все равно надо?

Вилла вздыхает. Тяжело смотрит на меня.

— Ты связалась с королевой Сиерны?

— Э-э-э... Да.

— Прекрасно! Ох уж эта твоя сестра... Я так и знала! — Новый вздох. — Рассказывай.

— Ну...

— Все рассказывай, Виола. Я узнаю, когда ты солжешь.

И вот они минусы положения, когда твоя крестная — ведьма...

А еще она может читать мои мысли.

М-да...

Рассказываю. Без утайки. Все (ну, кроме того, что Дамиан сейчас в башне с Рапунцель, но это же к делу не относится, да?).

— Виола, — когда я замолкаю, тихо говорит моя крестная, — я помогу

тебе. Конечно. Но только должна тебя предупредить: если сиернский принц проснется, это еще больше усложнит твою жизнь.

— Как? В смысле — а точнее?

— А точнее, — Вилла тяжело вздыхает, — ты потеряешь свое счастье.

— Счастье? Матушка, как? Ромион на меня обидится? Или что? — Я смеюсь, но Вилла действительно серьезна.

— Ты уверена? Ты действительно этого хочешь? Королева Сиерны проиграет в любом случае, а на престол взойдет твой друг Дамиан. С этого начнется его становление Темным Властелином. Так это должно быть, Виола. Мне жаль, но ты не из нашего мира, и ты вмешиваешься, а в итоге поменяешь порядок вещей. К счастью или нет — я не вижу.

— Но мое несчастье ты тем не менее видишь?

— Виола, — Вилла качает головой, — его не надо видеть. Достаточно видеть тебя. Ты уверена?

Ромион спит мертвым сном вечность, Дамиан становится королем и «чернеет»... И я одна могу это изменить? Ценой своего счастья?

В последний момент мне становится интересно: желал бы Дамиан стать королем?

Но я уже отвечаю:

— Да.

— Ты упрямая девочка, нет смысла тебя переубеждать, — вздыхает Вилла. — Пойдем.

Буквально через пять минут я становлюсь счастливой обладательницей стеклянной склянки с чем-то очень похожим на подкрашенную воду.

— О, это безумно мощное колдовское зелье, — объясняет Вилла. — Дай спящему принцу его выпить или просто намочи им его губы, и он проснется.

— Да? Точно? Матушка, это похоже на обычную воду... Ты же только что набрала ее из источника в саду.

— Виола, этот источник на самом деле слезы девственниц...

— Серьезно? А раньше ты говорила, что это просто подгорный ручей, текущий через порталы.

— А сейчас — слезы девственниц! — сердится Вилла. — Берешь или нет?

— Да... — наверное, если великая черная ведьма говорит, что оно поможет, я должна верить.

Вилла со странной улыбкой смотрит на меня.

— Торопись, Виола, если хочешь успеть до того, как на Сиерну нападут гоблины с Креманией и порталы закроются. И да, не забудь

напомнить Ульрику, чтобы пригласил меня на свадьбу. А то я давно ищу повод проклясть твою сестру тебе под стать...

— Матушка!

— Ну все-все, идем. Я провожу.

— О, матушка, я сама дойду...

— Нет, пойдем. Когда еще ты ко мне заглянешь? А я скучаю...

У Рапунцель же Дамиан — надеюсь, она додумается его спрятать? Хоть бы додумалась — с Виллы станется посадить будущего Властелина за учебники. Или за мидии-пальчики. Или начать промывать мозги о том, что все мужики — козлы. Однажды она сделала это с рыцарем...

— Виола? Ты меня слушаешь? Я только что попросила тебя взять Рапунцель к феям. Твоя матушка скоро заглянет и попросит тебя приехать...

— В Сады? — ужасаюсь я. — Нет! У меня трояк по математике! Я его еще не исправила!

— И вряд ли исправишь, — смеется Вилла.

— Но не настолько же я безнадежна!

— Не поэтому...

Рапунцель лежит у окна на софе, поигрывая прядью волос. Вилла видит ее, вздыхает:

— Опять отросли! Ну что делать?!

— Так, может, мне к цирюльнику надо, матушка? Он такой милый... — невинно интересуется Златовласка. — Правда, у меня уже от этих волос минрени...

— Мигрени, — шепотом поправляю я.

— Вот-вот. Матушка, пусти меня в Виток, там нынче ярмарка...

Но Вилла — женщина и давно не ведется на щенячий взгляд приемной дочери.

— Никаких ярмарок. Сидишь в башне еще полгода — ты наказана.

— Но, матушка!

— Если только Виола тебя на свадьбу не повезет.

— На какую свадьбу? — хором спрашиваем мы, и Вилла заговорщически улыбается.

— Конечно, на свою свадьбу с принцем Ромионом.

— Матушка!

Тут в шкафу слева от окна что-то падает.

И наступает тишина.

— Фу-фу, — бормочет Вилла, поворачиваясь к шкафу, — чужим духом пахнет...

— Это кот! — вскрикивает Рапунцель, подскакивая на софе.
— В сапогах! — поддакиваю я.
— В сапога-а-ах! — восклицает Вилла, тут же забывая про шкаф. —
Опять явился, негодник! Сейчас мне всех кошек попортит!

И исчезает. Со свистом и в клубах дыма.

Мы с Рапунцель одновременно выдыхаем, а из шкафа, с некоторым, впрочем, опозданием, вываливается слегка помятый Дамиан.

— Виола? Ну как? — И на ухо мне шепчет отчаянно: — Мы можем, наконец, уйти?

— Конечно, — я машу перед ним склянкой с водой. — Идем.

— Эй-эй! — кричит Рапунцель, и Дамиан заметно вздрагивает. Странно, я думала, как вернусь, они тут будут не разлей вода... — А что за свадьба?

— С Ромионом? — поднимает брови Дамиан.

Я отмахиваюсь:

— Матушка... Рапунцель, ты за ней присмотри, ладно? А то она что-то заговаривается. И это, давай заканчивай с рыцарями...

— Да-да. — Златовласка меня не слушает. Она ласково улыбается Дамиану. — А ты со мной не останешься? Милый принц...

— Виола, идем скорей, — выдыхает Дамиан и первым прыгает за подоконник.

Мы с Рапунцель переглядываемся, я пожимаю плечами. Откуда мне знать, что с ним?

А нервный Дамиан молчит всю обратную дорогу до портала (то есть, конечно, до невидимых ворот — места, где мы можем перенестись в любую точку этого сумасшедшего мира).

И облегченно выдыхает, когда мы вновь оказываемся на лугу, ромашковом, пряном и очень мирном.

— Мы в Кремании, — объясняет Дамиан. — Виола, если ты не против... В Сиерну лучше идти ближе к ночи — тогда я буду сильнее всего. Сейчас... я бы подождал здесь. Ты не против?

Конечно, я не против провести шесть часов на ромашковом лугу в компании нервного демонолога. Кто бы отказался?..

— Все хорошо?

Дамиан падает прямо в траву неподалеку от пересекающего луг ручья.

— Да. Все хорошо. — И вдруг громко: — Она суккуб?

— Нет, Виллинда — ведьма, я же говорила...

— Эта девушка. Рапунцель. Суккуб? — и испуганно смотрит на меня. Что происходит?

— Рапунцель? Дамиан, я не знаю, что такое суккуб и, если честно, не понимаю — ты от Рапунцель так сбежал!.. Обычно все происходит наоборот. — Я сажусь рядом. — Она тебе не понравилась?

Дамиан пораженно глядит на меня и вдруг смеется. И, тоже смеясь, расстегивает рукав сорочки. На бледной коже красуется след острых зубок, налившийся алыми капельками крови. Я немедленно хлопаю себя руками по карману — должен же быть платок перевязать.

— Это она тебя? Значит, ты ей очень понравился. Извини, Дамиан, наверное, надо было раньше сказать: Рапунцель — полукровка. Отец — какой-то демон, а мать — русалка. Потому и волосы у нее так растут, потому Вилла и держит ее в башне. Как только нога Рапунцель касается земли, голова у девочки так кружится, что она кидается буквально на все, что движется. Особенно если это «все» мужского полу и красивой внешности. Молчу уж, что она творит в воде.

Дамиан потихоньку успокаивается.

— Да, а отец ее, наверное, инкуб. Это же чудовище, Виола! Она любого мужчину с ума сведет одним только взглядом!

— Что она и делает. — Я срываю колосок и засовываю в рот. — Вилла не любит рыцарей и с успехом бы уже от них избавилась, но время от времени Рапунцель выпрашивает у нее прогулку в какое-нибудь королевство на ярмарку. После этого рыцари валят в башню Златовласки косяками — только успевай отбиваться.

Дамиан фыркает и смотрит на небо. Чуть погодя я ложусь рядом. Все это нехорошо напоминает тот день, когда он меня поцеловал. Становится грустно, но я прогоняю эти мысли прочь.

— Зачем ты меня к ней привела? Если ты все это знала? Виола?

— К Рапунцель? Она неплохая девочка, и ей тоже одиноко, а еще она красивая. Как и ты. И да, ее отец же был демон. Я подумала... Ладно, честно — я ни о чем таком не думала. Но, наверное, было бы хорошо, если бы...

— Если бы я присоединился к армии ее ухажеров?

— Ты лучше их всех, Дамиан. Это правда. И потом, я думала, она тебе понравится. Она же всем нравится...

— Ты уже сказала, что ни о чем таком не думала. — Дамиан закрывает глаза. — Скажи, Виола, я никогда не буду достаточно хорош для тебя, да?

— Что? — Я поднимаюсь на локтях и смотрю на него, но Дамиан по-прежнему не открывает глаза. — О чем ты?

— Мне с детства говорили, что я красив. Наверное, это единственное мое достоинство...

— Неправда! Дамиан — ты замечательный, я же говорила, ты мне очень нравишься!..

— Пока Ромион не стал лить мед тебе в уши, — улыбается Дамиан. — Думаешь, я не понимаю? Красивой картинкой восхищаются, но потом она надоедает. Даже мой собственный брат оказывается в разы лучше, хотя он-то никого не любит...

— Неправда! Он тебя любит и...

— Виола, — Дамиан все-таки открывает глаза. — Я знаю, что говорю. Ромион делает то, что ему выгодно. И только. Он практичен до мозга костей. Романтика не для него.

— Прекрати! Ты его совсем не знаешь! Он заботится о тебе — когда мы с тобой поссорились, он просил, чтобы я... я... — Наверное, зря я это. Черт...

Но Дамиан кивает.

— Чтобы ты подарила мне ленту. Я знаю. Конечно, просил. Я же был ему нужен. Союзник. Демонолог. Брат. Кто угодно — лишь бы помог, когда мачеха сомкнет вокруг него свои когти.

— Ты все переиначиваешь. — Я падаю обратно в траву. — Ты действительно совершенно его не знаешь. Когда мы встречались в саду, он...

— Виола, но ты же понимаешь, что все эти встречи были просто попыткой заставить тебя полюбить его? По-настоящему.

Эта мысль уже приходила мне в голову, но она слишком болезненная — я и сейчас ее отгоняю.

— Дамиан, знаешь что? — Вынимаю склянку с водой и поднимаю ее на вытянутой руке. — Вилла сказала, что это разбудит Ромиона. Возьми.

Он ловит склянку и удивленно смотрит на меня.

— Если Ромион такой плохой — вылей. Давай.

— Виола, ты что...

— Не можешь? Тогда я скажу больше: когда ваша королева будет повержена (а моя крестная в этом не сомневается) и Ромион не проснется, ты станешь королем Сиерны. Вот, ты держишь в руке свое будущее. Вылей, если хочешь. И Ромион будет спать вечно.

Дамиан переводит взгляд с воды в склянке на меня.

— Ты достала это зелье. Для него. И ты думаешь, я смогу...

— О, мне это ничего не стоило, ты же видел. Вилла — моя ведьма-крестная. Она мне почти как мать.

— Виола, ты любишь Ромиона?

— Ты думаешь, если бы я его любила, я дала бы тебе выбирать? Я бы

сделала все, чтобы разбудить его...

— Ты и так делаешь все. — Он возвращает мне склянку. — Мне не нужен трон. Мое единственное желание: быть рядом с тобой. И все, Виола. Я фантазировал, что ты могла меня полюбить, но это были лишь мечты. Я тебя просто недостойн.

— Недостойн? Шутишь? Дамиан, посмотри на меня? Я уродина...

— Только днем. И внешность, Виола...

— О, не перебивай! Я эгоистка, я наивная дуручка, я даже не из вашего мира. И я фея-полукровка, у которой легкомыслие в крови. Seriously, Дамиан, если кто кого и недостойн, то это я тебя. Но я бы все-таки об этом не думала. В конце концов, мы ведь уже выяснили, что можем быть только друзьями. В смысле, ты меня уже поцеловал.

— Я был идиотом, — вздыхает Дамиан.

— Да, но самую чу-у-уточку.

— Я люблю тебя, Виола.

— Ха-ха. Дамиан, хватит. Кстати, император Ульрик дал мне пропуск в свои пещеры, так что к Ромиону мы можем пойти под землей.

— Ромион действительно будет лучшим мужем для тебя...

— Ты меня вообще слушаешь?

— Да, Виола. Когда вы поженитесь, ты позволишь мне остаться рядом с тобой? Это разрушит твою репутацию, но я, кажется, просто не смогу без тебя жить.

Я нахожу его руку и крепко сжимаю.

— Конечно, позволю. Мы же друзья.

И почему он решил, что я хочу замуж? Да, Ромиона нужно спасти — но замуж?! Благодарю покорно, я еще слишком молода. Мне же только шестнадцать! К тому же что скажет папа, когда я вернусь? «Папа, здравствуй, это Ромион, и он мой муж» О-о-о, даже представлять не хочу.

— Дамиан? А что ты думаешь о... м-м-м... Темном Властелине?

— А что я о нем должен думать?

— Ну... Ты бы хотел им стать?

— Завоевать мир, ставить на колени всех, кто косо посмотрит, превратить свет в тень и всех вокруг в рабов? Даже не зна-а-ю. О звезды! Ты серьезно. А ты сама бы хотела?

— Я?

— Ну да. Представь: все, кто называл тебя лягушкой, абсолютно все — у твоих ног. Хорошая перспектива?

— Нет, конечно! Зачем у ног...

— Если можно сразу на кол, — подхватывает Дамиан и смеется. Потом

поворачивается ко мне, ловит взгляд. — Звезды, Виола, я же тебя дразню. Что, у меня и это плохо получается? Послушай... расскажи, о чем вы говорили с Ромионом? Может, так я пойму, чем он тебя очаровал?

Нехотя я рассказываю сначала про озеро с лебедями, потом про балет. Потом про мой мир. Про папу. Про себя... С Дамианом сложно общаться вот так, ни о чем. Он же просто лежит и внимательно смотрит на меня и даже, кажется, забывает вставлять «угу» или вставляет невпопад. Но я говорю и говорю... А потом солнце перекачивается за горизонт, я сверкаю золотом... И Дамиан с болезненной тоской отворачивается.

— Если бы ты захотела... я бы стал для тебя Темным Властелином. Я бы положил мир к твоим ногам. Я бы...

— Звезду с неба?

— А ты хочешь? — изумляется Дамиан.

— Конечно нет! Зачем мне звезда? Да и мир тоже. Дамиан, нам еще не пора? Вот... кольцо, которое Ульрик дал. Им вроде бы надо земли коснуться.

— А чего бы ты хотела? Если не мир и не звезда?..

Но я уже касаюсь земли — и знакомо лечу в земляную нору, которая вдруг сменяется звездным небом, а оно — стеклом, точнее, в стекло превращаются звезды. Красивые блестящие острые осколки, которые рискуют меня порезать, если коснусь хоть пальцем... А потом впереди вырастает зеркало, и в нем отражаются сотни, нет, тысячи других зеркал, а я становлюсь маленькой-маленькой, буквально точкой или пятнышком...

«Ты заблудишься в лабиринте моих зеркал, — поет чей-то голос. Наверное, королевы. — Заблудишься, и исчезнешь...»

Но тут в отражении возникает нечто огромное, безумно страшное — черная пульсирующая клякса, которая тянется ко мне... А когда касается, я вижу перед собой Габриэля.

— Привет, — говорю я ему. — Кажется, мы с Дамианом заблудились. Кстати, куда он делся?

В глаза Габриэлю смотреть опасно — в них пульсирует тьма. Я отворачиваюсь и вздрагиваю, когда он говорит: его голос бьет по ушам так, что и оглохнуть недолго.

— Я отнесу тебя в башню, Виола. И твоего рыцаря тоже. Не могла бы ты попросить его в следующий раз думать, прежде чем открывать портал? Королева Изабелла охотится на вас.

— А это не он, это я... Ну, то есть портал поставила. Я колечком в землю ткнула — император гоблинов же так говорил. Я не знала...

Габриэль смеется и в буквальном смысле разводит рукой тьму.

— Смотри. Ваша башня. Королева окружила ее тернием, чтобы какая-нибудь влюбленная дурочка не освободила принца. Знаешь почему?

— Не-а. Ромион говорил, что в настоящую любовь не верит, а он бы знал, если бы его кто-то действительно любил, разве нет? Так что пусть его хоть все королевство перецелует, это не должно помочь... Наверное.

Габриэль с усмешкой качает головой, и глаза у него уже нормальные, как, кстати, и голос.

— Если принц проснется от поцелуя настоящей любви, королева лишится короны. По древним сиернским законам нашедший истинную любовь наследник престола должен стать королем. А если он станет королем, сама земля поможет ему избавиться от зла.

— М-м-м, как интересно, — хмыкаю я. Не признаваться же, что считаю древние сиернские законы бредовыми и не понимаю, что значит «сама земля поможет»? — А Ромион про это знает?

— Конечно, — усмехается Габриэль. — Про это все знают.

— М-да, забавно тогда получится, когда он проснется от зелья... Еще не король, да? Он сможет тогда солгать, что это я его поцеловала? Я не буду против, правда. Пусть только живет долго и счастливо.

Габриэль снижаетеся и ставит меня на каменные плиты дорожки перед входом.

— Виола, принца не разбудит ничто, кроме поцелуя. Ты же сама это сказала, когда накладывали проклятье. Благословение феи, как и проклятье ведьмы, нельзя изменить.

— Габриэль, извини, это как-то очень сложно. А где Дамиан?

Демон снова усмехается и тает в воздухе. Вместо него возникает Дамиан с мечом наголо. Видит меня, хватая за руку, быстро задвигает себе за спину — я чуть о стену не стукаюсь — и дико озирается. Потом опускает меч, но в ножны не убирает.

— Твой демон?..

— Снова нас спас, — киваю я. — Сказал, чтобы я порталы ставила аккуратнее.

— Еще было бы неплохо, чтобы ты научилась хотя бы иногда вести себя осмотрительнее, — судя по тону, Дамиану есть что сказать, и это он еще сдерживается. — Виола, у тебя есть я, и я маг. Почему ты просто не подождешь, когда я отправлю тебя туда, куда нужно?

Звучит, а? «Отправлю тебя туда, куда нужно».

— Что? Хочешь, чтобы вела себя как дама в беде? Ах, спасите, великолепный Дамиан, на меня вон то чудовище косо посмотрело! Откуда я знала, что кольцо так отреагирует? Я сделала все, как Ульрик сказал...

— А я бы еще щит поставил, потому что королева нас ищет! Виола, как можно быть такой легкомысленной?

— Я фея-полукровка, это у меня в крови. И вообще, не нравится — свободен.

— Чт-то?

— Будешь на меня кричать — обижусь, — корректирую я. В чем дело? Он прав, я ничего не смыслю в магии, и из-за меня нас чуть не поймала королева. Старилась бы сейчас перед зеркалом, если бы не Габриэль. Веду себя как блондинка-истеричка. «Ах не нравится — убирайся!» Брр! Ладно, это от нервов. — Извини, Дамиан. Просто давай мы не будем ссориться хотя бы здесь. И да, я не против, если ты сейчас пойдешь первым. Этот темный проход меня пугает.

— Там никого нет. — Дамиан, однако, действительно идет вперед. И он же щелчком пальцев создает свет.

А потом еще предлагает меня понести, когда на пролете этак десятом я выдыхаюсь. Королева... Она бы Ромиона еще в небоскреб положила...

Нести я, конечно, себя не даю (ага, а потом мой верный рыцарь свалится вместе со мной же на пятнадцатом пролете?), но идем мы медленнее. И да, я вспоминаю все те моменты, когда папа предлагал мне заняться спортом, а я гордо отказывалась: «Лягушке ничто не поможет!»

Сейчас лягушке очень бы помогло, будь она в хорошей форме, но что уж теперь делать! Зато я почти не замечаю раскиданные по лестнице цветы (в основном, белые розы), стоящие у стен музыкальные инструменты (в основном, скрипки) и мигающий плакат на стене: «Ромион, ты лучший!»

Принца любят сиернские девушки... Почему же тогда он до сих пор спит заколдованным сном?!

В башне одна-единственная комнатка — на самом верху. С одним-единственным окном, куда заглядывает одна-единственная луна (но это, конечно же, очевидно). Ромион лежит в чем-то, здорово напоминающем гроб, и мертвым совсем не выглядит. Просто крепко спящим. Бледный, мирный, спокойный — я смачиваю его губы водой из склянки и жду.

Ничего не происходит.

Дамиан садится на широкий подоконник, попутно спихнув оттуда венок роз и погасшую свечку, а еще, кажется, подписанную королевой открытку: «С днем рождения, сынок!»

— Она не работает! — в отчаянии шепчу я и выливаю Ромиону в губы оставшуюся воду.

Снова ничего не происходит.

— Не работает! Почему?!

— Только поцелуй может разбудить принца, — пожимает плечами Дамиан.

— Но моя крестная...

— Целуй его, Виола.

— Что? — Я выпрямляюсь. — Я? Я его не люблю!

— Угу. А я большая говорящая лягушка, — грустно усмехается Дамиан. — Целуй.

Я смотрю на спящего Ромиона и понимаю, что Вилла меня почему-то обманула. Что чуда не будет. Ромион будет спать вечно. Вот здесь, среди роз, глупых открыток и плакатов. В гробу.

Но так же не должно быть!

— Виола, — вздыхает Дамиан. — Целуй, или мы спускаемся, я вызываю духов, ты — своего демона, и мы идем к императору гоблинов помогать в войне за твою сестру.

— Что? Все-таки решил стать королем? — Это у меня получается неожиданно зло, но Дамиан только отворачивается.

— Нет. Виола, не тяни.

Я смотрю на Ромиона и не замечаю, как по лицу начинают течь слезы. Когда все успело настолько усложниться?

...И неужели я больше не увижу, как он улыбается? Мне... Мне одной он улыбался по-настоящему. А я стою тут как... как...

— Виола, ты действительно лгунья, — вздыхает Дамиан. — Ты лжешь даже самой себе.

У меня дрожат руки и подгибаются коленки, когда я, опираясь о стенки гроба, наклоняюсь к спящему Ромиону и аккуратно, нерешительно касаюсь его губ. Это первый раз, когда я сама кого-то целую, и это... странно...

Но совершенно нормальным кажется, что губы Ромиона открываются мне в ответ, и робкий поцелуй превращается в... м-м-м... совсем не робкий. Даже очень не робкий. (А Ромион-то определенно целуется не в первый раз...)

Я понимаю это, а еще — что он целует меня сам. И, удивленно отстранившись, встречаюсь с принцем взглядом.

И скрипки по всей башне начинают играть что-то волшебное, сладкое, пронзительное. И очень изумленное.

Ромион улыбается мне — да, от этого мое сердце стучит быстрее, а дыхание спирает — и протягивает руки к моим волосам. Я вздрагиваю.

— Я думал, это невозможно. — Глаза принца странно блестят, неужели от слез? — Виола...

— Теперь ты просто обязан на ней жениться, — вставляет Дамиан,

обращаясь, кажется, к своим коленям. — С пробуждением, братец.

Ромион не обращает на него внимания. Он гладит мои волосы, смотрит благодарно и шепчет:

— Спасибо...

Дамиан на подоконнике, фыркнув, отворачивается.

Глава 14, в которой я понимаю кое-что очень важное — и это меняет мою жизнь,

Романтика длится недолго. Ромион одаривает меня последним восхищенным взглядом, заправляет выбившийся локон за ухо, быстро целует в щеку и садится в своем гробу. Озирается — улыбка становится все шире, пока взгляд скользит по цветам, свечам, плакату. Возвращается к цветам: они уже увяли, особенно те, что ближе всего к гробу. Белые венчики поникли и изменили цвет с молочно-белого на противно-белесый. Ромион проводит по ним рукой, закрывает глаза и шепчет: «Оживите».

И розы распрямляются, белеют, расцветают — в общем, оживают. Ромион, широко раскрыв глаза, смотрит на них. И улыбается так счастливо, что мне становится завидно: меня он встретил не так радостно, хоть я его и разбудила.

И музыка скрипки взлетает ввысь, ликуя и смеясь...

Ромион на мгновение складывает пальцы в «замок», глубоко вдыхает. Потом ловит мой взгляд и улыбается до ушей.

— Виола, спасибо, спасибо! Я люблю тебя!

Дамиан на подоконнике громко фыркает. Я бросаю на него короткий взгляд и снова смотрю на принца.

— Мм... я, наверное, тоже...

Но Ромион не слушает. Он выпрыгивает из своего гроба, быстро разминает руки, не прекращая улыбаться. Наконец-то замечает брата.

— Дамиан! И ты здесь! Великолепно!

— Ваше величество, — отзывается Дамиан таким тоном, точно его заставили съесть лимон. Много-много кислых лимонов...

Ромион и это пропускает мимо ушей.

— Прекрасно. Тогда ты останешься с Виолой.

— Как скажете, ваше величество.

— В смысле, останется? — изумляюсь я. — А мы разве не вместе сейчас пойдем спасать мою сестру?

— Виола, любимая, к рассвету твоя сестра будет с тобой в безопасности, а голова королевы Изабеллы — на пике, — улыбается Ромион. — Просто...

— На пике?! — Я не замечаю, как повышаю на него голос. — Ромион,

у нее же сын! Ваш с Дамианом брат! Ты же говорил, что не убьешь ее, если станешь королем!

Ромион отмахивается.

— Виола, дорогая, мы обсудим это позже.

— Когда позже? Когда убьешь?!

Принц (или он теперь автоматически король?) нетерпеливо вздыхает.

— Виола, прости, у меня нет сейчас времени на споры. Дамиан, ты останешься с моей невестой. Никуда не выходите из башни до утра... Или пока я за вами не пришлю. Это приказ.

Дамиан молча склоняет голову, а я, не веря, выдыхаю:

— Ты что, меня здесь взаперти держать собрался?!

— Виола, дорогая, я же не могу позволить, чтобы моя невеста пострадала, пока я напоминаю моей милой мачехе, где ее законное место. Поэтому ты останешься здесь под охраной твоего рыцаря и моего брата. В безопасности. И. Не. Спорь!

Увы, он исчезает за дверью быстрее, чем я успеваю опомниться.

Дамиан ловит мой взгляд и снова фыркает. От этого и еще от его взгляда я и прихожу в себя.

— Осталась? Здесь?! Ромион! — кидаюсь к двери следом за принцем. — Я не позволю со мной так обращаться! Я тебе не какая-нибудь принцесса! — Но пространство от косяка к порогу в считанные секунды оплетают шипастые побеги, и я подаюсь назад.

Вот... Вот... Гад!!!

Это я и кричу ему, высунувшись из окна, оттолкнув Дамиана.

— Только вернись! Только вернись, слышишь?! Я тебе такую настоящую любовь устрою, обратно в гроб залезешь и уснешь как миленький! Зачем я только тебя разбудила?!

Дамиан с улыбкой смотрит на меня.

— Веселая у вас будет семья.

— Семья? — я поворачиваюсь к нему. — Семья?! Да я... Да я... Да я не выйду за него! С чего ты взял, что я хочу за него замуж?! За этого... этого...

— Виола, принц должен жениться, чтобы стать королем, — спокойно отвечает Дамиан. Даже слишком спокойно, учитывая мое состояние и то, что я немедленно принимаюсь кидать в окно все, что оказывается по рукой (то есть цветы, свечи и плакат). — Ромион, конечно, королем станет совершенно точно, но последний штрих все же необходим — жениться на той, что подарила ему поцелуй настоящей любви.

— Что-о-о? — я хватаюсь за гроб и тащу к окну и его. Дамиан

торопливо отшатывается. — Да если бы... Уф! Если бы!.. Уф! — гроб с трудом, но проталкивается в окно. — Если бы я раньше знала!

Гроб падает на землю, с треском разламывается, а я высовываюсь посмотреть: может, повезло, и он попал Ромиону на голову? Ах, если бы!..

— А чего ты ожидала? — пожимает плечами Дамиан. И, встретившись со мной взглядом, торопливо сует мне чудом уцелевшую в моей истерике свечку.

Я разламываю ее пополам и тоже швыряю в окно. Потом усаживаюсь на подоконник, но долго сидеть неподвижно не выходит.

— И что, это так ему земля помогает? — Я киваю на заросший колючками выход на лестницу. — Так, да?

Дамиан кивает.

— И он сейчас сражается с вашей помешанной на зеркалах королевой...

— Если я хоть немного знаю Ромиона, он не отправится во дворец, — возражает Дамиан. — Во дворце королеве легко будет заманить его в Астрал, а там он бессилен...

— Так что же она раньше его в этот Астрал не заманила?!

— Виола, успокойся, — примирительно просит Дамиан. — Все хорошо. Раньше на Ромионе были амулеты, в том числе и мои. И потом... мой брат умирает в Астрале? За кого ты меня принимаешь? Лучше я его сам убью. Здесь, в честном бою. А королева заманит его в свой «карман», которого у нее, конечно, раньше не было, потому что держать собственную реальность постоянно невозможно — ее строят из ничего и с определенной целью...

— Все-все, хватит! — отмахиваюсь я и, спрыгнув с подоконника, принимаюсь шагать по комнате. Дамиан мудро отступает подальше. — То есть он сейчас к гоблинам... Так?

— Скорее всего.

— А я сижу здесь!

— Виола, но чем ты поможешь? — восклицает этот... предатель! — Ты же не владеешь магией и оружием тоже. Ты должна быть в безопасности...

— Замолчи, замолчи, замолчи! Там моя сестра! Моя сестра! Которую я оставила ради этого... этого... тирана! Да как он мог?.. Бросить меня тут!!!

— А чего ты ожидала? — повторяет Дамиан, прислоняясь к стене и скрещивая руки на груди. — Ты сама его разбудила.

— И уже жалею! Да лучше бы ты вылил тогда ту воду! Лучше...

— Виола. Твой поцелуй снял проклятье. Ты любишь Ромиона.

— Да я вечно влюбляюсь в каких-то!.. У-у-у-у! Дамиан, я не буду тут сидеть сложа руки! Ты же можешь — открой портал во дворец. Ну пожа-а-а-алуйста!

— И не подумаю.

— Дамиан!

— Нет.

— Но... Но... Да ты же мне клялся! — вспоминаю я. — Ты мой рыцарь. Ты говорил: все, что я захочу. Открывай портал!

— Ваше высочество, — отстраненно отвечает Дамиан, — королева может перехватить даже мой портал. Я не могу этого позволить. К тому же ваш жених приказал мне беречь вас здесь. А он король и скоро станет вашим мужем. Значит, его приказы выше ваших.

— А-а-а-а!

Дамиан спокойно смотрит на меня и улыбается уголками губ.

— Габриэль! — вспоминаю я. — Габриэль, ну ты-то! Помоги!

Ничего не происходит. Ни клякса, ни рыцарь — Габриэль не появляется.

— Виола, высший демон придет, только если ты будешь в смертельной опасности, — говорит Дамиан, когда я в немой ярости проношусь мимо него. — На твой каприз он не явится.

— Каприз?! Поставь себя на мое место!

— Я маг и рыцарь, принцесса. Я на вашем месте никогда не окажусь.

— Я тебя сейчас стукну, маг и рыцарь!

Дамиан поднимает брови и улыбается, а я срываю с пальца кольцо Ульрика.

— Виола, — говорит мой рыцарь-предатель, — чтобы оно сработало, ты должна коснуться им земли...

Я швыряю кольцо в окно. Щас коснусь!

— А земля... Виола, ты что?!

Но я уже перепрыгиваю через подоконник.

А вот не надо, не надо меня злить!

Дамиан не успевает меня схватить, внизу раскрывается земляная нора, оттуда высовывается гоблин, обалдевше глядит на меня, визжит не то от ужаса, не то от изумления, подпрыгивает — меня ловить...

И я, перевернувшись в воздухе, исчезаю в портале.

Еще сильнее осунувшаяся Розалинда дрожащими пальцами перекладывает ледышки у окна, за которым вспыхивают молнии и на бешеной скорости проносятся какие-то совершенно дикие созвездия. Со

свистом, а потом и ревом в залу влетает ветер, треплет волосы сестры, разносит всю ее мозаику по полу. Розалинда на коленях торопится ее собрать...

— Роз! — Нужно заставить ее плакать. Сейчас — а потом мы вместе придумаем, что делать. — Роз!

— Она не слышит тебя, фея, — говорит королева на троне. Прекрасная и величественная, как и прежде. Правда, теперь в ней ни следа прежней мягкости: с куклой ее сейчас точно не спутаешь. — Твоя сестра сейчас никого не слышит. Если, конечно, я не прикажу иное.

Я хватаюсь за ледяные прутья, обжигаюсь, но опереться о них получается. Оглядываюсь. У трона, тоже на возвышении, в обнимку с огромной серой собакой спит маленький Томми: малыш лежит у собаки под боком, а та, почуяв мой взгляд, открывает алые блестящие глаза... И я с трудом, но узнаю оборотня из Зачарованного леса.

Хм, у него же сердце вырезали... Нет?

Королева следит за моим взглядом и сжимает подлокотники трона, а ее губы искривляет злая усмешка.

— Посмотри, что ты наделала.

— Вы что... и сына... яблоком?..

Изабелла смотрит на меня, как на ненормальную, и брезгливо морщится.

— Что? Конечно, нет! Да как тебе в голову такое пришло! Мой сын будет жить, даже если весь мир вокруг обратится в прах... Но из-за тебя мне пришлось нарушить его режим сна, вытащить из удобной постели и перенести в Астрал. И кстати, не будь тебя, глупая девчонка, Томми стал бы единственным наследником, и мне не пришлось бы волноваться, что этот лис Ромион его убьет.

— Ромион никогда этого не сделает!

— Неужели?

Оборотень, положив голову на скрещенные лапы, следит за мной взглядом — что, впрочем, абсолютно не нужно, потому что подойти к его Томми я все равно не могу. Вокруг меня — колпаком прутья изо льда. Все, что у меня получается: сесть скрестив ноги у трона королевы. По другую сторону от Томми и, к сожалению, слишком далеко от Роз.

Ладно, ничего другого я и не ожидала. По крайней мере, Роз рядом и относительно в порядке. Теперь надо потянуть время, пока не объявятся Ульрик с Ромионом. И Дамиан наверняка сейчас открывает портал и рвется ко мне. Он же думает, что меня от всего нужно спасать.

— Ваше величество, — стараюсь, чтобы голос звучал спокойно и

твердо, — давайте будем благоразумны. Вы отпустите меня и Розалинду, а я уговорю Ромиона не трогать ни вас, ни вашего сына. Обещаю, Ромион...

Но смех королевы перебивает мои слова.

— Девочка, ты действительно глупа или настолько наивна? Ты правда веришь, что твой жених тебя послушает?

— Он не мой жених!

Королева усмехается и откидывается на спинку трона, прикрывая глаза.

— Тебя вынудят выйти за него, даже если ты сама не захочешь. Меня некогда вынудили, хотя, поверь, становиться королевой у меня не было никакого желания. Мне просто хотелось иметь сына, и так, чтобы его отец был достаточно богат и мог нас содержать. «Но принц же не может родиться вне брака!» — передразнивает она. — И это сказал человек, уже обзаведшийся одним бастардом... — она сокрушенно качает головой. — Неважно, тебе это все равно не понять. Вот... я же чувствовала, что с тобой будут проблемы. Вы, иномирные, другие и вечно все рушите... Я думала, мне удастся тебя контролировать. Я думала, ты сделаешь все, как я хочу, так или иначе. А ты все испортила. Как ты умудрилась влюбиться в этого лисенка, девочка? Зачем?

— А зачем вы его проклинали? — Я обнимаю колени и стараюсь смотреть на королеву, а не на ее спящего сына, такого маленького и беззащитного. И уж тем более не на изможденную Роз.

— Чего ты сейчас добиваешься? — королева открывает глаза и в упор смотрит на меня. — Что тебя снова спасут? Милая, красивая принцесса в беде — думаешь, за тобой кинутся все принцы, которых ты успела очаровать? И потом вы будете жить долго и счастливо?

Под ее взглядом я опускаю голову и смотрю теперь только на свои поцарапанные колени — их хорошо видно в дыры шаровар. Когда я умудрилась их так ободрать?

— Так вот, не будете. «Долго и счастливо» здесь не будет ни для кого, кроме меня и моего сына. Ты, конечно, разбудила принца. И он даже станет королем. И мне пришлось спешно придумывать другой план... Но править Ромиону все равно придется вместе со мной. И знаешь почему? Потому что у меня теперь есть ты. И он не сможет пальцем тронуть ни меня, ни моего сына, пока ты со мной.

— И что? Заставите меня тоже собирать слово «вечность»? Или стариться перед зеркалом?

— О нет, милая Виола. Эти заклинания слишком тяжело держать долго, а проклятий под рукой у меня больше нет. Но это и не нужно. Мне

достаточно тебя в клетке. Никто не сможет ее разбить, кроме меня. И если ты сейчас думаешь об этом глупце Дамиане или о своем демоне, то лучше забудь о них. Демон придет за тобой, только если тебе будет угрожать смертельная опасность, а я сама этого никогда не допущу. Нет, ты будешь жить, Виола. В клетке. А Дамиан... Зря он бросился за тобой. Знаешь, мне его даже жаль...

Я поднимаю голову и снова встречаюсь с королевой взглядом.

— Что вы с ним сделали?!

Королева поводит рукой, и на полу передо мной появляется объемная картинка: пустыня и маленький, совсем крошка, Дамиан, медленно бредущий по потрескавшейся от жара земле.

— Астрал опасен, в нем есть много неприятных мест, — спокойно объясняет королева. — Я не знала, что Дамиан уже успел познакомиться с Хранительницей. Впрочем, стоило предполагать — еще одно мое упущение. Но сейчас ему это не поможет. Это пустыня Безмолвия, Виола, так ее называем мы и младшие духи. Она черна, и создал ее когда-то демонолог, не уступавший Дамиану по силе, но куда как превосходивший коварством. Он был последним Темным Властелином, и это место стало его могилой. Оно сосет магию, все черное и жуткое, что есть в человеке. И, когда он сливается с тьмой, превращается в тень, эта зачарованная пустыня отправляет его блуждать в Астрал — ничтожнее, чем самый низший дух. Посмотри на своего Дамиана хорошенько, девочка. Ты больше никогда его не увидишь.

Наверное, впервые с того мгновения, как королева усыпила Ромиона с Дамианом, мне становится страшно. Но и тогда все обернулось не так трагично... Мы же в сказке, в конце концов!

— Прекратите, — голос дрожит, я хватаюсь за ледяные прутья, они обжигают кожу, но сейчас это не важно. — Зачем, зачем вы это делаете?!

Королева снова поводит рукой в воздухе, и Дамиан исчезает.

— Знаешь, милая Виола... Мне кажется, ты решила, что попала в сказку. Быть может, для тебя, иномирянки, это и было поначалу сказкой. Словно бы понарошку, да? Ничего плохого не произойдет. Друзья не предадут. Сестру из когтей злобной королевы спасут. Да? Я наблюдала за тобой, как ты играешь в эту сказку, и думала: когда же ты поймешь? Сказки нет. Не было и не будет. Есть реальность — везде, и здесь тоже. Помнишь, как тебя поцеловал Дамиан? Ты мечтала, что он тебя расколдует. А потом обижалась, а этот глупец тебе подыгрывал, потому что такой же неисправимый романтик. Ах, настоящая любовь, ах, не сложилось... Вы оба почему-то решили, что если споете друг другу сладкую песню о любви,

то любовь придет. За вами действительно было забавно наблюдать. И знаешь еще что — не мне одной. Я следила, как после проклятия Ромион вцепился в тебя, и уже тогда думала: молодец, если бы с кем-то у неге и вышло, то только с тобой. Наивной романтической дурочкой. Он спел тебе такую же песню, что и его неудачник-брат, только еще лучше. И — о, ты влюбилась. Я не учла, насколько этот лисеныш может быть хорош и насколько ты наивна. Ты его сначала жалела, а потом полюбила по-настоящему. Для тебя это все еще была сказка. Так вот, все, Виола. На этом сказка закончилась.

— Я не... понимаю... — Спел? Сказку? Ромион? — О чем вы?

Королева улыбается.

— Ты бросилась в портал, Виола, потому что решила, что ты добро и что ты победишь?

Нет, я просто психанула. И еще...

— Я хотела быть рядом с сестрой. Зачем вы...

— И теперь ты рядом с сестрой, — перебивает королева. — Ты своего добила. Твоя сказка на этом закончилась. Теперь смотри, как будет развиваться *моя* сказка: ты будешь жить в клетке, Дамиан умрет, и Ромион рано или поздно к нему присоединится. Я сумела отправить на тот свет его отца. Он, конечно, был поглупее, но у меня же есть ты. Ради тебя Ромион вынужден будет делать то, что я хочу. Именно вынужден, дорогая, ты же не тешишь себя мыслью, что он тебя любит.

— Я...

— Он поцеловал тебя в ответ, дурочка, — улыбается королева. — И ты все еще проклята.

— Но... Еще не рассвет!

— Уже скоро, — отмахивается королева. — Сама увидишь. Ты ему удобна, милая моя. Он женился бы на тебе и отправил домой, в твой мир. Где ты жила бы долго и, кто знает, может, и счастливо. Но подальше от него, потому что лисеныш-принц тоже любит прекрасных дев, а когда еще немного подрастет, узнает их и с другой стороны. Они будут падать ему на колени, как сорванные яблоки, — он же так мило поет им о настоящей любви, в которую даже не верит! — Королева ловит мой взгляд и усмехается. — Не волнуйся, Виола. Как я уже сказала, этого не будет. Он умрет. А тебя я потом, быть может, и отправлю в твой родной мир. Да, пожалуй — взамен на выгодный договор с твоей матерью. Или твоей крестной. Ты мне будешь не нужна, но это же не значит, что я не смогу тебя выгодно продать.

Я прислоняюсь лбом к прутьям: мне вдруг становится очень жарко.

— Зачем вы так? Разве нельзя... Нельзя, чтобы никого не убивать? Мы могли бы договориться...

Королева усмехается.

— Иногда я завидую таким, как ты. Как ты умудрилась сохранить это благодушие со своим проклятьем? Тебя что, никогда не предавали?

Я закрываю глаза. Не надо ее слушать. Не надо ей верить. Все будет хорошо. Не может же быть иначе!

Вздыхнув, я снова встречаюсь с королевой взглядом.

— Почему? Почему так? Зачем, ваше величество? Кто вас предал?

Королева смотрит на меня какое-то время, потом с усмешкой снова поводит рукой, и я опять вижу объемную картинку. Только не Дамиана. А маленькую уродливую девочку-горбунью, трущую полы щеткой до блеска.

— Время у нас есть, и я могу занять его поучительной сказкой, девочка. Так вот слушай. Я рано поняла, что этот мир принадлежит красавицам. Очень рано — и хорошо. Я не совершала всех этих глупостей, которые совершали они. Я не была наивной. С десяти лет. Смотри, у меня тоже была семья. Две красавицы-сестры, великолепная, им под стать, мать, которая презирала меня за мое уродство. Ей очень хотелось забыть обо мне — она же меня родила, значит, я была ее неудачей. Она так желала от меня избавиться, что, как только я достаточно подросла, продала черному колдуну. А деньги они потом с тьюфом-отцом поделили. Прекрасно, да? Я десять лет прислуживала этому старому идиоту Финдору. Десять лет смотрела, как он пытается добыть золото, и училась колдовству, пока он засыпал над своими ретортами. А потом этот мерзавец взял себе служанку покрасивее, Азалию, с выводком братьев. И представляешь, очень удивился, когда я не захотела умирать на алтаре, а взяла самые ценные из его книг и сбежала в столицу. Я, знаешь ли, мечтала поступить в Академию золушек. Думала, меня возьмут: я же умная и бедная. А там такие и нужны: умные и бедные. Они обещали мечту — жениха, который примет тебя такой, какая ты есть. Который будет тебя любить. А оказалось, им нужна красавица, — королева вздыхает. — Оказалось, ума недостаточно.

Она замолкает, а я смотрю на уродливую девушку, идущую прочь от веселенького, в розочках, здания, на воротах которого красуется хрустальная туфелька.

— Я поняла тогда, что должна стать красивой. Во что бы то ни стало. Иначе так навсегда и останусь... — она усмехается и, чуть помолчав, продолжает: — Потом был театр, где я тоже была недостаточно красива... И мальчишка-герцог, которого я спасла на охоте. Я полюбила его, дура... Он так часто ездил потом к моей избушке, якобы сбивался с пути...

Каждый раз. Каждый раз! — Лицо королевы искажается, как будто от боли. — Я уже тогда была хорошей колдуньей, но красоту, и вечную молодость, и силу над Астралом мне самой было не добыть. Такие вещи стоят очень, очень дорого. — Она смотрит на меня в упор, но словно бы не видит.

— И что вы сделали? — мне совсем не хочется задавать этот вопрос, но он вырывается сам, как в хорошо отрепетированной пьесе, где актер говорит, даже не думая.

— Любовь — великая сила, Виола, — говорит королева, грустно улыбаясь. — Ее не достать, конечно, но даже влюбленность чего-то да стоит. Наугад однажды я наложила заклинание, и этот красавец-мальчишка снова проезжал мимо... Я вырезала его сердце. Страшно, девочка? Ах ты, солнечное дитя... Мне не было страшно. Мне солнце никогда не светило. Мне не было страшно, нет, только тоскливо — когда он последний раз посмотрел на меня на том алтаре. Этот взгляд мне до сих пор снится, — голос королевы утихает, снижается до шепота. — Как будто я что-то потеряла, как будто я сама что-то у себя отобрала... А я ведь, наоборот, приобрела. Я вышла из той избушки красавицей. И я пришла во дворец, и вдовец-король упал передо мной на колени. Он дал мне то, о чем я мечтала, — она с нежностью смотрит на сына. — А потом я тоже вырезала у него сердце. И стала сильнее. Еще красивее. И потом все эти фавориты, которые думали, что я такая же кукла, как и вы все, красавицы... — Она замирает и снова смотрит на меня, подняв брови. — Что?

— И вы сделали все это... чтобы быть красивой? Только чтобы быть красивой? — выдыхаю я. Это настолько невероятно ужасно...

— А ты бы не сделала? — улыбается королева. — Это мир, где красота — страшная сила, Виола. Что ты отдала бы, чтобы снять свое проклятье? Лягушка днем, красавица ночью — тебя это... не бесит? — с чувством делает она ударение на последнее слово. — Неважно, какой ты будешь внутри, все видят днем только лягушку. А ночь всегда заканчивается... Я вижу, Виола, ты любила однажды, как я. И он тебя бросил, не так ли? Ты не мечтала тогда вырезать ему сердце? Чтобы стать самой сильной, самой красивой, самой!..

— Нет!

— Тогда ты и правда глупа, — пожимает плечами королева. — Любовь дает власть — когда любят тебя, конечно. А вот когда ты влюблена в ответ... Становишься дурой. Как ты с Ромионом. Он не вырезал твое сердце лишь потому, что тоже еще глуп. И молод. А я... я давно вырезаю сердца влюбленных — и они сияют для меня. Любовь — это свет во тьме.

Жаль, что он так быстро угасает... Ну и хватит об этом. У нас гости.

Дверь распахивается, и в залу спиной вперед влетает Ульрик — один, с окровавленным мечом. А за ним — с десяток клякс, таких же, как Габриэль, когда вытаскивал меня из зеркал... Разве что чуть поменьше и... хм... чище. То есть не такие темные, конечно.

Наверное, какие-то духи.

Розалинда вздрагивает, когда император гоблинов падает на пол неподалеку от нее. Вздрагивает, но уже мгновение спустя перестает его замечать, снова склонившись надо льдом. Ульрик же силится подняться, но кляксы окружают его... Пока королева жестом не приказывает им исчезнуть.

— Доброй вам ночи, милорд. — Она царственно выпрямляется на троне. — Как это мило, что вы заглянули. Чем обязана вашему вниманию?

Но не успевает поднявшийся Ульрик рта раскрыть, как королева продолжает:

— Розалинда, милая, ты что, не видишь — твой жених прибыл.

Роз трясет головой, словно пытается выпутаться из паутины. Из ее глаз текут слезы, и что-то ярко сверкает на щеке... А потом она тоже выпрямляется, наконец-то видит Ульрика и вскрикивает.

Королева усмехается.

— Подойди, принцесса. Видите, ваше величество, я держу слово: ваша невеста жива.

Ульрик что-то визгливо отвечает — что-то оскорбительное. Я не слышу, я смотрю на исхудавшую, осунувшуюся Роз, и от слез у меня шумит в ушах. Как, зачем?.. Как королева могла?..

Все действительно получается так, как она и говорила. Королева с улыбкой объясняет замолкшему Ульрику, что, пока гоблины будут бесплатно поставлять Сиерне руду, принцесса Розалинда останется жива. Не очень счастлива, но жива. Это же лучше, чем умереть счастливой, не правда ли? Ах да, еще неплохо бы пойти войной на гномов. А то совсем обнаглели. И помочь договориться с Креманией. Где, кстати, король? О, в Садах фей? Новая королева забрала? О, бедняга, он что, думал, феи помогут? Когда у Изабеллы обе дочери новой повелительницы цветов? Ну-ну.

Император гоблинов в отчаянии смотрит на Розалинду, его рука не отпускает меч, но что он может сделать?

Роз плачет, стоя у трона королевы...

Изабелла улыбается.

И вздохом скрипки, скрежетом доспехов да цоканьем копыт раздается:

— Не бывать этому, мачеха!

Но королева только небрежно отбрасывает с плеча мешающую темную прядь.

— Ромион, мальчик мой, где твои манеры? На коне в мой тронный зал? Да еще и в Астрале? Я думала о тебе лучше.

Ромион вскидывает руки — весь в браслетах Дамиана, как новогодняя елка. Это было бы смешно, не будь ситуация такой грустной.

— Ты ничего мне не сделаешь. И ты немедленно отдашь мне коро... Виола!

Я пытаюсь сжаться в своей клетке, стать незаметной. Кажется, даже рыцари, явившиеся с принцем, смотрят на меня из-за забрал изумленно и укоризненно.

— Да, милый, — смеется королева. — Твоя суженая у меня. Поэтому ты сейчас тоже выслушаешь меня, как вежливый, воспитанный мальчик. Мне же не нужно говорить, что я сделаю с твоей невестой в противном случае?

В глазах Ромиона снова появляется то затравленное выражение, с каким раньше он говорил о своем проклятье мертвого сна. А голос звучит сдавленно, когда он произносит:

— Я слушаю тебя, мачеха.

Я тоже слушаю. Все, все — как и рассказывала королева. Я смотрю на сломленную Роз, на императора гоблинов, задыхающегося в бессильной ярости, на Ромиона, бледного от отчаяния...

И впервые понимаю, что королева, кажется, действительно выиграла. Все правда будет так, как она говорит. Она умнее. И это... это не сказка.

Закрыв глаза, я сжимаюсь на полу в клубок и вижу перед собой Дамиана, которого отправила на смерть. Мой каприз отправил. Мой каприз дал королеве козырь. Я тоже сыграла ей на руку. Я действительно глупая лягушка, которая верила, что ничего плохого с ней никогда не случится.

Голос королевы журчит в ушах, а я глотаю слезы и хочу исчезнуть, умереть, не быть. Королева была права, во всем права. Начиная от красоты и заканчивая тем, что она умнее нас всех и сыграла на наших слабостях. Хорошо сыграла.

И выиграла.

Где-то там, в мире, который еще не знает, что из него забрали счастье, встает солнце. Я сверкаю золотом... И это меня уже не удивляет. Королева была и в этом права. Права во всем. И насчет Ромиона тоже: я была нужна ему, он такой же, как Изабелла. Только он тоже проиграл. А я снова лягушка.

Все то хорошее, что было, исчезает в одно это мгновение, чтобы никогда не вернуться...

А потом клетка вокруг меня тает, оседая на пол лужей вешней воды, и чья-то рука поднимает меня, помогая встать на ноги. «Не плачь, моя принцесса, — шепчет невозможный, совершенно невероятный голос (потому что у меня точно начались галлюцинации). И пальцы осторожно смахивают слезы с моих щек. — Я больше не дам ни одной твоей слезе пролиться».

Я поднимаю голову, встречаюсь взглядом с самым красивым парнем на свете, улыбаюсь, как дурочка, как лягушка. И бросаюсь ему навстречу, как какая-то... спасенная принцесса! Мне все еще страшно, что я сошла с ума, что он мне чудится, что это все не настоящее... Пока голос королевы не разбивает упавшую волшебную тишину:

— Дамиан? Почему ты... Почему ты еще не умер?!

Вот-вот. А я поверила. Я по нему уже горевала. Я...

Дамиан обнимает меня — и задвигает себе за спину. Смотрит на мачеху. И картинно, явно копируя ее, усмехается.

А из него бы, наверное, получился неплохой Темный Властелин...

— Я же отправила тебя... в пустыню. — Королева, еще мгновение назад такая уверенная в своей победе, подается назад, к трону. — В пустыню Безмолвия... Ты должен был там сгинуть! Почему... Как ты?.. — И тут же злобная улыбка возвращается на ее губы. — Но даже если так, мальчишка, сейчас ты бессилен. — И взмахом руки вызывает эти свои кляксы.

Я вскрикиваю, когда они летят к нам, но Дамиан с улыбкой поднимает руку — и она сияет, ослепительно, невыносимо...

Духи исчезают в этом сиянии, словно их стирает ластиком.

А Дамиан опускает все еще сверкающую руку и с улыбкой смотрит на королеву.

— Что... это?.. — заикается она. — Убери! Хватит!..

Дамиан прижимает руку к груди и сияние, на миг охватив его всего, исчезает.

— Это невозможно, — бормочет королева. — Ты же должен был растаять... Ты же будущий Темный Властелин, тебе неподвластен Свет!

Дамиан, словно не замечая обращенных на него взглядов, поворачивается ко мне и... Нет, его улыбка даст фору Ромиону сотню, нет, тысячу раз!

— Вот мой свет.

— Невозможно! — выдыхает королева, а Дамиан, все еще с улыбкой

глядя на меня, отвечает:

— Я не думаю, что вы поймете, ваше величество.

Королева говорила, что один взгляд преследует ее в кошмарах. А я знаю, чей взгляд увижу, когда буду полностью, абсолютно счастливой: то, как Дамиан смотрел на меня в то мгновение. «Ты мой свет» — и так все просто!

И еще тот момент, когда королеве надели сдерживающие браслеты: как свободная от заклинаний Роз бросается к своему жениху, и тот — не смотри, что ниже ее ростом, — кружит ее, и оба смеются от счастья.

А в солнечных лучах тает собранное слово «вечность»...

Позже, в саду королевского дворца, где я сижу в беседке у фонтана — в окружении как минимум десятка рыцарей охраны, — меня находит Ромион. Усталая, я вяло удивляюсь, что у занятого почти-короля нашлось на меня время. И что он может спокойно смотреть мне в глаза и уверенно улыбаться. Точно ничего не было. Точно все хорошо.

— Виола, нам надо поговорить.

И снова играет скрипка, а стража, отдав честь, исчезает за поворотом садовой дорожки — все десять рыцарей в полном составе.

— Говори, — отвечаю я. — Только без этого... без магии. Я хочу видеть тебя настоящего. Ты бываешь настоящим, Ромион?

Он хмурится, но музыка исчезает — и настает наполненная журчанием фонтана тишина.

А я вижу перед собой принца, который все еще выглядит лет на пять младше своих семнадцати. Все еще одинокий тоненький мальчик, который так привык к своему одиночеству, так оно к нему прилипло, что стало второй кожей, которую сдерет разве что он сам. Ради кого-нибудь. И вряд ли это буду я.

— Виола...

— Погоди. Ромион, пожалуйста, посмотри на меня. — Он смотрит. Странно, но мне не кажется, это взаправду: в его глазах испуг. — Скажи, ты действительно использовал меня?

— Виола, я, — он глубоко вдыхает, — я правда влюбился. Ты была такая... красивая... и загадочная... Не как остальные девушки, что я встречал. И ты...

— Ромион, не надо. Скажи, ты меня использовал?

— Я. — Он смотрит мне в глаза. Морщится. И выдыхает: — Да. Прости меня.

Я киваю, а потом отворачиваюсь.

— Ты был очень хорош.

— Да. Я знаю. Я... прости меня, Виола! Но мне так нужно было победить, ты же видела! И... и я сделаю все, как обещал. После того как мы поженимся, ты будешь вольна поступать как пожелаешь. Я не буду ограничивать твою свободу. И если ты когда-нибудь полюбишь кого-нибудь по-настоящему... А это непременно произойдет, потому что ты можешь любить, Виола. Я не могу, а ты, ты можешь. И когда это случится, я хочу, чтобы ты знала: я между вами не встану. И репутация... не волнуйся. Я сделаю так, что Сиерна станет твоей сказкой. Я создам эту сказку для тебя. Я...

— Ромион. Не надо. Ты снова это делаешь.

— Что?..

— Ты снова говоришь то, что я хочу услышать. Тебе от меня что-то еще нужно?

— Да. — Он встает, ловит мой взгляд. И тут же отводит его. — Я знаю, я не сделал это как полагается. Но... — и тут он встает передо мной на колени, и в его руке сверкает чудесное золотое кольцо. — Ты выйдешь за меня?..

— А развод у вас в Сиерне, конечно, не предусмотрен, — киваю я. — У тебя хватает совести после всего, что ты со мной сделал, просить об этом?

— Ну знаешь, Виола, ты тоже не подарок, — вырывается у Ромиона. Но потом он быстро возвращается к мольбе. И да, она хорошо у него получается. — Виола, я в ответ постараюсь полюбить тебя так, как ты хочешь...

На этом месте я вырываю у него кольцо и сама надеваю себе на палец. Лишь бы он, наконец, замолчал!

— Когда свадьба?

— Я... постараюсь поскорее. И я отправлюсь к твоему отцу, чтобы попросить твоей руки, как должно...

— Ради всего святого, замолчи! — кажется, у меня получается громче, чем нужно. Не стоит будущей королеве кричать на своего мужа. Не комильфо. — Я сама к нему отправлюсь. Роз еще слаба, и я не хочу отвлекать ее от жениха. — Хоть кто-то же должен быть счастлив! — Поэтому будь добр, озадачь своих магов, пусть они сами отправят меня домой, чтобы я донесла до папы радостную новость о нашей с тобой свадьбе. А так как я обычно ничего от него не скрываю... Лучше, чтобы он тебя не видел.

Лицо Ромиона на мгновение искажается, словно от боли. Но потом она исчезает за уже привычной маской невозмутимости и самоуверенности.

Ромион кивает:

— Хорошо, — словно я спрашивала его разрешения! — Но ты отправишься не одна. С тобой пойдет Дамиан. Виола, я не могу позволить, чтобы с тобой снова что-нибудь случилось.

— Ладно, — я отворачиваюсь. Наверное, он прав. Я же действительно все испортила, когда попала в тот последний королевин портал. Была слишком беспечна. — Хорошо.

А Ромион, помолчав, берет мою руку, запечатлевает на ней быстрый поцелуй и встает.

— Тогда я оставлю тебя, моя леди...

— Погоди. Еще одно. Сделай мне одолжение... — Ромион смотрит на меня так настороженно, что я не выдерживаю и улыбаюсь. — Расслабься, мы уже выяснили, что я не настолько расчетлива и практична, как ты. Скажи, что ты собираешься делать с королевой и ее сыном?

— Томми мой наследник, пока мы... э-э-э... пока не родится сын...

— Милый, — саркастично улыбаюсь я, — если ты думаешь, что у нас с тобой когда-нибудь что-нибудь родится, ты глубоко заблуждаешься. Хорошо, значит, Томми ничего не угрожает?

— Нет, конечно, он же мой брат!

Ну-ну.

— А королеве?

Ромион снова бросает на меня настороженный взгляд.

— Что ты хочешь?

— Отпусти ее.

— Виола, ты что?! Она ведьма, она опасна, и ее смерти требуют у меня империя гоблинов вкупе с Креманией! Я не могу...

— Тогда сделай, как я тебя прошу...

Через полчаса уговоров (уговоров?! После всего!) Ромион соглашается. Нехотя, но да, он мне задолжал. И сделает так, как я прошу. Даже клянется. И потому, что делает это нехотя, я верю.

А потом снова целует мне ручку — сама галантность.

— Теперь я оставлю тебя, моя дорогая. И постараюсь, чтобы ты сегодня же смогла попасть домой.

— Ты уж постарайся, милый, — фыркнув, говорю я ему вслед.

Господи, что же я папе-то скажу?

И я возвращаюсь домой вечером, но задолго даже до заката. Ромион действительно постарался мне угодить (или поскорее избавиться от меня). Дамиан смеется, когда я говорю ему об этом.

— Он просто тебя боится.

— Боится?

— Ну да. Вдруг ты снова из окна выбросишься. Да-а-а, я рассказал. И ты бы видела его лицо!

Я закатываю глаза и показываю Дамиану нашу с папой квартиру. Он в восторге. Я всегда подозревала, что все мужчины любят копаться во всяких там механизмах и приспособлениях вроде «а давай-ка я раскурочу кофеварку». Но Дамиан совсем не знаком с кофеваркой, впервые ее видит — и раскурочивает ее с восхищением пятилетнего мальчишки, дорвавшегося до «взрослой» техники.

А я думаю, что кофеварка будет меньшей бедой, когда папа с работы вернется.

Из квартиры у Дамиана выйти не получается, как и у Роз, — хотя он очень хочет поближе посмотреть на автомобили. Но потом я показываю ему компьютер... Чистый восторг!

— Виола, — говорит он вдруг, упоенно щелкая мышкой, — я оставлю тебя, когда твой отец приедет.

— То есть? Я хотела тебя представить и...

— И тебе не удастся сбежать от разговора, спрятаться за меня или снова солгать, — улыбается Дамиан. — Нет, Виола. Это будет непростой разговор, я не стану мешать. Я вернусь за тобой... завтра. Хорошо?

— Да? — Мне неприятно. Сбежит, да? Но он прав: мне не за кого будет прятаться. И это напрягает. Дамиан же обещал меня защищать!.. Опять я капризничаю. — Тогда тебе уже пора. Папа скоро вернется. Давай собирайся.

Думаю, Дамиан понимает, что я выгоняю его раньше, чем нужно. Но послушно оставляет компьютер и встает. Потом вздыхает глубоко, поворачивается ко мне. И решительно берет за руку.

— Виола, прежде чем я уйду, я хочу, чтобы ты знала. — На этом его запал кончается, и он смотрит на меня так, словно ждет, что я подскажу. Что?

— Знала?..

— Да. Знала. В Астрале, в том месте, куда отправила меня королева... Я действительно должен был умереть. То есть...

— Да, я знаю, растаять. Во тьме. — Сейчас он опять упрется в свою демонологию, и я совсем перестану его понимать.

— Да. Во тьме. Так вот, я хочу, чтобы ты знала: меня вывела ты.

— Я? Дамиан, я все это время сидела у трона королевы в клетке.

— Виола, ну пожалуйста! Мне и так сложно. Не ты, а... понимаешь,

любовь — это свет...

Да, королева это говорила. Ну, что-то такое. Только какое это имеет к нам отношение?

— Не понимаю. Дамиан, ты целовал меня. Это не сняло проклятия. Любовь должна была снять, а не сняла — значит, любви не было. Все просто. И знаешь, я понимаю: в такую уродину, как я...

Дамиан морщится, как будто ему физически больно от моих слов. А ну и что, пусть слушает. Он первый начал.

— Ваша мачеха была права: невозможно заставить человека увидеть внутреннюю красоту. Видна лишь внешняя, и никак иначе, и только она имеет значение, потому что...

Но тут Дамиан решительно привлекает меня к себе и, не успеваю я сообразить, что происходит, целует.

Да, это не так умело, как делал Ромион. И не так нежно, как в тот первый раз, в королевском саду. Это скорее... Как будто он что-то доказывает мне, себе или, не знаю, всему миру. Напористо и решительно.

Впрочем, не это меня удивляет. Нет, совсем другое: вместо того чтобы отстраниться, влепить ему пощечину, сказать, чтобы думал в будущем и... ну и все такое, — в общем, вместо этого я целую его в ответ.

Золотого света, охватившего меня, мы оба не замечаем. Ну ладно, я замечаю, но не придаю значения. Какой там свет, когда у меня все цвета радуги перед глазами и сотня бабочек в животе!

И когда Дамиан отстраняется, я удерживаю его за плечи.

— Не уходи!

Он снова целует меня. Целомудренно, в щеку.

— Я люблю тебя. — И тут же: — Какая же ты красивая.

И только сейчас — с ума сойти, но да, только сейчас — я замечаю, что мои руки на его плечах не покрыты бородавками, как раньше, не зеленые и без перепонки. Что это очень красивые руки с узкими музыкальными пальцами и аккуратными розовыми ноготками.

И на одном из пальцев сверкает кольцо Ромиона...

— Виола, — сглотнув, тихо говорит Дамиан, касаясь носом моего носа. Мы все еще очень близко. — Я хочу, чтобы ты знала: красота — это не важно. Для меня — точно не важно. Я люблю тебя любой. Ты прекрасна. По-настоящему прекрасна. Я раньше не знал насколько. Я раньше... Тебя не понимал. Сейчас... — Он нежно убирает мои руки со своих плеч. Потом целует — каждый пальчик. — Поверь мне. Пожалуйста. Я люблю тебя. И хочу, чтобы все, даже те, кто тебя не знает, кто слеп и не замечает очевидного, видели, насколько ты великолепна.

Я смотрю, как он уходит, исчезает в портале, не в силах не только остановить его, но даже позвать.

В ответ на меня смотрит отражение из зеркала на платяном шкафу: я краше, чем была. Не знаю как, но я действительно и сама сейчас вижу: я великолепна. По крайней мере, внешне. Раз в десять лучше, чем раньше. Раз в десять лучше даже, чем Роз.

И впервые, когда солнце садится, я не сияю.

Только кольцо на моей руке сверкает в отсветах последних закатных лучей. Господи, что... что же теперь делать?

— Жабенок? — Я не замечаю даже, как возвращается папа. — Жабенок, ты здесь? Ты рано и...

И он стоит, глядя на меня, очарованный, глупо улыбающийся. Наверное, так теперь будут на меня реагировать все мужчины. Даже папа.

— Жабенок, ты прекрасна.

Я знаю. Я была прекрасна. Я всегда была прекрасна. Как я сама в это не верила?

Глава 15, в которой я объявляю, что уже взрослая и сама знаю, как мне дальше жить (но все равно все решают за меня)

Хорошо, что я настояла, чтобы Ромион не приходил: папа так разозлился, когда я ему все рассказала! (От папы у меня секретов нет — он слишком хорошо меня знает, и что-либо скрывать от него бессмысленно; к тому же очень сложно скрыть помолвочное кольцо на пальце.)

И да, эту ночь у нас дома не спит никто.

— Я думал, ты уже взрослая! — восклицает папа, наворачивая который уже круг от стола к холодильнику. На столе торжественно выставлен коньяк и в блюдечке — нарезанный ломтиками лимон. Знак глубокого папиного смятения: только в очень расстроенных чувствах он снисходит до коньяка.

— Па-а-ап, но я правда взрослая, мне уже шестнадцать, — всхлипываю я и давлюсь лимоном. Коньяк мне нельзя, а больше на столе ничего нет. Шоколад в доме кончился еще три часа назад.

— Ноги твоей сестры в этом доме не будет! — отзывается папа. — Взрослая? Как ты умудрилась?! Один парень тебя расколдовывает, а второй на тебе женится! Да чем вы там занимались?!

— Па-а-ап, ну я же рассказала... Так получилось... Не зна-а-ала я!

Папа останавливается у стола, тоскливо смотрит, как последний ломтик лимона исчезает у меня во рту.

— Так. Кто из них завтра явится тебя забирать?

— Дамиан...

— Это который? Который женится или который поцеловал?

— Который поцеловал.

— Отлично! — Папа пытается выпить пустую рюмку. Потом трясет ею и удивленно изучает девственно чистое дно. — Вот с ним и поговорю.

Мне заранее очень жаль Дамиана.

— А потом, — продолжает папа, — ты останешься дома и поступишь в Бауманку.

— Почему? — изумляюсь я.

— Потому что я там учился. И потому, что там мальчики хорошие,

серьезные. И выбор больше. А тебе теперь хоть в парандже ходи.

— Ну, пап, если ты хочешь найти мне жениха, то это вряд ли будет сложно — вон сколько у тебя друзей с сыновьями, — саркастично усмехаюсь я, а папа хмыкает.

— Нет уж. Этим... я своего жабенка не отдам. Ты найдешь себе в Бауманке милого скромного парня с отличной зачеткой...

— Папа! Я люблю Дамиана!

— Ну-ну. И этого, второго, ты, похоже, тоже любишь.

— Люблю... Но он гад!

— А ты вся в отца! Тебе рассказать, как я ослом был? Во всех смыслах.

— Да ты уже рассказывал... Но пап! Я не могу не выйти замуж за Ромиона, он тогда королем не станет и...

— А вот это уже его проблемы. Ты. Остаешься. Дома. И у тебя год, чтобы исправить тройку по математике и поступить в Бауманку, дочь.

— Или что? — мрачно интересуюсь я.

Папа задумывается, потом ловит мой взгляд и морщится.

— Не беспокойся, я придумаю тебе санкции. Чуть-чуть отдохну и придумаю.

— Ну-ну. — Потому что на самом деле вряд ли он сможет придумать что-то, чем мог бы на меня действительно надавить. Хотя...

— Будешь ездить со мной на охоту, то есть на дачу к...

— Па-а-ап, а женихов от меня ты метлой отгонять станешь? — усмехаюсь я.

— Твой язычок с этим сам неплохо справится, — неуверенно говорит папа, но уже мгновение спустя снова ловит мой взгляд и категорично объявляет: — Но в тот мир ты больше ни ногой!

— Пап, но так ведь нельзя, я же обещала...

— Вот-вот, ты бы без папиного догляда даже замуж вышла! А кто свадьбу оплачивает?

— Ромион, конечно, — отвечаю я. И да, похоже, для папы это аргумент. Но не слишком сильный.

— Нет. Я с тобой пойти не могу, а одна ты опять что-нибудь натворишь. Так что никаких принцев, никаких свадеб — остаток лета ты сидишь дома и думаешь о будущем.

— Па-а-ап!

— Что «пап»? Хватит, дочка, выросла. А теперь иди и запишись в своей комнате. Ты наказана.

— Папа!

— Вперед.

— Папа, так нельзя. Я обещала. И я взрослая, в конце концов! Дай мне самой разобраться!

— Никаких «самой». Папа знает лучше. — И он принимается сосредоточенно искать в холодильнике новый лимон.

— Вот поэтому я от тебя и ушла, — произносит сладкий, нежнейший голос у меня за спиной.

Я оборачиваюсь.

— Мама?

— Г-глория? — голос папы непривычно дрожит.

Мама — золотоволосая красавица, легкая и тоненькая (меньше ростом и тоньше даже меня сейчас) в сверкающем розовом платье, похожем на перевернутый цветок, на лепестках которого дрожат росинки (в общем, стопроцентная фея), — обращает взгляд фиалковых глаза на папу и очаровательно улыбается. Каждое ее слово — точно нежнейшая, тягучая паста (в моем случае — малиновая, потому что я люблю малиновую пасту).

— Влад. Здравствуй.

Не знаю, как мама, такая вот хрупкая и волшебная, когда-то могла жить с папой в его студенческом общежитии целый год. Представляете фею у плиты? На общей кухне? Мечта порноролика...

— Виола, дорогая, — голос мамы журчит, точно ручей в жаркий день, — иди в свою комнату. Нам с папой нужно поговорить.

— Угу. — Судя по папиному лицу, способность здраво воспринимать и анализировать информацию вернется к нему еще не скоро. — А может, я лучше тут останусь? Так сказать, на всякий случай. Ну мало ли, вы забудете, о чем хотели поговорить...

— Виола, иди и запишись в своей комнате! — А вот когда мама повышает голос, он напоминает жужжание разъяренных пчел. Жутковато.

— Ладно, иду-иду.

Закрывшись — как, хм, и приказывали — в своей комнате, я падаю на кровать и думаю, что надо бы постараться уснуть. С Ромиона станется организовать свадьбу завтра, а я не выпавшаяся... Нет, на лице, наверное, не скажется, но вот вести себя невпопад буду еще сильнее, чем обычно.

Но сон не идет, сколько я ни ворочаюсь с бока на бок и ни считаю овечек. Они все рано или поздно превращаются в Ромионов и Дамианов. А когда к ним присоединяется еще и Габриэль, я сажусь на кровати, открываю глаза и начинаю усиленно прислушиваться к тому, что творится на кухне. Но и здесь мне успех не сопутствует.

— Ви? — зовет сестра, когда запах роз ее портала распространяется по

всей комнате, а золотая воронка исчезает в сумраке.

— Роз! — Я бросаюсь к ней. Обнимашки! — Ты что, ты же еще не отдохнула, вон какая худющая, а у меня даже шоколада нет!

— Я подумала, что твой отец не позволит тебе вернуться к нам, — Роз оглядывается на дверь. — Но, похоже... Наша мама здесь?

— Ага. Не знаешь, что ей нужно? Это Ромион успел с ней познакомиться?

— А, твой сиернский жених, — Розалинда прижимает ладони к моим щекам и поворачивает мое лицо к свету, льющемуся из окна. — Значит, правда... Я встретила твоего рыцаря. Дамиана, правильно?

— Встретила? — хмыкаю я. Зная Роз, она свалилась ему на голову с допросом а-ля «кошелек или жизнь».

Роз пропускает это мимо ушей.

— Он выглядел просто непозволительно счастливым и влюбленным... Хотя так и не смог внятно сказать мне, что он с тобой сделал и почему оставил одну. Очень робкий юноша.

— Да, это точно был Дамиан.

Роз отпускает мое лицо и с удобством вытягивается на кровати.

— Ты его любишь?

— Роз, давай не будем, а? Я сейчас только что все отцу рассказывала...

— Сестренка, ты же у меня новичок в том, что касается любви, — усмехается Роз. — Ты умудрилась получить поцелуй настоящей любви от одного, а стать невестой другого. Я здесь, чтобы помочь тебе разобраться. Выкладывай.

— Роз, ну давай потом? Ты устала... И кстати, тебя Ульрик не ждет?

Сестра улыбается. Потом ловит мой взгляд и вздыхает.

— Вы познакомились, да? Он рассказал. Да, да, Ви, я тоже нашла свою настоящую любовь. И да, он гоблин, и не нужно надо мной из-за этого издеваться!

— Даже не думала, — усмехаюсь я.

Сестра с сомнением смотрит на меня, потом тоже смеется. И неожиданно говорит:

— Прости меня.

— За что?

— Ви, из-за меня ты во все это вляпалась. И, наверное, если бы не ты, я бы до сих пор возилась с этими проклятыми льдинками. До конца жизни теперь возненавижу лед, даже фруктовый, даже мороженое... Ты знаешь, я же попала в ловушку этой чокнутой королевы, как какая-то глупая... феечка! Представляешь, я возвращалась с девичника, собиралась к тебе

заскочить. Точнее, размышляла, куда сначала лучше: к папе — спросить, одумался ли он, или к тебе — обрадовать, что мой жених гоблин. А тут старушка ко мне подходит: «Помоги, милая, речку перейти, а то я по мостику одна идти боюсь».

— А потом она в благодарность дала тебе яблоко?

— Откуда ты знаешь? Ну да, дала. Оно такое спелое было, ароматное, а у меня... Я выпила до этого... Хорошо... Что, Ви? Это же девичник!

— Да-да, — усмехаюсь я. — Странно, что ты не заснула мертвым сном. Обычно королева всех до смерти травит...

— Она чокнутая, Ви. Чокнутый алхимик, — Роз морщится. — Давай не будем о ней. И прекрати уводить разговор в сторону. Что у тебя с этим милым робким красавчиком?.. Снова забыла, как его зовут.

— Дамиан, — я вздыхаю и ложусь рядом — как в старые добрые времена, когда Роз, бывало, появлялась утешать меня после очередного урока биологии. И разрабатывала вместе со мной план мести. — Да, это он меня поцеловал. Два раза.

— Что, первый раз не вышло? — усмехается Роз. — Так плохо целуется? Ви? Серьезно, не получилось?

— Не-а. Роз, я не понимаю. Нормально он целуется — и первый раз это было волшебным и хорошо, но я как была лягушкой, так и осталась. А теперь... теперь...

— Ви, сестренка, — вздыхает Роз. — Скажи мне, этот милый мальчик тебя поцеловал сразу, как узнал, что ты принцесса Кремании, или хотя бы немножко после? Это же правда, что ты мной притворялась?

— Правда. И да, после. Роз, я тебя уверяю, он не охотник за приданым, он вообще другой!

— Но расколдовал со второго поцелуя, — хмыкает Роз. — Ладно хоть не с десятого. Ви, пойми: с тебя могла сняться проклятие только настоящая любовь. А эта такая штука... Вот, помнишь, как мы на Улю... то есть Ульрика, горшки с геранью кидали? А он мне серенады пел. Визгливые такие! Так вот, он потом меня похитил и все тоже в любви клялся, пока я ему чуть голову кувшином с водой не разбила. Так ты представь, он после этого резко прозрел, прямо-таки по волшебству. Ты своего Дамиана ничем по голове не била?

— Нет...

— Ну не важно. Так вот, Ульрик прозрел и стал ко мне, как он говорит, присматриваться. И ему, представь, многое во мне разонравилось. И одежду я ношу слишком розовую, и ногти у меня слишком острые, и сладкое потребляю в безумных количествах. А когда я от него сбежала

первый раз, и он меня нашел в каком-то подземелье, и мы в этом подземелье застряли — там оползень, что ли, случился неподалеку, — мы пару дней в одной пещере вместе прожили... В общем, он узнал обо мне много нового, а я — о нем... Теперь никому не дам кидать в него горшки с геранью!

— Роз, но он же гоблин... Страсть божья, — смеюсь я. — Ты уверена? И он тебя под землю заберет.

Роз улыбается.

— С милым, Ви, счастье и под землей. Ты не переживай, я все обдумала. На поверхность я выходить тоже буду. К тому же... я собираюсь заняться подземным садоводством! Пора думать о будущем, Ви. Я уже девочка взрослая, вот замуж выйду и займусь. Цветы буду выращивать такие, какие на земле никто и не сыщет. И дорого их продавать. Папе — в три раза дороже, а то он снова жениться собрался. На какой-то ослиной шкуре. Совсем сдурел на старости лет.

— Роз, он же у тебя еще не старый...

— Ты эту ослиную шкуру видела? Отравит моего папу яблоками, как Изабелла сиернского короля... Ладно. Так, я это к чему? А, ну вот: чтобы настоящая любовь получилась, должно пройти время. А так — вы друг друга не знаете, придумываете невесть что, потом целуетесь, и получается, что проклятие с тебя не снято. Я так понимаю, этот Дамиан потом за тобой еще долго ухаживал?

— Ну... не долго, но... — Я вспоминаю, как мы с Дамианом одновременно обнаружили, что действительно мало что друг о друге знаем... — И когда ты так поумнела, а, Роз? Истинная любовь творит чудеса Что?! Да я всегда была умной!

— Ну да, ну да. А вот скажи тогда, почему я Ромиона поцеловала, а он сразу проснулся? Я же его тоже не знала.

Роз улыбается.

— Не знала? Неужели, Ви? Ты же неглупенькая у меня. Ты только себя обманывать любишь. И к тому же принц Ромион, как мне сказали, — мастер музыкальной магии. Он тебе играл?

— Да...

— Он тебе раскрылся в музыке, и тебе понравилось, правда? Что? Мастера музыкальной магии — известные в нашем, то есть в моем, мире ловеласы. Они тебе такое споют... А твой Ромион вообще мастак, похоже, раз сумел разбудить настоящую любовь. И уговорить тебя выйти замуж, между прочим. Ты, сестра, подумай. Оно тебе точно надо? Покажи-ка кольцо. Красивое... А что этот Дамиан, не собирается вызывать твоего

жениха на дуэль? Он же тебя тоже любит.

— Ох, Роз, там все сложно. Они братья...

И мне совершенно не хочется становиться между ними. Мне хочется, чтобы все жили дружно и наконец отстали от меня! А я пока тихонько разберусь в своих чувствах...

Роз это, кажется, понимает, потому что тут же круто меняет тему:

— А ты знаешь, что сейчас мама твоему отцу говорит?

— Нет. Что?

— Ви, поздравляю, — хихикает сестра. — Ты теперь тоже наследница. И, в отличие от меня, тебе от этого никуда не деться.

— В смысле? Роз! Ты ничего не путаешь, мой папа не король, у нас тут вообще все по-другому...

— Не знаю, что по-другому у вас, — усмехается Роз, — но наша с тобой милая бабушка наконец-то решила, что с нее хватит, сняла корону и уединилась в личный садик с очаровательным мальчиком из своего гарема, лет так на двести ее младше. И нет, я не осуждаю. Кто я такая, чтобы осуждать? Просто все это как-то...

— Роз, погоди! При чем тут я?

— А ты, дорогая Ви, — старшая дочь нашей незабвенной матушки, которая теперь королева фей. С чем я тебя и поздравляю. Правда, мило, что родителей не выбирают, а?

Роз... Я люблю ее за неисправимый оптимизм. Королева Изабелла называла наивной меня, но если считать оптимизм наивностью, то в этом сестра даст мне фору.

— Погоди. Наша мама теперь королева? А я принцесса?

— Ну да.

— И... что теперь?

— Ви, ты не просто принцесса. Ты наследница Садов фей. Теперь тебе предстоит пройти посвящение и стать настоящей феей — как наша матушка...

— Я не хочу! Какое еще посвящение?

— Мало ли, чего ты не хочешь. А после ты или отправишься жить в Сады, или останешься вместе с супругом в Сиерне, или... Не знаю, у меня кончились варианты. Спроси у мамы.

А я-то хотела выйти за Ромиона замуж и вернуться домой, так как брак в другом мире вроде как в моем мире не считается...

И оставить Дамиана одного? И Ромиона? Ладно, Ромион точно от этого будет в выгоде, а вот Дамиан?..

Как же все сложно! А-а-а!

— Да ладно тебе, Ви, я тебе так предлагаю: выйди замуж за своего Ромиона, сделай любовником Дамиана и совмести приятное с полезным. А сама сбеги в Сады к маме. Или...

— Роз. Помолчи. Лучше скажи... — Срочно меняем тему, а то она до такого договорится! — Ты помнишь Габриэля?

— Кого?

— Твоего рыцаря. Ну, духа, демона, который тебе клятву принес!

— А... Брюнет такой? С красивыми глазами? Точно, Габи! Из торта вылез — на девичнике, — всплескивает руками Роз. — Было, да. Кто же его вызвал... Рапунцель? Нет, вроде бы не она... Не помню, но кто-то чертил схему и вызывал духа... Погоди, а демона не было. Какой демон? Ви, демоны — они же все страшные, как...

— Он тебе клялся? После того, как из торта вылез? — Габриэль из торта!.. Боже мой!

— Когда заявил, что ошибся порталом? Или после второй бутылки шоколадного ликера? Он пил как не в себя... Нет, потом он, кажется, раздевался... Что, Ви? У нас девичник! Имею я право получить последнее наслаждение? Хотя бы визуальное!

— Не сестра ты мне больше, — давлюсь от смеха я.

— Да это ты у нас невинная дева, — фыркает Роз. — А все потому, что слишком на своей внешности зациклилась. Ой, да подумаешь, любви настоящей нет... Хорошо-хорошо, заканчиваю. Да, дух был. Превратился в красавца. Разделся. Выпили. Что было дальше — не помню. А почему ты спрашиваешь?

— Роз, освободи его от клятвы. Пожалуйста. А то он потом, кажется, протрезвел и обиделся на тебя.

— На меня! За что? Я его за язык, что ли, тянула? Ну ладно, ладно. Освобождаю тебя, Габриэль, от клятвы...

По комнате проносится ветерок, и Роз тоже садится на кровати.

— Ви, а у вас что, тоже духи водятся?

— Нет. — Мне кажется или я действительно вижу отражение Габриэля в зеркале? Нет, все-таки кажется.

А Роз вдруг начинает торопливо собираться.

— Ви, я домой, меня там Уль... рик заждался. Кажется, надо было ему сказать, что я ухожу тебя проводить. Но он бы не пустил... В общем, завтра букетом целясь в меня! — кричит она, уже растворяясь в воздухе.

Я падаю на кровать — сил нет даже проветрить после сестры комнату, хоть у меня и аллергия на розы.

Спать, спать, спать... И почему мне чудится, что кто-то снимает с меня

тапочки, подкладывает под голову подушку и укрывает покрывалом с кошечками?

— Габриэль, спасибо, — мурлычу я, но ответа, конечно, не получаю.

Утром довольный, хоть и не выспавшийся папа обнимает маму, кормит ее рахат-лукумом из роз (наверняка сбегал в ближайший круглосуточный магазин), а мне объявляет, что, конечно, сначала поговорит с моим Дамианом, но в принципе не против отправить меня погостить к маме. Но ненадолго. И тройку я все-таки исправлю. И серьезно подумаю о будущем. Да, и что, та школа для золотой молодежи действительно такая хорошая? Папа согласен подумать, может быть, там мне и впрямь будет лучше учиться, чем здесь. В том мире о феях знают, а здесь придется отбиваться от женихов метлой. Пусть это муж делает, зачем-то же он нужен!

«Да и вообще, Виола, ты уже взрослая девочка, поступай как знаешь».

Что-то мне говорит: папа спустя неделю опомнится и передумает. Начнет вызывать меня обратно, но мама уже проведет мое посвящение в феи (кстати, как оно проводится?) и обзаведется наследницей.

Ладно, я после об этом подумаю. Мне сейчас со свадьбой нужно что-то делать.

Дамиан появляется на рассвете, целомудренно целует мне руки, кланяется маме (но смотрит только на меня-а-а). А потом закрывается с папой в кабинете, и у них там проходит серьезный мужской разговор.

После чего папа улыбается еще шире (да что они там делали?), хлопает Дамиана по плечу, говорит, что да, «жабенок не подарок» и «не вернешь ее через неделю — найду и в землю закопаю». Только не уточняет, кого из нас.

Мама тоже к Дамиану благосклонна, но ее больше заботит, что она не успеет прихорошиться к свадьбе дочери (интересно которой? Зная маму — к свадьбе Роз как раз закончит).

«Да, Виола, у тебя сегодня свадьба», — Дамиан округляет глаза и усмехается.

Не хочу замуж!

Но, кажется, согласие я уже дала, и обратно его никто не возьмет. Не отвертеться. Во дворце, куда возвращает меня Дамиан, платье мне уже сшили. Правда, на меня-жабу. И лично главный паук, в смысле портной королевства, очень не рад видеть изменившуюся невесту. «Что я на такую худышку сделаю за час?» — визжит он еще тоньше императора гоблинов. И я уже привыкаю к мысли, что выходить замуж буду в простыне или в полотенце, но платье все-таки оказывается готово в срок. Шикарное свадебное платье из лебединых перьев. Надеюсь, не из тех лебедей, что в

озере плавали, около которого мы с Ромионом встречались.

Сам Ромион не появляется, пока меня готовят, и ему повезло, потому что я теряю голову все сильнее по мере приближения торжества. Для начала — я не привыкла к восхищенным взглядам днем. И к благосклонности слуг я не привыкла тоже.

Кстати, о слугах. Вчера была еще одна свадьба. Моей камеристки — кто-то из счастливых обладателей моей туфельки (помните, я на балу потеряла) вычислил мой дом, но меня там, конечно же, в то время не было. Зато была эта доморощенная золушка, камеристка, и она беднягу утешила. Так утешила, что нет у меня (точнее, у Роз) больше камеристки. Она теперь графиня. Вот так вот.

Когда кутерьма с ванной, обертыванием, обмазыванием, нарядом и прической заканчивается, меня отводят в тронный зал, шикарно по случаю торжества украшенный. Гости ждут — наверное, все сиернское королевство, делегация от гоблинов и отец Роз с моей мамой. Как-то странно они друг на друга смотрят. Наверное, Роз погорячилась насчет той ослиной шкуры...

Все происходит так быстро, что у меня даже кружится голова. Ромион не дурак, я просто не успеваю сообразить, что происходит: вот мы стоим, взявшись за руки, и Ромион все пытается сообщить глухому старичку, который ведет службу, что «это не та невеста». А я объясняю громким шепотом, что нет, Ромион ошибся, я это, я. Ромион наконец верит, распаивает от изумления глаза, а заодно и рот и не закрывает все время, пока старичок перечисляет, как мы с Ромионом должны друг друга любить. Потом идут наши обязанности, которые я «корректирую» тоже громким шепотом (вроде «о наследнике даже не думай», «проводать в битву — ага, разбежалась», «в башне сидеть и тебя ждать — и не мечтай»), а Ромион усиленно улыбается («Виола, радость моя, ну сделай вид, что все хорошо!»). Но к этому времени заставить меня замолчать не смогло бы даже проклятие.

Мы так и продолжаем перепалку — старичку приходится повторить «Клянетесь ли вы?..» два раза. На третий мы все-таки его слушаем.

А потом хором отвечаем: «Нет!»

Смотрим друг на друга.

И смеемся.

В полной тишине — все гости замерли и не дышат — Ромион подводит меня к стоящему в первом ряду приглашенных Дамиану.

— Виола, я обещал, что не встану между тобой и тем, кто тебя полюбит. Тем более если это мой брат. — И тут же Дамиану: — Но ты не

говорил, что она настолько красива!

И я понимаю, что меня снова надули. Братья умудрились в очередной раз договориться — с обоюдной, так сказать, выгодой. Только на этот раз делили меня.

— А ты бы, братец, губу не раскатывал, — фыркает Дамиан.

— Помолчи!

— Сам помолчи!

— Цыц! — Это уже я. — Что происходит?

Ромион снова принимается благостно улыбаться. А потом толкает речь, что он, как монарх (и все такое), жертвенно отказывается от своей любви в честь брата, который...

Не знаю, что он хотел сказать, но до меня доходит, что сейчас меня, кажется, выдадут замуж за Дамиана. Еще чего!

Это я и кричу ему, стуча букетом невесты всюду, куда могу дотянуться. А что? Я нервничаю! И я ночь не спала — а они тут без меня уже все решили! Не-е-ет, права крестная: все мужики — козлы.

— Я за тебя замуж не пойду! — кричу я Дамиану.

— Да кто тебя возьмет! — кричит он в ответ, отбирая у меня букет.

Заканчивается вся эта вакханалия тем, что Дамиан ловит меня в объятия (а букет падает в руки бегавшей вокруг нас Роз) и целует так страстно, что я начинаю открывать во всем этом новые горизонты...

А потом мы проваливаемся в портал — на ромашковый луг.

И если вы думаете, что дальше пойдет сплошная романтика, то вы плохо знаете Дамиана. Нет, он поет мне песню про любовь. Сначала. А потом про демонологию.

Я ненавижу демонологию...

Потом я пытаюсь его заткнуть и отхлестать вовремя найденной хворостиной.

Потом мы на пару пытаемся призвать демона.

А вечером засыпаем в объятиях друг друга, окруженные защитным контуром и любопытными светлячками.

— Сейчас я покажу тебе Астрал, — шепчет Дамиан.

И показывает.

Ладно, в некотором смысле я начинаю любить демонологию. Но Дамиану нужно хорошенько подумать, что он поставит на первое место. И если это буду не я... Он дико пожалеет, в общем.

Просыпаюсь я во дворце, и невозмутимый Ромион сидит на кровати рядом, читая какой-то свиток.

— Только не говори, что мне все приснилось и у нас была брачная

ночь! — Я бросаю в него подушкой.

Ромион уклоняется. И с улыбкой подмигивает.

— Ночи — не было. Но я могу устроить тебе день... Ты уверена, — он отбрасывает свиток и пытается меня поцеловать, — что не хочешь?

— Уверена, — и я сбегая от него в купальню.

Увы, Ромион всегда был настырным. Когда, одетая, я возвращаюсь в спальню, он сидит за накрытым к завтраку столом.

— Так какой десерт ты предпочитаешь в это время суток, радость моя?

— Ромион! Что тебе от меня нужно? И где Дамиан?

— Дамиан в своих покоях. А потом ему предстоит прогуляться для меня по Астралу. Так что мой брат очень занят. А от тебя мне нужно следующее...

И весь завтрак он маринует меня политическими требованиями вроде: «Когда ты станешь принцессой фей, ты должна будешь...»

— Ромион, а скажи честно, — перебиваю я. — Ты же так хотел, чтобы я за тебя вышла. Почему отказался?

— Хотел, — с достоинством отвечает Ромион. — И сейчас хочу. И до сих пор не уверен, что Дамиан сделает тебя счастливой. Но он снял с тебя проклятие. И еще, Виола. Он мой брат.

— Ты его все-таки любишь, — улыбаюсь я.

Ромион улыбается в ответ.

— Люблю. А еще я не хочу, чтобы он становился Темным Властелином. Мне тогда с ним придется воевать, и я проиграю. Так что... Выходи ты лучше за него, Виола. Но помни: если что — я рядом.

— Ромион, ты невыносим! — И, черт возьми, мне это нравится.

— Между прочим, — замечает «невыносимый» Ромион, — для моей мачехи все готово. Но разговаривать с ней ты будешь только в моем присутствии. И да, я уничтожил все ее зеркала и яблоки. Да, уничтожил! Хотя та орава черных колдунов, явившаяся вчера в мой дворец, и предлагала за них большие деньги.

Болтун он, Ромион. Особенно когда доволен. А ему, похоже, очень нравится быть королем (которым он стал, кажется, за неимением других кандидатов — должен же кто-то править? А кто, если не победитель злобной королевы? И неважно, что победил Дамиан — он же бастард. Запутано у них тут все, в Сиернском королевстве).

— Счастливы? — Заточенная в башне королева все еще прекрасна, но увешана сдерживающими браслетами по уши. — О, девочка, ну что, который из братьев тебя расколдовал?

Я слушаю, как они с Ромионом обмениваются любезностями, и думаю: а правильно ли я делаю? Она все-таки черная ведьма. И действительно опасна...

Но даже чернейшая из ведьм достойна быть счастливой. Мне так кажется.

— Что, глумиться надо мной будете? — шипит Изабелла. — И когда казнь, а, пасынок?

Ромион улыбается и сообщает, что казни не будет. Что ей и малышу Томми куплен шикарный дом в предместьях столицы. Что они будут там жить.

— Ссылка? — заламывает бровь Изабелла.

Ромион вздыхает и достает кипу свитков вместе с ключами.

— Нет, мачеха. Моя... э-э-э... Виола попросила... Я дарю тебе наш столичный театр. Он твой. Можешь его развалить, можешь преобразовать, можешь отравить яблоками. Только колдовать я тебе не позволю — Дамиан за этим проследит, уж извини. А театр твой.

Изабелла не верит: приходится повторить несколько раз, и даже после этого она поворачивает голову ко мне и смотрит недоуменно.

— Зачем?

— Второй шанс, — улыбаюсь я. — Мне тут убедительно доказали, что он бывает счастливым.

Королева хмурится и качает головой. Но ключи и свитки принимает и выглядит при этом по-настоящему довольной.

Ну а что? Сказка это или нет?

— Вы ошибались, — говорю я, когда мы уходим. — Насчет любви. И насчет красоты. Меня любят такой, какая я есть. И знаете, что еще... Красота — это не важно.

Королева усмехается, а я переглядываюсь с Ромионом.

— Правда. Гляньте вот на него, — киваю на Ромиона. — Ну кому он нужен, когда молчит? А стоит рот открыть...

— Виола! — изумительно, но Ромион краснеет.

Я чмокаю его в щеку и первой выхожу за дверь.

Дамиан встречает меня на крыльце башни, берет за руки, говорит, что отведет туда, где я никогда не бывала, потом посылает Ромиона в Астрал и открывает портал.

Да, на берегу лебединого озера я слушаю еще одну лекцию по демонологии, но потом Дамиан меня целует.

Господи, я утону в его глазах...

Вот оно, счастье!

...И жили мы долго и счастливо...

Или нет?

— Виола, меня совершенно не волнует, что ты влюблена, что ты принцесса и что ты спасала мир! — отчитывает меня директриса, а ее манул-в-сапогах лежит перед ней на столе и смотрит на меня, высунув язык. — Ты пропустила целых две недели занятий! Две недели! Ты из отработок у меня не вылезешь!

— Но... Но я тут больше не учусь!

— Неужели? — улыбается директриса и показывает мне подписанное мамой и — о ужас! — папой заявление: «Прошу принять мою дочь...» — Еще как учишься. Вот. — Мне на колени ложится кipa листов. — Это твое домашнее задание. Не сделаешь к завтрашнему утру — карцер покажется тебе счастьем.

— Но... Но... А как же Розалинда? Я же за нее училась. Пусть она делает!

— А принцесса Розалинда выходит замуж. Из этой школы, милая моя, девушки выходят только замуж. И ты забыла правило: не перечить!

На подгибающихся ногах я выхожу из кабинета (эта кipa листов действительно тяжелая!). И уже у фонтана с лягушкой, бегло просмотрев первые три листка, замечаю, что... Они все сделаны! И все исписаны знакомым убористым почерком.

А на последнем листе написано:

Еще увидимся, принцесса!

notes

Примечания

Да, у большинства лягушек глаза желтые. Но ведьма, проклявшая Виолу, была большим оригиналом. Поэтому Виола чуть-чуть не стала красноглазой квакшей.

У отца Виолы необоснованно пренебрежительное отношение к студенткам МГТУ им. Баумана. Наверняка до ведьмы у него был роман с кем-то из них, и он плохо закончился...

Имеется в виду «пыльца фей», основной пункт экспорта королевства фей — Зачарованных Садов. Была запрещена во всех королевствах... ровно сутки, пока королева фей об этом не узнала. После ее «уговоров» пыльцу разрешили везде и даже не обложили пошлиной за ввоз, а также пошли на другие послабления, что вызвало у некоторых королевств брешь в госбюджете и скачок инфляции. А потому что никогда не стоит перечить красивой женщине (особенно если она фея).

Пример, предложенный академиком Л.В. Щербой на вводных курсах «Основ языкознания»; показывает, что узнать существительное или глагол можно, даже не зная значение слова. Да, и в сказочном королевстве интересуются грамматикой.

Вилкой. Виола должна была есть пирожное специальной десертной вилочкой, и она об этом знает. Но ей все равно.